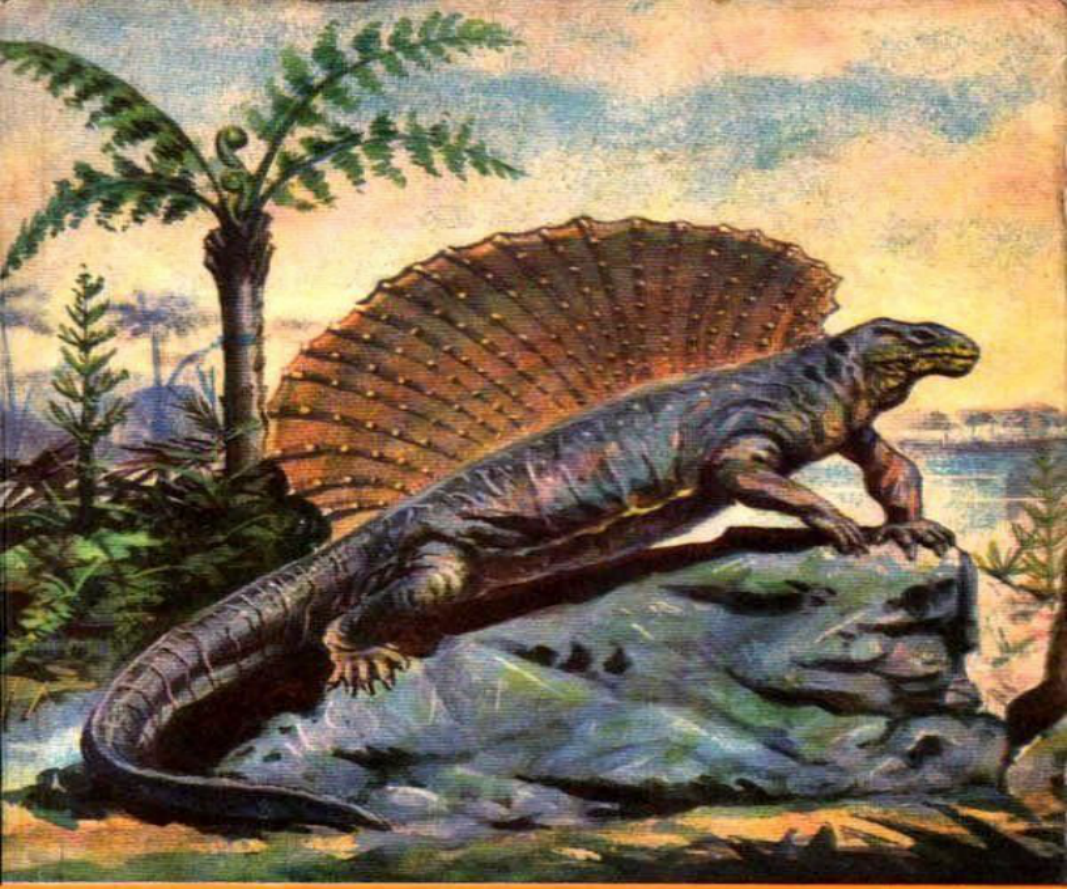


Й. Аугуста

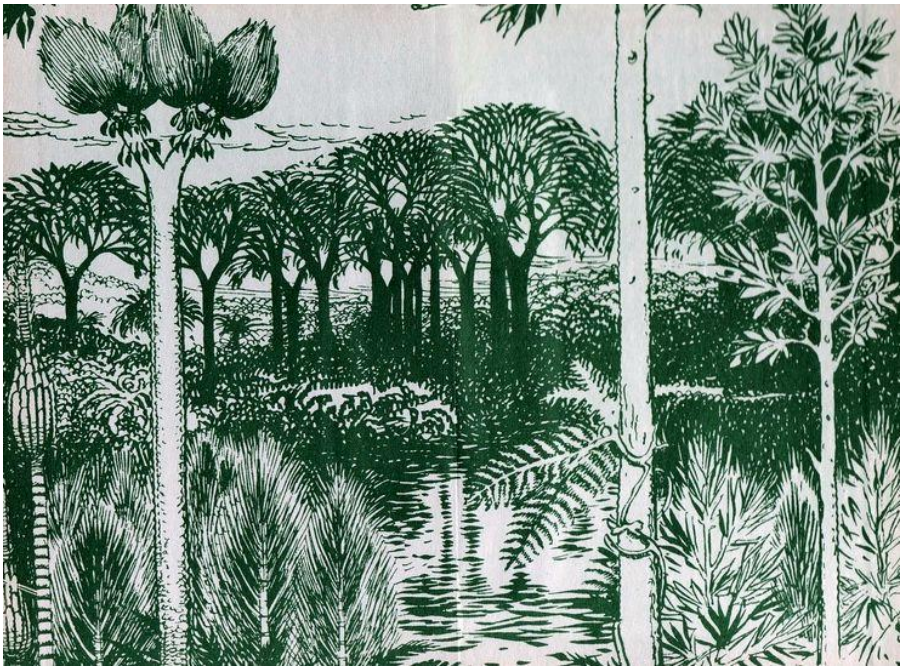
ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — известный чешский ученый, профессор, доктор наук, знакомит читателей с животным и растительным миром давно прошедших геологических эпох, отдаленных от нашего времени многими миллионами лет. Рассказано также о жизни первобытных людей, их каждодневной борьбе с трудностями и опасностями существования в те далекие времена.

- Йозеф Аугуста
  -
  - ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР
  - ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ
  - БУХТА ДРАКОНОВ
  - ПЕРЕОЦЕНЕННЫЕ СИЛЫ
  - ОЗЕРО УЖАСОВ
  - ПРОИГРАННАЯ ЖИЗНЬ
  - ТАИНСТВЕННЫЙ ИДОЛ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ОБЗОРНАЯ ТАБЛИЦА ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭР И ПЕРИОДОВ
  - ТАБЛИЦА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ДРЕВНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК
  - ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ



Йозеф Аугуста

Исчезнувший мир

Й. Аугуста

ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР

МОСКВА НЕДРА
1979

ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР

Из области палеонтологии

Написал эту книгу профессор университета, доктор природоведения Иозеф Аугуста, награжденный орденом Труда и медалью «За заслуги в строительстве». Первоначальные реконструкции животного и растительного мира выполнил согласно указаниям автора член Академии художеств Зденек Буриан. Издано как научно-популярные материалы для чтения, дополняющие палеонтологические сведения учебников ботаники, зоологии и биологии человека для общеобразовательных школ.

Есть среди нас люди, которые каждый день меняют дневной свет на тьму подземелья, покидают наш наземный мир и спускаются в глубины мира исчезнувшего, в мир, погребенный неисчислимыми, давно минувшими веками. Они не обращают внимания на опасности и трудности, с радостью выполняя свою задачу — добыть из этих веками скрытых миров природные богатства — уголь и руды,- чтоб маховики наших фабрик неустанно вращались, и мы все могли жить так, как живем и хотим жить. Поэтому эту книгу я посвящаю детям горняков — наших славных тружеников.

Пусть они узнают, как когда-то выглядели хотя бы некоторые из этих исчезнувших миров, в глубины которых их отцы ежедневно спускаются, чтобы сделать общим достоянием спрятанные там клады.

ВВЕДЕНИЕ

Из глубоких бездн бесконечного прошлого, в котором столетия были не чем иным, как ничтожными песчинками гигантских песочных часов вечности, и в котором красота и ужас былых миров закутаны тысячами густых покрывал тьмы забвения, появятся перед тобой, дорогой читатель, безыскусственно нарисованные картины из времен таких далеких, что считать их годами и столетиями было бы лишь смешным занятием.

Пытливый человеческий разум как магическая палочка превращает неживые камни в ожившие снова страны, которые в далекие времена светились искрящейся зеленью с серебряными лентами рек, ручьев, горных потоков, в страны, которые были покрыты обширными древними лесами, широкими озерами, бездонными болотами, однообразной песчаной пустыней или бесконечными морскими гладями.

Словно волшебной палочкой, раскрывает человек темные глубины неизвестного прошлого, и первобытные страны возникают перед ним в солнечном сиянии при свете дня, в сумерках тихого вечера и в темноте ночи, при спокойной погоде и при свисте ветра и грохоте бури.

Перед пытливым взором человека не осталась скрытой и жизнь первобытных созданий, которые, как бы избавленные от заклятия, покидают свои каменные могилы и снова переносят трудности каждодневной жизни.

И знай, дорогой читатель, что история каждой такой волшебной страны с удивительными существами является лишь незначительным происшествием, мелким событием богатой и удивительной древнейшей истории развития Земли и ее жизни.

ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР

Над затемненной спящей страной висел черный купол небосвода, искрящийся тысячами точек горящих звезд.

Ночь ступала неслышными шагами и понемногу терялась вдали. С ней исчезали в глубинах Вселенной и рои мерцающих звезд, как раскаленный песок в гигантских песочных часах. Непроницаемая темнота ночи повсюду сменялась серым рассветом, и при зарождении дня начинали вырисовываться первые неясные контуры древней страны палеозойской эры в эпоху позднего карбона.

Прошло немного времени, и сквозь серебристые испарения утренней мглы понемногу стало просвечивать яркое солнце. Золотыми стержнями своих лучей оно разгоняло хлопья мглы в самые густые заросли удивительных растений, которые буйно росли на иле обширных болот.

Прекрасная страна предстала в свете рождающегося дня!

Это была бесчисленная россыпь островов и изломанных скал, соединенных лабиринтом проливов, проток и заливов; область представляла собой смешение мелких озер, болот и участков суши.

Воздух был наполнен испарениями болот. К облакам поднимались удивительные кроны громадных древовидных плаунов лепидодендров, зонтики которых распростерлись высоко над землей. Они образовывали однообразные рощи среди болот, зеленой поросли мхов, печеночников и низких папоротников.

Здесь росли также родственные им плауны сигиллярии, высокие стволы которых в безветренные дни оцепенело воздымались ввысь. Стволы были покрыты рубцами — следами опавших листьев и выглядели, как громадные столбы с вихрастыми вершинами.

На берегах обширных болот вырастали заросли огромных хвощей каламитов, могучие и высокие стволы которых с бесчисленными переплетениями ветвей и узких листьев удерживались сильными корнями, разросшимися во все стороны в жидком иле.

Все эти лепидодендроны, сигиллярии и каламиты образовывали первобытный лес с непроходимыми густыми зарослями молодой поросли, быстро выраставшей там, где неистовые вихри ломали и выворачивали громадных древовидных великанов. Вверх по их стволам, как большие зеленые змеи, ползли различные лиановидные папоротники, крупные веера листьев которых развевались во влажном воздухе,

как прекрасные вытканные ленты зеленых кружев.

В местах, где почва была суше, вырастали лесочки стройных кордаитов; это были уже голосеменные растения, которые имели тонкие высокие стволы и многократно и неправильно разветвляющиеся кроны из длинных листьев, собранных на концах ветвей. Эти листья простого строения были кожистыми и имели вытянутую травообразную или поясообразную форму; они поднимались в свете солнечного дня, как зеленые штыки, и защищали желтоватые соцветия, состоящие из шести частей.

Между кордаитами вырастали также бесчисленные древовидные папоротники, которые раскидывали свои громадные кроны красивых перистых листьев широко во все стороны и жадно вбирали поток живительных солнечных лучей.

Из почвы, постоянно пропитанной влагой, по краям болот прорывались к солнцу удивительные птеридоспермиды — растения, похожие на папоротники, мелкие, древовидные или напоминающие лианы. Низкие разновидности существовали вблизи поверхности земли в тени, тогда как древовидные тянулись кронами вверх, к солнцу, а похожие на лианы — змееподобно скручивались и обвивались вокруг стволов древовидных плаунов и хвощей, облепляли их ветви или пробивались через переплетения крон только для того, чтобы поймать своими зелеными веерами как можно больше золотых солнечных лучей. В отличие от папоротников они, однако, не имели на нижней части листьев споровых утолщений. Вместо них образовывалось уже что-то вроде семян, которыми растения размножались и сохраняли свой род. Это были достопримечательные типы, представлявшие собой переход между споровыми папоротникообразными и голосеменными растениями. Они указывают нам, что эволюция растений не останавливалась на достигнутом уровне, а непрерывно продолжалась. Тяжелая тишина стояла над всей этой болотистой областью. Не было здесь еще существ, которые своими голосами нарушили бы тишину. Лишь в дни, когда над областью проносились вихри, первобытные леса наполнялись звуками. Но это не был приятный шум или внушительный рокот наших лесов, а скорее лишь резкое звяканье, которое со скрипом разносилось по каламитовым, лепидодендровым и сигилляриевым лесам.

Однако тишина, которая царила в этой природе карбонового времени палеозойской геологической эры, еще не означала отсутствия жизни.

Воды маленьких озер были домом для множества рыб, в первую очередь для тонких палеонисков, для древних примитивных первобытных хищников плевракантов с длинными

затылочными шипами, для всевозможных первобытных земноводных или стегоцефалов, а местами и для первых чудовищных первобытных пресмыкающихся.

В донном иле зарывались мелкие моллюски и различные предки современного мечехвоста. Между зелеными пучками растений плавали мелкие ракообразные — мизиды, остракоды и другие, а с ними также несчетные личинки разных первобытных насекомых; жизнь их всюду находилась в опасности, так как за ними постоянно следили рыбы и личинки стегоцефалов.

По берегам водоемов среди густой поросли низких папоротников мелких первобытных насекомых подстерегали ядовитые скорпионы и другие пауки с членистыми головогрудью и задней частью тела.

Через зеленые веера низких папоротников и стелющихся плаунов прыгали удивительные, похожие на саранчу, оешиды и стенароподы; при падении они шелестом пугали не только себя, но и несчетных тараканов, сороконожек и многоножек, скрытых под истлевающими растительными остатками.

В воздухе временами пролетали стрекозы, гоняющиеся за добычей, в большинстве случаев над водой, где в крутящихся роях танцевали похожие на поденки триплособы, мишоптеры, коридалоиды и другие. Они летали быстро, но бесшумно; только тогда, когда проносилась гигантская меганевра, свист в воздухе был резче и пронзительнее.

На покрытом рубцами стволе огромного лепидодендрона, который был выворочен бурей и упал вершиной в болото, лежал как будто без признаков жизни представитель стегоцефалов — урокордилус. Но его маленькие глазки на передней части трехгранной головы внимательно подстерегали какое-нибудь живое существо. Взгляд урокордилуса блуждал с места на место до тех пор, пока не остановился на длинной пестро-окрашенной сороконожке, которая протягивала свое тонкое тело через сплетение корней и мелких корешков вывороченного плауна.

Урокордилус не спускал с нее глаз. Однако он был слишком далеко, чтобы схватить ее одним быстрым движением. Поэтому он терпеливо ждал, пока сороконожка приблизится сама. Но не дождался — она вдруг исчезла между корней и больше уже не появилась.

Урокордилус подождал еще немного. Поскольку по-прежнему никто не появлялся, он начал осторожно ползти по упавшему стволу до тех пор, пока не достиг места, откуда ствол был вывернут. Но и здесь он не остановился, влез на один из основных корней и оттуда внимательно высматривал, не появится ли где-нибудь исчезнувшая сороконожка. Когда и оттуда он ее не

увидел, то вернулся и, как бы раздосадованный неудачной охотой, бесшумно сполз со ствола в воду, заработал могучим сплющенным с боков хвостом и поплыл куда-то к середине болота.

Но вдруг он направился обратно и вскоре уже снова неподвижно лежал на толстой ветви вывороченного лепидодендрона, которая выступала из воды как зеленый островок. Лежал на самом краю ветви, повернув голову вниз, и следил за стаей мелких, но проворных рыбок амблиптеров. Наблюдал, как они заботливо просматривали кустики водных растений, не найдется ли в них чего-нибудь съедобного, и как внимательно исследовали илистое дно, где бывает скрыто много разных червей. Однако наблюдение ему вскоре надоело. Он прополз выше по ветви, прижался к ней и стал стеречь добычу.

Лежал оцепенело, без малейшего движения. Вдруг в воздухе раздался тихий шелест и на веточку перед урокордилусом село удивительное насекомое. Оно имело членистое туловище и две лары одинаковых крупных крыльев, перед которыми были еще маленькие крыловидные выросты тела. На круглой голове с длинными нитевидными щупальцами из одинаковых члеников располагались крупные сложные глаза, а между ними на темени три простых глазка. Мощная членистая задняя часть тела расширялась в обе стороны, а на конце виднелись похожие на щупальца выросты. Это была стенодиктия — один из многих типов представителей древнейших крылатых насекомых, которые впервые появились в болотах позднего карбона. Она обладала многими примитивными чертами своих предков.

Стенодиктия опустилась на веточку, чтобы немного отдохнуть. В свете солнечных лучей у нее красивыми

серебристыми отблесками сверкали горизонтально растянутые крылья, которые она не могла сложить.

У урокордилуса загорелись глаза. Мгновенно, одним быстрым движением своего подобного ящерице тела, бросился он на стенодиктию и вонзил в ее туловище острые зубки. Когда он заглатывал ее, одно из крыльев, как большая серебряная чешуя, упало на водную гладь. Со временем оно попало на дно болота, исчезло в темном осадке и лежало в нем долго, так долго, что определить это время годами невозможно. Ведь над этим местом миновали безгранично долгие века исчезнувших миров до того, как это крылышко было найдено человеком и вынесено из глубин угольных шахт снова на свет солнечного дня. И здесь уже было установлено, что это остатки одного из первобытных предков сегодняшних насекомых.

Между тем горящий солнечный диск взошел уже высоко над восточной стороной горизонта, и его теплые лучи прогнали урокордилуса с утренней охоты. Потихоньку он лез по покрытому рубцами стволу назад к берегу и там исчез в зеленой гуще низких папоротников, чтобы удобно расположиться в их тени.

Только при ярком солнечном свете стала явной красота края.

Это уже не была голая суша предыдущего девонского периода, неприветливая, мрачная и только местами окрашенная зеленью небольших островков растений простого облика. Вокруг раскинулись первые по-настоящему обширные первобытные леса, отличавшиеся красотой и богатством форм. Здесь произрастали разнообразные растения — от светло-зеленых стелющихся печеночников и подушечек темно-зеленых мхов до великолепных перистых вееров листьев папоротников, разворошенных султанов сигиллярий, развесистых крон лепидодендронов и переплетенных покрытых листьями ветвей столбообразных каламитов.

Это была картина из прекрасной волшебной сказки, действие которой происходило в столь отдаленном прошлом, что его невозможно себе представить. При необычайно благоприятных условиях жизнь буйно развивалась и в своей неистощимой изобретательности создавала много новых типов, поразительных, неожиданных и всегда одаренных новой, до сих пор невиданной красотой. Это была одна из захватывающих сцен вечного и непрерывного развития всего живого, чудо, которое человеческий глаз не увидел, но которое человек, благодаря своему уму и воображению, смог себе представить.

Среди немой и холодной красоты, застывшего великолепия одинокой зелени, буйной природы без пестрых цветов и их одурманивающего аромата еще не зазвучал ни один голос. Из тогдашнего животного мира наиболее развитыми существами

были немые и не очень быстрые покрытоголовые — стегоцефалы — хвостатые первобытные земноводные, напоминающие саламандр, ящериц, крокодилов, а иногда и змей. Они имели форму самых древних четвероногих позвоночных самой низкой ступени развития, а скелеты несли еще много черт их древнейших предков — рыб. Брюшную сторону тела покрывали крепкие панцири, состоящие из чешуи или стерженьков, которые были соединены различными способами и составляли разнообразные узоры. Их черепа, как правило расширенной трехгранной формы, были в отличие от черепов современных земноводных сверху целиком закрыты костями. Посередине теменной кости имелось круглое отверстие для третьего глаза, который хотя и был покрыт кожей, но выполнял еще некоторую зрительную функцию.

Покрытоголовые были разной величины- от нескольких сантиметров и до настоящих исполинов, головы которых имели размер более одного метра; эти гиганты, однако, не жили в болотах позднего карбона. Домом для более мелких покрытоголовых служили болота и топи. В их водах самки откладывали яички, из которых со временем вылуплялись личинки; они дышали внешними жабрами, украшавшими наподобие вееров или бахромчатых выростов конец их головы. Взрослые покрытоголовые жили и на суше, потому что по мере роста сменяли жаберное дыхание на легочное; однако никогда они не расставались с водой надолго и от нее не удалялись.

Поэтому и наш покрытоголовый — урокордилус придерживался края омута и пробирался через прибрежное сплетение растений. Тщательно он осматривал каждую щель между камнями, каждую кучку гниющих листьев, так как там всегда можно было поймать какого-нибудь зазевавшегося таракана, хрупкую сороконожку или большого червя.

Успешно охотился урокордилус в зеленом полумраке под веерами папертников. Когда он насытился, ему захотелось отдохнуть. Поэтому он пробирался через сплетения зеленой поросли к берегу лениво текущей реки, воды которой вливались в обширный омут, соединенный проливами с другими омутами и болотами, благодаря чему вся эта область была удивительным лабиринтом и необозримым чередованием участков воды и болотистой суши.

На берегу реки лежал большой плоский валун. Он немного высовывался из воды и находился в тени огромных вееров прекрасных семенных папоротников невроптерисов и большого пня вывороченной сигиллярии. Пень был покрыт хлопьями светло-зеленых сфенофилл, удивительных тайнобрачных растений, из стеблевых узлов которых на тонких стебельках вырастали мутовки клиновидных листьев. Из илистого дна на мели росли густые заросли диковинных негератиопсисов, каких-то загадочных растений, скорее всего водных папоротников, веера просто устроенных перистых листьев которых, состоящих из больших, широких и кожистых листиков, имели густую сеть жилок.

Заросли окаймляли берег реки по обеим сторонам плоского валуна. К этому валуну и направился урокордилус. Когда достиг его края, то стал высматривать наиболее удобное место, где бы мог на него влезть.

Он осторожно взобрался на валун, остановился, осмотрелся вокруг и тогда увидел, что здесь уже отдыхает после охоты похожий на ящерицу кератерпетон, вооруженный двумя острыми шипами на задней части черепа, а недалеко от него находится несколько саламандровидных бранхиозавров. Урокордилус обошел их стороной и направился на свободную сторону валуна, который в этом месте нависал над водой.

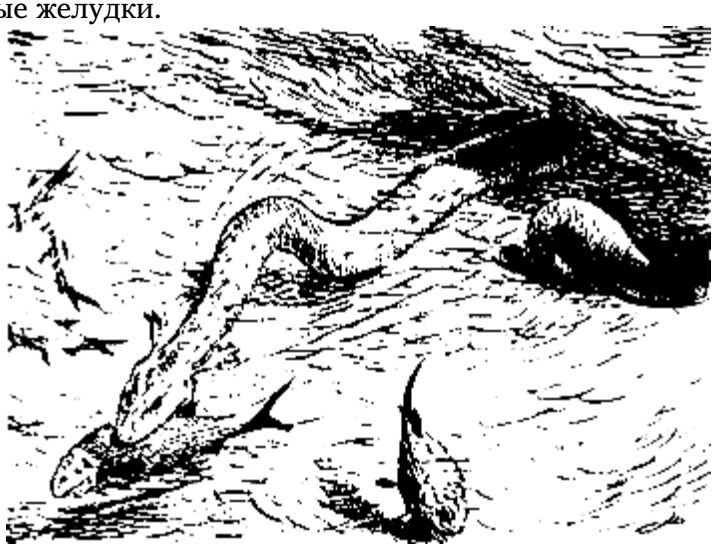
Осторожно полз урокордилус по краю валуна, как будто на его похожем на ящерицу теле лежала безмерная тяжесть всех минувших веков. В одном месте он остановился, чтобы отдохнуть, и спокойно устроился в приятном холодке. Он прижался к валуну и свесил голову через его край.

Но прежде чем смог он сомкнуть глаза, взгляд его остановился на мертвом теле одного бранхиозавра, которое лежало на берегу реки между камнями. Оно было повернуто брюхом вверх, и около него копошилась стая маленьких силей — самых малых из известных покрытоголовых, не превышающих двух-трех сантиметров. Слабенькими зубками жадно вгрызались они в тело бранхиозавра, но только в его бока, так как все брюхо было покрыто рядами чешуи, которые создавали крепкий

панцирь, охраняющий тело покрытоголового. Урокордилус, как будто бы ему мешал рой силей около мертвого бранхиозавра, прервал отдых и ленивыми шагами двинулся по краю валуна. Только когда он достиг места, наиболее удаленного от берега, он снова остановился и лег отдыхать.

Склонив голову над водой, он некоторое время с любопытством наблюдал, что делается внизу. Между растениями вместе с личинками разных первобытных насекомых пробирались примерно двухсантиметровой длины ракообразные палеоорхестии с длинными щупальцами и узким вытянутым членистым телом, на конце которого имелся веер широких кожных чешуек, а вместе с ними здесь двигалась и стая похожих на них газокарисов. Веселый рой личинок первобытных насекомых и мелких ракообразных быстро надоел урокордилусу. Он был сыт, жаждал отдохнуть, и что ему было до жизни вокруг?

Но до того, как сомкнул он свои безразличные глаза и погрузился в дремоту, заметил еще, как в растительную поросль вторглась стая молодых рыбок амблиптеров и как все они жадно набросились на личинок и ракообразных, чтобы наполнить свои голодные желудки.



Урокордилус уже погрузился в глубокий сон, когда неожиданно из темного укрытия под камнем появился безногий покрытоголовый долихосома, очень похожий на змею. Как стрела бросился он в центр стаи и прежде, чем ошеломленные рыбки смогли скрыться, вонзил в одну из них острые зубки и сразу же с помощью волнистых движений своего длинного тела поплыл назад в темное укрытие, чтобы там спокойно съесть пойманную добычу.

Солнце уже было высоко над горизонтом и поднималось все

выше и выше по синему небосводу. Оно неустанно испускало поток золотых лучей на всю страну, на серебристые блестящие глади вод, на их болотистые берега и на бесконечное море зеленых первобытных лесов, которые вырастали здесь под действием теплых лучей, развиваясь от убогих простых форм до удивительно прекрасных зеленых кружев папоротниковых вееров и пушистых султанов сигиллярий, от стелющихся побегов первых невзрачных растений до стройных и изящных стволов древовидных хвощей, плаунов и папоротников, возносящих свои кроны высоко над землей, ближе к золотому, сияющему солнцу. И эти зеленые первобытные леса, которые после несчетных тысячелетий заполнили пустынные пространства этого мира, были первым предвестником будущих красот, стояли немые, как огромные зеленые природные храмы бесконечной тишины и молчания.

Урокордилус по-прежнему спокойно дремал, а с ним на другой стороне валуна — и рогатый кератерпетон и саламандровидные бранхиозавры. Воздух, насыщенный испарениями болот, нагревался даже в густой тени и наполнялся тяжелым затхлым запахом, который неустанно выделяли огромные массы гниющих растительных остатков. Все живое было погружено в эту жаркую и влажную атмосферу. В этой обстановке были необходимые условия для буйного роста, развития и появления новых форм живых организмов.

В жарком душном воздухе все время стояла гнетущая тишина.

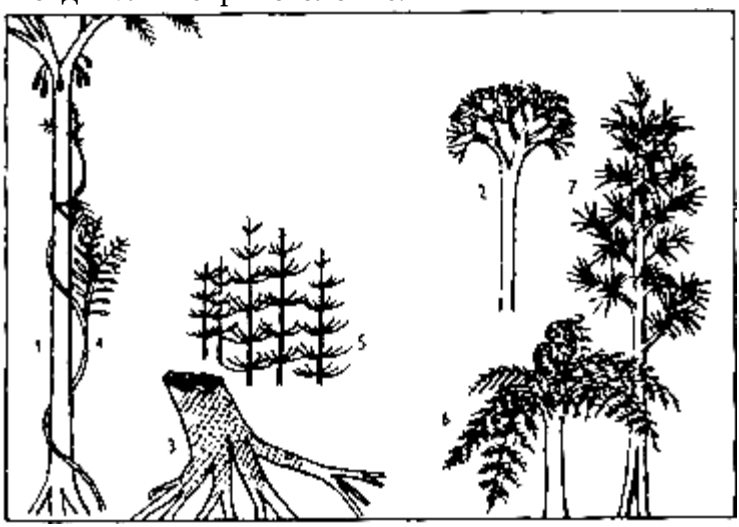
Где-то недалеко от плоского валуна, на котором отдыхали покрытоголовые, из переплетения корней сигилляриевого пня вылезла гигантская артроплевра длиной более метра, по своему внешнему виду очень похожая на сороконожку, с узким вытянутым, членистым и выпуклым телом. Каждый членик тела, несущий одну пару двойных ножек, был составлен из центрального осевого кольца, к которому прилегали два боковых трехсторонних выроста. Все ее тело было украшено различными шипами и бугорками.

Артроплевра старательно пролезла через вороха тлеющих растений, пустоты дуплистых стволов, пней и валежника, разыскивая всюду насекомых, главным образом, тараканов, которые там были в изобилии. Она выслеживала также и безобразных первобытных пауков с членистым туловищем — артроликоса, промигале, раковница и других, разыскивала многочисленных сороконожек — архискудерию, антракоюлуса, гломеропсиса и других, из которых многие были с шипами, пестроокрашенные и значительной величины. Избегала она

только скорпионов из родов циклофтальмус и изобутус, а если и встречалась с ними в охотничьих скитаниях, пренебрегала ими: возможно, они ей были не по вкусу, а возможно, она и побаивалась их острых шипов с ядовитыми железами.

Артроплевра, увлеченная охотой, неустанно протягивала свое длинное членистое тело через переплетение корней вывороченных стволов плаунов — сигиллярий и лепидодендронов, пролезала через груды тлеющих растений, сваленных на землю не только порывистыми бурями, но и старением. Если в спешке она вдруг оказывалась там, где через щель в зеленом куполе первобытного леса проникал узкий пучок солнечных лучей до самой земли, то быстро меняла направление и исчезала под густыми веерами низких папоротников.

Хотя и казалось, что ее путь не имел определенной цели, она неуклонно направлялась к берегу реки, к плоскому валуну, на котором отдыхали покрытоголовые.



Каменноугольный первобытный лес палеозойской эры — реконструкция папоротниковых и голосеменных растений: 1 и 2 — плауны из рода лепидодендрон, 3 — пень лепидодендрона, 4 — лианообразный папоротник рода мариоптерис, 5 — хвощи рода каламитов, 6 — древовидный папоротник рода хагиофитон, 7 — голосеменное дерево рода кордаитов

Однако туда она не дошла.

Большая и тяжелая шишка, с треском упавшая с двадцатиметрового лепидодендрона на серебристую водную гладь, так ее напугала, что она мгновенно исчезла в густом сплетении низких папоротников и больше уж не появлялась.

Но шумное падение шишки испугало и покрытоголовых. Быстро соскользнули они с валуна и скрылись под камнями или в

пустотах между корнями.

Шишка переполошила в воде и стаю маленьких акантодов. Это были рыбки, с веретенообразными телами, покрытыми мелкими, но толстыми чешуйками квадратной формы. Все их плавники, исключая хвостовые, имели впереди длинный острый шип. Они сразу же прекратили охоту и проворно помчались с мелководья в мутную воду.

Их поспешное бегство испугало мечехвоста пролимула, который на мгновение совсем оцепенел; лишь через некоторое время он снова с трудом волочил свое тело по илистому дну между мелкими моллюсками палеоанодонтами и их сородичами.

От места, где упала на речную гладь тяжелая шишка лепидодендрона, разбегались круговые волны, пока, наконец, не исчезли у берега в зелени растений. И еще раньше, чем исчез последний круг, всюду снова воцарилась тишина. Долго весь край был опять безжизненным.

Однако вдруг между высокими стволами лепидодендронов, которые росли на болотистом берегу реки, показался большой и безобразный ящер. Это был эдафозавр, один из первых первобытных пресмыкающихся, которые когда-то появились на нашей Земле. Наиболее удивительным у него был гребень из стержнеподобных костей с шипами, тянущийся вдоль всей спины; эта костяная спинная ограда, обтянутая кожей, была не чем иным, как необычным продолжением спинных отростков позвонков. Несмотря на то, что выглядел этот большой первобытный ящер страшным, для остальных живых существ он не был опасен. Это было травоядное животное, лакомством для которого служили в первую очередь разные сочные растения.

Эдафозавр направился к берегу реки. Его путь теперь проходил через молодую и низкую поросль хвощей каламитов,застывшую красоту которых он сокрушал своим телом и оставлял за собой широкую борозду переломанных стволов и ветвей.

Наконец он достиг берега реки, которая образовывала большую и мелкую излучину. На илистом дне здесь отдыхало и грелось несколько двоякодышащих рыб ктенодов. Их плавательный пузырь был расположен во вспомогательном дыхательном аппарате, способном при необходимости обогащать кровь кислородом из воздуха. Челюсти этих рыбок состояли из зубов, превращенных в широкие трехсторонние пластинки с многочисленными зубчатыми щетками. Рыбки лежали без движения в прогретой воде, как будто неживые. Однако, когда они увидели вблизи страшного эдафозавра, заспешили так, что вода стала темной от взмученного ила, и исчезли в глубине.

Бегство ктенодов не сбило эдафозавра с его пути. Он двигался по берегу реки с топкими и поросшими буйными зарослями гигантских хвощей и плаунов берегами. По некоторым стволам каламитов и лепидодендронов устремлялись в высоту похожие на лианы папоротники, веера их весело развевались в вышине, как обрывки зеленых кружев.

По середине реки двигалась стая плевракантов — первобытных акул длиной примерно в три четверти метра. Сзади головы у них имелось пять жаберных щелей и мощный пилообразный шип. Сразу же за ним начинался спинной плавник, тянущийся до самого хвоста. В пасти у них были многочисленные зубы с двумя расходящимися остриями, которые они вонзали в жертвы, нанося им смертельные раны.

Сегодня, однако, плевраканты не охотились. Они направлялись куда-то в спокойные уголки реки, чтобы там позаботиться о сохранении своего рода: искали какой-нибудь тихий залив с мелкой, хорошо просвечиваемой и прогретой солнцем водой, с богатой растительностью и многочисленными мелкими живыми существами, так как все это было необходимым условием для отложения крупных яиц, связанных широкими перепончатыми лентами, и для здорового развития вылупившихся мальков. Плевраканты быстро исчезли из поля зрения эдафозавра, свернув в какой-то приток.

Эдафозавр по-прежнему двигался ничего не замечая вперед, не уклоняясь от берега реки. Но вскоре его путь преградили лежащие друг на друге переломанные стволы-великаны.

При падении они зарывались в мягкий торфяник и погружались в него тем глубже, чем больше стволов нагромождалось. Вес нагроможденных стволов увеличивался,

давил вниз и прессовал их в единую податливую массу — скопище бесчисленного множества погибших от старости гигантских хвощей каламитов, плаунов лепидодендронов и сигиллярий и длинных стройных древовидных папоротников птеридосперм.

Из этой сырой могилы растений в болоте, временами покрывавшейся мощными наносами ила и песка, которые приносились дождевыми потоками, вырастали новые леса громадных хвощей и плаунов, древовидных папоротников и удивительных птеридосперм. Эти наносы были благоприятной средой для семян голосеменных и нежного налета спор тайнобрачных растений. И едва только в этих новых первобытных лесах падал от старости какой-нибудь великан, сразу же на свободном месте вырастала новая буйная поросль.

Хуже было, когда над страной бушевали дикие вихри. Тогда в вечно тихих, молчаливых лесах звучал особый режущий и свистящий звук, треск застывших столбообразных каламитов и скрип лепидодендроновых ветвей, разметанных вихрем и трущихся друг о друга. И когда на них налетали резкие порывы сильного ветра, под его ударами кренились и выворачивались стволы высоких хвощей и плаунов. Так возникали высокие пирамиды переломанных деревьев, наполовину погруженных в ил и мутные воды топей.

В тех местах, где вихрь закручивался в страшный, все уничтожающий смерч, лесные гиганты были вырваны из болотистой почвы с корнями, а образовавшиеся глубокие ямы быстро заполнялись черным илом, стекающим со всех сторон. Воздушные смерчи с огромной силой поднимали могучие стволы в высоту, но вскоре снова с треском бросали их, нагромождая друг на друга, создавая ужасную картину хаоса и разрушения.

Когда же из черных туч, принесенных бурей, начинался сильный ливень, это довершало гибель леса. Струи ливня хлестали по переломанным деревьям, к громким плескам воды примешивались глухие удары, сопровождавшие падение последних лесных великанов, которые дольше всех сопротивлялись разыгравшейся стихии, но все же наконец были побеждены и оказались в хаотической смеси погибших растений, взмученного ила и грязной воды. И над всей картиной гигантского разрушения, над уничтоженным первобытным лесом, в котором не уцелело ни одно дерево, при непрестанных раскатах грома продолжала неистовствовать буря.

На таком опустошенном месте как раз и остановился эдафозавр.

С трудом пробирался он между переплетениями

переломанных стволов, часто вынужден был обходить кругом высокие пирамиды раздробленных растений, несколько раз увязал в мутной трясине топей. Коврики мхов, которые еще несколько дней назад светились свежей зеленью, были покрыты нанесенной грязью так же, как и зеленое кружево низких папоротников. Исчезла глубокая и тихая задумчивость старого леса, исчезла его стародавняя застывшая красота. Там, где были раньше тенистые уголки, полные зеленого полумрака, — чернели теперь лужи воды; где раньше кипела жизнь — снова на время воцарилась пустота.

Эдафозавр, несмотря на все препятствия, продвигался вперед против течения реки, разлившиеся воды которой возвращались обратно в широкое русло.

Солнце уже понемногу клонилось к закату, когда эдафозавр достиг места, где русло сужалось между крутыми откосами. Здесь всюду лежало много крупных камней, упавших со скалистых склонов холмов.

И здесь путь эдафозавра неожиданно окончился.

Перед ним воздымалась стена из поломанных стволов, беспорядочно нагроможденных друг на друга. Они были крепко заклинены между камнями и переплетены несчетными клубками корней и толстыми стеблями лианоподобных папоротников. В невообразимой мешанине переломанных стволов, огромных камней и пластов обвалившейся земли повсюду лежали трупы больших и малых животных, настигнутых бурей, сокрушенных и раздавленных падающими деревьями или захваченных сильным ливнем и потоками низвергающейся мутной воды.

За этой стеной стволов и камней, перегородившей русло реки в теснине между холмов, поднялся уровень воды, которая с огромной силой давила на преграду. Сначала она не могла ее одолеть, но вода постепенно прибывала и начала проникать через запруду тысячью ручейков. Стена долго сопротивлялась. Лишь когда выпали новые дожди и количество водной массы в несколько раз возросло, естественная плотина под растущим напором начала дрожать. Но, даже когда отверстия в плотине увеличились и значительно ослабла прочность ее основания, она все еще стояла.

Однако следующие ливни, которых выпадало здесь очень много и которые наполнили естественное водохранилище до самого края, понемногу разрушали стену. Под напором воды она начала все сильнее дрожать, распадаться, и вода по бесчисленным расщелинам стала прорываться через нее большими струями-водопадами.

Эдафозавр стоял не двигаясь и в оцепенении рассматривал

простиравшуюся перед ним стену. Он выглядел как окаменевшее сказочное чудовище, ищущее вход в заколдованную долину.

Между тем солнечный диск коснулся на западе горизонта, и он загорелся золотом и багрянцем. Чудесными цветами заката засветилась гладь вод, на ее красноватой поверхности всюду, куда еще падали солнечные лучи, отражались желтоватые полосы, похожие на расплавленное золото.

И тут в немой красоте наступающего вечера вдруг раздался страшный треск. Еще раньше, чем он замер, в теле плотины появилась большая брешь. Она быстро разрасталась под напором мощного потока воды, который сносил все, что стояло у него на пути. К гулу вод примешивался треск ломаемых стволов, которые в страшном беспорядке ринулись вперед.

Русло реки быстро наполнялось пенящейся водой, вскоре река вышла из берегов и разлилась далеко вширь. Пока река оставалась бурной, она разбрасывала всюду стволы деревьев развороченного леса и массы осевшего ила.

Потоки воды стремительно уносили поломанные стволы, били их друг о друга и нагромождали в кучи, которые потом опять разваливали и снова в бешеном темпе относили дальше. Все вбирали они в свои широкие объятия и уносили до обширных мелководий затопленной равнины, где течение ослабевало, обломки деревьев опускались на дно и покрывались оседающим илом.

Когда эдафозавр опомнился наконец от первого испуга и попытался уйти от опасности, было уже поздно. Бурлящий поток, несущий массу стволов, стремительно налетел на него. В одно мгновение поток сбил его и помчался дальше с неудержимой яростью.

Волны швыряли эдафозавра, оглушая его страшными ударами стволов и толстых ветвей. Лишь несколько минут эдафозавр сопротивлялся и пытался еще выбраться из потока. Но вскоре он поддался натиску воды, и неистовый поток унес его разбитое тело.

Золотой солнечный круг исчез за горизонтом. Темнота укрыла своими черными покрывалами опустошенный край и место гибели эдафозавра.

Гул воды понемногу замирал и, наконец, утих совсем. Вся болотистая местность была покрыта древовидными хвощами и плаунами, древовидными папоротниками и тонкими стройными стволами кордаитов.

Вблизи древесных стволов, которые сами погибли от старости, лежали стволы, вывороченные вихрем и бурей. Все они понемногу погружались в мягкую кашицеобразную массу и

наполняли топь, которая казалась бездонной. Новые бури и ливни, такие же сильные и частые, покрыли эту большую могилу деревьев наносами глины и песка.

Там, где раньше кипела жизнь и громадные деревья поднимали вверх свои ветви, как высоко взметнувшиеся языки зеленого пламени, теперь была пустынная равнина без зелени и жизни.

Между тем проходили дни и ночи в круговороте лет, и пустынная равнина начала зеленеть снова. Опять здесь выросли густые первобытные леса, в них возродилась кипучая жизнь. Но через некоторое время все снова было уничтожено. Миновали столетия и тысячелетия, миновали эпохи в круговороте вечного времени. Погребенные первобытные леса, придавленные огромными массами глинистых и песчанистых наносов, сначала превратились в мягкую черную торфяную массу, а она в конце концов затвердела и стала черным камнем — современными черными каменными углями…

Над спящей в ночной темноте страной простирается черный купол небосвода с тысячами точек горящих звезд.

Высоко в небо поднимается железная конструкция шахтного копра, и к нему спешат неясные во тьме фигуры шахтеров с зажженными светильниками в руках. Они направляются к копру, входят в клеть и спускаются во мрак шахты глубоко под землю, чтобы на несколько часов сменить наземный мир на мир подземный — исчезнувший.

Сегодня этот исчезнувший мир — мир тьмы и черного золота. Но раньше это был реальный мир, мир солнечного света и прекрасной зелени. Однако это было очень давно. Так давно, что человеку почти невозможно представить те прошедшие 250 миллионов лет.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Над широкой полосой пустыни во время позднего триаса мезозойской эры возвышалось холмистое горное плато. Кое-где крутые склоны холмов резко выступали над ровной поверхностью красноватой пыли, покрывавшей пустыню, в других местах холмы переходили в пустыню постепенно, широкими и пологими долинами. Возвышенное плато встало на пути пустыни, как могучая и несокрушимая стена, а с другой стороны в нее врезался широкой зеленой каймой морской берег.

Были дни, когда пустыня была спокойной, совершенно тихой и на ее просторах нельзя было заметить каких-либо признаков жизни. В это время она представляла собой высохшую полосу земли с необозримыми длинными рядами мелких борозд в раскаленной красноватой пыли — уединенное пустое место, стиснутое горами и морем.

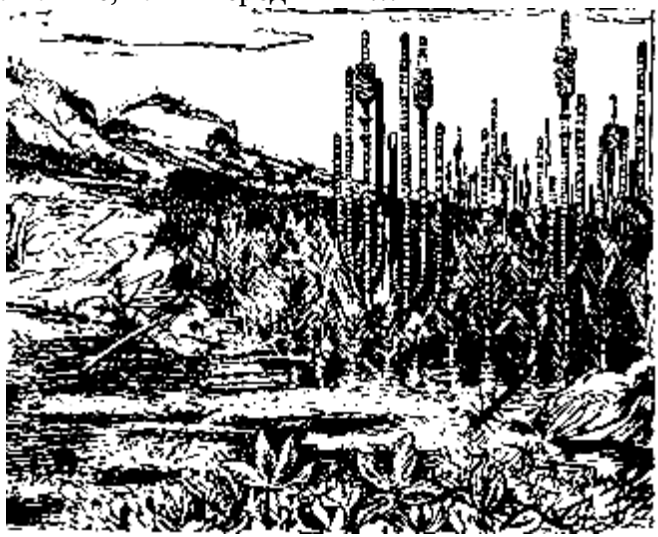
Но были дни, когда пустыня приходила в движение. Это случалось после длительного затишья, когда дули неистовые ветры и приносили с собой массы красноватой пыли, которая возникала при разрушении глины, песка и обломков, покрывающих донные части и склоны протяженных горных долин. Поверхность пустыни постоянно менялась, тонкая пыль нагромождалась в холмы, засыпала окраины пологих и широких долин или зеленые оазисы морского берега.

Несмотря на это, площадь пустыни не увеличивалась. Она не могла освободиться из тесных объятий гор и моря, хотя скалистые склоны холмов и долин постоянно разрушались под действием больших температурных перепадов от жарких дней к морозным ночам, как будто разбивались могучими клиньями. Даже утесы из крепкого гранита при быстрых переменах температуры распадались на мелкие обломки, которые в конце концов превращались в песок и глину, окрашенные окислами железа в красноватый цвет; и эта тонкая пыль уносилась потом ветрами в необъятные пространства пустыни.

Как горящие стрелы, накаляли без устали солнечные лучи пыль пустыни и превращали ее в огромный раскаленный горн, адский зной которого высушивал воздух, нагревал и приводил его в колебание. Нигде не видно было следов жизни, всюду только раскаленная пыль и тяжелая, умерщвляющая духота.

Но в круговороте лет регулярно наступали и периоды больших ливней, которые захватывали пустыню и превращали тонкую пыль в мелких котловинах в липкую глину, покрытую тонким слоем воды. Таких мелких озер в период дождей было в

пустыне множество, но они не существовали долго. Как только дожди ослабевали, озерца сохли и уменьшались; и когда заканчивался период дождей, от них не оставалось даже следов, потому что их донные части, сложенные липкой глиной, засыпались навеянной пылью. Поэтому после дождей пустыня выглядела так же, как и перед ними…



Но это только казалось, в действительности было иначе!

На холмистом горном плато, поднимающемся местами над пустыней, древняя флора позднего триаса была в самом расцвете. Она буйно разрасталась под сияющим солнцем, когда после долгого сухого периода обильные дожди воскрешали ее к новой жизни.

В блестящих водных гладях озер отражались похожие на пальмы кроны высокоствольных цикадовых, а под ними вырастали дебри папоротников. Между их зелеными веерообразными листьями как бы через кружево проникали солнечные лучи и создавали на коричневой земле великолепную мозаику света и тени.

Склоны низких пригорков украшали рощи похожих на гинкговых байерий или игольчатых вольций в живописном смешении несчетных разновидностей.

Старые великаны с развесистыми кронами стояли неподвижно, словно каменные столбы, а между ними устремлялись вверх молодые деревца, кроны которых раскачивались даже от легкого дуновения, и тихо шелестели, жадно раскрываясь навстречу солнцу.

Сырые берега озер, омутов и топей, возникших в период дождей почти в каждом углублении поверхности, заросли коврами зеленых мхов или чешуйчатыми слоевищами

печеночников, которые рыхлыми подушками покрывали и валуны, выступающие из воды.

Из илистого дна прибрежных вод поднимались красивые водные папоротники рода сагеноптерис; тонкими корневищами расползались они в иле под водой во всех направлениях, а над водной гладью выставляли разделенные на четыре доли листья с длинными черенками.

За ними из ила более глубоких частей водоема вырастали могучие хвощи рода эквизетитес, достигающие десятиметровой высоты. Из членистых корней, пробивающихся через ил почти горизонтально, вырастали пустотелые членистые стебли, у которых в нижней части появлялось лишь несколько ветвей. Эти ветви удалялись от главного стебля только в результате постепенного их искривления, но затем, однако, выпрямлялись и росли параллельно ему вертикально вверх. Каждый членик их стеблей был украшен венцом многочисленных узких и заостренных листочков, сросшихся внизу пояском. Под вершинами главных и ближайших к ним стеблей располагались споровые шишки, негнущиеся, похожие на тяжелые и твердые початки, сопротивляющиеся ветрам и бурям. Не только в воде, но и в трясинах на сырой почве тенистых ложбин вырастали обширные рощи этих древовидных хвощей, которые образовывали как бы огромные, мертво торчащие столбы.

Однообразные поросли этих столбообразных хвощей сменялись чащами других хвощей, неокаламитов, которые были в пять раз меньше, но зато имели древовидные разветвления; их ветви были унизаны узкими травообразными листочками в мутовках. Неокаламиты росли в безграничном множестве. Их корни расползались во всех направлениях, взаимно переплетались и вытягивали из почвы питательные вещества, чтоб подкрепить ими свои стволы и развесистые кроны со споровыми шишками. Ветер разносил далеко по округе целые облачка коричневатой пыли спор.

Красиво было утро в этом древнем краю вечной тишины. Восходящее солнце разливало свой свет и тепло по зеленым растениям, зажигало алмазным блеском капли росы, и вскоре его жаркий золотой дождь проникал даже в кроны деревьев и высветлял темные глади озер и омутов. Солнечные лучи золотыми стрелами пронзали даже темные уголки глубоких оврагов, вытесняя из них сумерки и холод.

Перед одним оврагом, который тянулся, извиваясь как змея, далеко вдаль, простирался большой омут, блестящий в свете восходящего солнца как серебристая поверхность зеркала, окруженного зеленой рамой буйной растительности.

Крутые склоны оврага представляли собой зазубренные утесы, разбитые тысячами трещин. Крупные валуны лежали на дне оврага, словно руины разрушенного замка, а между ними пробивался маленький ручеек, обтекал валуны и переливался через них маленькими водопадами. Не обращая внимания на преграды, с веселым журчанием он спешил неустанно вперед, как будто не мог дождаться, когда его кристальные воды соединятся с мутной водой омута.

В том месте, где ручеек покидал овраг и после короткого пути через песчаную равнину вливался в омут, лежало несколько крупных валунов. Два из них располагались совсем близко друг от друга, а третий, находившийся на склоне оврага, опирался на них как мощная плоская крыша. Благодаря этому возникла небольшая пещера. У входа в нее росли красивые похожие на лиру веера папоротников из рода диктиофиллум. Над валунами, поросшими желто-зелеными лишайниками, поднимали свои прекрасные кроны древовидные папоротники из рода анотоптерис, зеленые веера которых жадно тянулись к солнцу; солнечные лучи в них задерживались, ломались и дробились на бесчисленные светлые пятна.

В пещере между валунами близко друг к другу лежали два ящера. Лежали без движения, окоченев от холода прошедшей ночи. Но вот на их зеленых спинах заплясал солнечный луч, потом другой, третий и холодная кровь ящеров начала постепенно разогреваться. Однако прошло еще довольно много времени, прежде чем теплые солнечные лучи вывели их из оцепенения; ящеры подняли голову и открыли зеленые глаза, встали на ноги, короткие передние лапы прижали к телу и замерли как каменные статуи в ослепительном свете солнечных

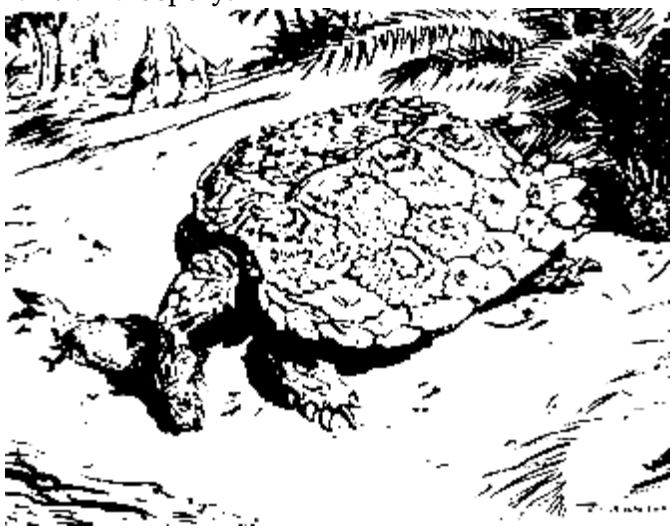
лучей. Они грелись, прикрыв глаза буроватой мигательной перепонкой.

Неожиданно один из ящеров хлестнул несколько раз длинным хвостом и защелкал зубастыми челюстями. Мелкими прыжками он направился к недалекому омуту, где ему всегда удавалось быстрее всего утолить голод. За ним бежал его такой же голодный сородич.

Это были два прокомпсогната, но они были так до смешного малы, что по сравнению со своими гигантскими соплеменниками выглядели настоящими карликами. В длину они имели не более восьмидесяти сантиметров, а в высоту примерно полметра. Однако это были хищники. Горе было червям или жукам, которые пересекли им дорогу, горе было покрытоголовому, которого они могли повстречать при своих странствиях; в одно мгновение они захватывали пастью жертву, челюсти защелкивались, и острые зубы вонзались в бьющееся тело.

Прокомпсогнаты добежали до омута и стали бродить около берега. Они пробирались через густые папоротники и искали, не блеснет ли под их густыми веерами во влажной почве тело какого-нибудь червя или не мелькнет ли в хаосе тлеющих листьев крупный таракан или длинная сороконожка. Осмотрев чащу папоротников, где им удалось поймать только несколько крупных червей и тараканов, они побежали дальше вокруг омута, непрестанно глядя по сторонам в надежде увидеть хоть какую-нибудь добычу.

Так достигли они места, где воды большого омута омывали песчаную отмель, на которой в удалении от берега росли низкоствольные цикадовые. На отмели пировала большая черепаха триасохелис, лакомилась большой дохлой рыбой, которую нашла на берегу.



У прокомпсогнатов глаза загорелись от жадности, и они поспешили к пирующей черепахе. Черепаха, отвлеченная от еды, уставилась стеклянными глазами на обоих незванных гостей; но быстро успокоилась и продолжала пиршество, так как знала, что ящеры не отважутся на нее напасть. Она была сильной и чувствовала себя в безопасности, потому что тело ее было защищено крепким панцирем из толстых костяных пластинок, которыми была покрыта и ее голова. Недоразвитыми зубами понемногу отрывала она куски тела найденной рыбы и волнообразными движениями шероховатого языка спокойно отправляла их в желудок.

Прокомпсогнаты возбужденно прыгали вокруг черепахи, хлопали зубастыми челюстями, хлестали длинными хвостами, но отобрать у черепахи ее пищу не отваживались. Они никогда не нападали на черепаху, но сейчас не оставляли надежду полакомиться и поэтому не удалялись.

Вдруг черепаха перестала есть. Видимо, ей уже надоела холодная рыба и она захотела сочных растений, которые всюду росли на сырой прибрежной почве. Маленькими шагами уходила она прочь. Шла тяжело и натужно, так как тяжелый панцирь, защищающий ее от врагов, своей огромной тяжестью мешал ей при ходьбе.

Прокомпсогнаты незамедлительно набросились на остатки рыбы. Резкими рывками головы вырывали куски и с жадностью их заглатывали, каждый хотел ухватить кусок побольше. Когда одному это удалось, другой прокомпсогнат, как бы завидуя, быстро подскочил к нему, чтобы завладеть его куском; но так как первый не мог быстро проглотить кусок, то выпустил его из пасти, хотя готов был за него сражаться. Ящеры встали друг против друга с раскрытыми пастями, яростно хлопая длинными хвостами. Но до схватки дело не дошло. Вскоре оба вернулись к добыче и снова вцепились в остатки рыбы, рвали ее на части и глотали с невиданной поспешностью.

Ничто не нарушало пиршества прокомпсогнатов. Всюду было спокойно. Только палило солнце, а через густые кроны низкорослых цикадовых просвечивала синева небосвода.

Неожиданно тишина была нарушена шумом похожих на пальмы листьев цикадовых. Над прокомпсогнатами внезапно появилось огромное чудовище из отряда гигантских ящеров. Это был хищный халтикозавр высотой более трех метров и длиной более пяти метров, который выбрал себе место для ночлега среди цикадовых. Пробудившись после оцепенения, он выпрямился, держа свое могучее тело только на длинных и сильных задних ногах. Его голова, качающаяся на длинной шее, торчала высоко

над кронами цикадовых, пасть была полна острых зубов, а зеленоватые глаза зловеще блестели.

Когда вчера халтикозавр укладывался спать, он и не подозревал, что при пробуждении его будет ожидать вкусный завтрак прямо под носом. Чтобы не упустить такую редкую возможность, он бросился на ничего не подозревающих прокомпсогнатов, которые беззаботно пировали на отмели перед цикадовым лесом.

Достаточно было нескольких длинных прыжков, и зубастая пасть халтикозавра сомкнулась на теле одного из прокомпсогнатов. Он резко рванулся от испуга и боли, неистово задергал задними ногами, стараясь достать и растерзать когтями брюхо напавшего. Халтикозавр, однако, крепко держал свою добычу и огромной силой постоянно двигающихся челюстей дробил ее кости. Он совсем не обращал внимания на удары, которые ему неустанно наносил ногами прокомпсогнат; он даже их не чувствовал, потому что все они скользили по его толстой коже, которую все равно прокомпсогнат никогда бы не смог

пробить.

Это был бой неравный и уже предрешенный.

Второй прокомпсогнат изумленно наблюдал неожиданное нападение халтикозавра и смертельную схватку своего несчастного сородича. Но он лишь на мгновение оцепенел от испуга. Потом сразу же с ужасом бросился прочь, спасая свою жизнь.

Прежде чем он исчез вдали, трагедия была окончена. Тело прокомпсогната в пасти халтикозавра еще несколько раз затрепетало, а ноги ударили в пустоту. Хвост неподвижно повис, голова свесилась, как будто бы переломилась длинная шея, и с последней судорогой погасла жизнь. Он был мертв.

Когда халтикозавр понял, что его жертва не двигается, он раскрыл пасть, и прокомпсогнат с глухим стуком упал на землю. Халтикозавр поворачивал голову из стороны в сторону и зеленоватыми глазами внимательно наблюдал, не двинется ли его жертва. Он был готов при малейшем движении снова вонзить в нее свои острые зубы и продолжать сокрушать ее мышцы и кости. Но тело прокомпсогната не шевельнулось.

Вскоре халтикозавр наклонил голову к мертвому прокомпсогнату, лизнул его несколько раз своим длинным черным языком и снова поднял голову. Он хотел осмотреться вокруг, не грозит ли ему какая-либо опасность.

Правда, он мог не бояться никаких врагов, так как сам был тогда самым могучим существом всего края. Тем не менее он хотел убедиться, что вокруг не бродит какой-нибудь его сородич, с которым он должен был бы вступить в тяжелую схватку за добычу, если бы пришелец захотел поживиться ею.

Осмотревшись кругом и не заметив никакой опасности, он наклонил голову к пойманной добыче и вонзил в нее зубы.

Однако долго халтикозавру не пришлось попировать спокойно. Из близлежащего оврага неожиданно вышло несколько огромных платеозавров — гигантских ящеров восьмиметровой длины. Они смешно раскачивались на своих длинных и сильных задних ногах и острыми когтями, которые были твердыми как сталь. Маленькая голова платеозавров сидела на длинной шее, а короткие передние ноги с торчащими когтями ритмично качались взад и вперед, как маленькие руки.

Они двигались к омуту, и их ноги, несущие тяжелые пестро окрашенные тела, зарывались в зеленые шапки буйно растущих мхов. Они растаптывали поросль красивых папоротников хироптерисов, небольшие веера листьев которых, растущие поодиночке прямо из земли, несли до пяти рядов листьев свежего зеленого цвета.

Платеозавры шли медленно, на каждом шагу вертя головой направо и налево и маленькими желто-зелеными глазами выискивая, что бы проглотить. Они искали главным образом растения с хрупкими листьями, стволами и ветвями, но выслеживали, однако, и всех мелких живых существ, которых могли бы поймать. Поэтому каждый из них время от времени останавливался и низко наклонялся к земле, чтобы пастью схватить лакомство, которое только что заметил. Даже при сильно наклоненных туловищах они надежно стояли на сильных столбообразных ногах, так как вес их мощного тела был уравновешен сильным и тяжелым хвостом.

Платеозавры не были хищниками, хотя кроме растительности- главной составной части их пищи- с аппетитом пожирали и мелких живых существ, крупных червей, раков и мелких покрытоголовых, которых неожиданно настигали в топких местах тенистых ложбин и оврагов или на берегах многочисленных озер и омутов. Не пренебрегали они ни дохлой рыбой, выброшенной волнами на берег, ни остатками пиршеств хищных халтикозавров.

На более крупных животных платеозавры никогда не обращали внимания, так как не смогли бы их одолеть. Они не имели таких крупных и острых зубов, которыми могли бы убивать и разрывать другое существо. Их челюсти несли лишь слабые, почти незаостренные зубы.

Медленно приближались платеозавры к пирующему халтикозавру.

Прошло немного времени, и халтикозавр, склоненный над своей добычей, заметил платеозавров. Его тело резко выпрямилось, как будто подброшенное с земли сильным толчком, и безобразный ящер пристально уставился своими желтыми возбужденно горящими глазами на приближающихся платеозавров.

Он стоял без движения на месте, лишь тонким длинным хвостом неистово хлестал вокруг себя. Выглядело это так, как будто какая-то огромная змея неустанно бросалась на него и обвивалась вокруг его туловища и ног.

Халтикозавр не спускал глаз с платеозавров и тщательно следил за каждым их шагом, наблюдал за их действиями, ежеминутно готовый отстоять свою добычу.

Платеозавры между тем прошли мимо не замечая его. Лишь один из них с любопытством приблизился и поглядел на кучку мяса и костей. Оскаленная пасть халтикозавра над ней, однако, так его напугала, что он быстро повернулся и поспешил за своими сородичами, скрывшимися уже в лесочке древовидных

папоротников, которые росли не только на илистом дне омута, но и на сыром грунте песчаного берега.

Несколько широких полос поломанных стволов хвощей указывали ему дорогу, по которой он должен был догонять своих сородичей. Вскоре и он исчез между стволами высоких столбообразных хвощей, которые под его шагами сгибались и ломались с шумом и грохотом. Там, где он пробирался через чащу хвощей, повсюду во все стороны разбегались мелкие покрытоголовые, испуганные его топотом и треском ломаемых им растений, а крупные тараканы и длинные сороконожки быстро залезали в темные укрытия под камнями или под гниющими остатками растений.

Платеозавр уже исчез среди столбов неподвижного хвощевого леса, а халтикозавр все еще стоял не двигаясь. Он смотрел на лес, как будто опасался, что противник вернется и ему все-таки придется сражаться за свою добычу. И только, когда все замерло, его голова, высоко поднятая на длинной шее, начала поворачиваться из стороны в сторону, а взгляд — тщательно осматривать далекие окрестности. Только после того, как халтикозавр нигде ничего подозрительного не увидел и ни один подозрительный звук не потревожил его чуткий слух, он наклонился, уверенный в полной безопасности, над кучей мяса и продолжил прерванный пир.

Свое пиршество он закончил только тогда, когда последний кусок мяса исчез в его ненасытной глотке. Затем он выпрямил туловище, несколько раз плотоядно облизнулся длинным черным языком и двинулся медленными шагами. Но вдруг внезапно повернулся и, смешно размахивая перед собой короткими передними конечностями, поспешил обратно к оставленной куче костей. Стал обходить ее кругами, осматривать со всех сторон, наклоняться над ней, как будто хотел убедиться, что на какой-нибудь из костей не остался еще кусок мяса. Однако ничего не нашел и поэтому снова потихоньку двинулся прочь, чтобы уже не возвращаться.

Между тем солнце стояло уже высоко на глубоком небосводе, и воздух дрожал от пышущего жара солнечных лучей.

Вокруг обглоданных костей прокомпсогната было пусто, стояла поразительная тишина. Не было еще на свете птиц, которые бы пели здесь свои песни, не было еще и млекопитающих, победный рев или тихое мычание которых разносилось бы по болотистой равнине и терялось в тихих лесах. Во всем мире тогда царила немая красота.

Лес хвощей, похожий в своей однообразной неподвижности на громадное скопище дубин сказочных исполинов, был

совершенно уничтожен там, где по нему проложили дорогу платеозавры. Высокие полые стволы были поломаны мощными телами ящеров. Всюду, где ступала нога ящера, стволы под тяжестью его тела были раздроблены и превращены в желто-зеленую кашу, перемешанную с мягкой песчанистой землей. И это разрушение, этот хаос переломанных стволов протянулся на всю ширину леса.

Платеозавры не задерживались в лесу, они знали, что гул и неприятный скрип ломаемых стволов распугивают все живые существа, которые поспешно убегают или залезают в надежные укрытия. Поэтому они только быстро прошли через лес, направляясь к лучшим местам охоты.

Но сегодня им не понадобилось их искать. Едва они покинули лес, как под скалой, омываемой зеленоватой водой омута, увидели скопление мяса и костей.

С удивлением смотрели они на богатое и заманчивое угощение. Потом осторожно подвинулись на несколько шагов вперед, потому что им было странно, что такая привлекательная добыча была брошена, что столько еды никто не охранял и ее можно было получить без борьбы.

Их маленькие головы вертелись во все стороны. Убедившись, что поблизости никого нет, они двинулись не останавливаясь к трупу капитозавра. Это был огромный, почти двухметровой длины покрытоголовый, похожий на лягушку. И так как никто не встал у них на пути, чтоб защитить оставленную добычу, они обступили жирный кусок и начали насыщать свой желудок.

Пока они пировали, из глубины под скалой выплыл труп огромного, похожего на крокодила, ящера мистриозуха. Вчера в

вечерних сумерках он напал на капитозавра, но сам также был убит в неравном бою. Случилось это так.

Глубокое место под скалой уже долгое время было обиталищем мистриозуха. Днем, когда солнечные лучи заливали песчаную отмель под скалой, он лежал как шестиметровое бревно на берегу и грелся, а к вечеру выходил на разбой. Он предпочитал ловить рыб, которых было много в омуте. Как выпущенная из лука стрела, мчался за высмотренной рыбой и едва настигнув ее, хватал и зажимал в зубастых челюстях как в клещах. Если она была особенно крупной, быстро плыл с ней к берегу, если небольшой — бросал ее в воздух, ловил пастью и пожирал.

Когда мистриозух охотился в узких рукавах омута, врезающихся в скалистые берега, он разгонял воду пружинистыми ударами своего уплощенного хвоста так сильно, что испуганные рыбы выскакивали из воды, чтобы скрыться от своего преследователя. Но коварный ящер пользовался этим, он легче мог поймать их на лету.

В другой раз на мелком месте у берега он подстерегал молодых, еще неопытных покрытоголовых метопиасов; старых же представителей этого рода он, однако, избегал, так как они были такими же хищниками, как и он сам, и схватка с ними была тяжелой и опасной.

Так в глубине под скалой крокодилообразный мистриозух жил долгое время в безмятежном покое.

Однажды появился здесь незваный гость.Это был тоже мистриозух, но огромный и старый, который превосходил первого по длине на добрых два метра.

Он появился неожиданно в глубоком месте под скалой. Болото, в котором он раньше жил, стало понемногу высыхать, а в долгие сухие периоды сокращаться в размерах. Уменьшалось и количество рыбы, и теперь проходило много времени, пока мистриозух вылавливал ее столько, чтобы утолить голод. Когда же, наконец, солнечный зной уменьшил площадь болота настолько, что лишь изредка можно было отдохнуть сытым, он двинулся в путь, чтобы найти новое более богатое рыбой пристанище. Так однажды он очутился у большого омута под скалой. Подойдя к берегу, тихонько вполз в воду, проплавал по омуту во всех направлениях, проверил даже узкие протоки между камней. Омут ему понравился, и он здесь поселился. Только позднее он узнал, что в своем новом доме он не один, и что здесь уже живет один его сородич. Но это ему не мешало. Ведь в старом болоте он долго спокойно жил вместе с такими же, как он, большими сородичами. Этот же был намного меньше и слабее, и мистриозух решил, что не будет иметь соперника и легко

обеспечит себе наибольшую долю при добыче пищи в омуте и на его берегах. Поэтому уже несколько дней он спокойно здесь охотился или лениво грелся на солнце.

Зато мистриозух, который жил здесь уже долго, обходил незваного гостя стороной. С одного взгляда он оценил мощь и силу пришельца, которые гарантировали ему превосходство. Он понял, что уже не сможет охотиться где и когда захочет и не будет здесь больше владыкой. Все это приводило его в какое-то беспокойство, и он раздражался тем сильнее, чем больше мешал ему страх вступить в схватку с пришельцем, так как не было уверенности, что эта схватка закончится его победой. Поэтому он наблюдал за ним лишь издали.

Но наступил момент, когда они все-таки схватились в смертельном поединке.

Это было однажды вечером, на закате солнца, когда на весь край опускались вечерние сумерки. Около скалы залег в засаде мистриозух. Голова и передняя часть туловища его лежали на отлогом берегу, длинный хвост был погружен в воду.

Вдруг он увидел, как через чащу лировидных папоротников диктиофилл потихоньку пробирается пузатый капитозавр. Он не пошел к воде, а стал подниматься по узкой тропе на плоский выступ скалы, как будто оттуда хотел посмотреть на красивый ландшафт и водную гладь, матово блестевшую в свете заходящего солнца. Когда он туда взобрался, то понял, что дорога здесь кончается. Лишь крутые скалистые склоны возвышались над ними высоко вверху или исчезали внизу в потемневшем омуте. Не имея возможности двигаться вперед, он остановился на самом краю скалы и выпученными глазами смотрел вниз на воду омута и на его зеленые берега.

Однако долго он там не пробыл. Когда заметил в недалекой низине место для ночного отдыха, повернулся и по крутой тропке стал потихоньку спускаться обратно, а затем пошел вдоль берега омута.

Но путь его был недолог. Внезапно, словно молния, выскочил ему навстречу подстерегавший его мистриозух, вонзил ему в горло острые зубы и крепко их стиснул. Капитозавр был так поражен неожиданным нападением, что даже не пытался сопротивляться. Одного мгновения было достаточно, чтобы при новом нападении мистриозух перегрыз ему горло. Капитозавр быстро терял силы и в тот момент, когда его сознание начало гаснуть, мистриозух резко перевернулся на другой бок, его громадный хвост просвистел в воздухе, как тяжелая дубина, и добил жертву.

Казалось, заходящее солнце было единственным свидетелем

этого кровавого события. Но это было не так.

На узкой песчаной косе, которая выступала из воды, в полумраке поросли хвощей-новокаламитов неподвижно лежал второй мистриозух и внимательно наблюдал за нападением своего младшего сородича на капитозавра. Хотя он был уже сыт, но вид убитого покрытоголового был очень заманчив. Поэтому он не смог преодолеть страстного желания принять участие в новом угощении и добавить, хотя бы немного, иной пищи, может быть, более вкусной, чем рыба. Чувствуя большое превосходство над своим сородичем и уверенный в своей огромной силе, без колебаний, медленными шагами шел он к месту, где хотел поживиться за чужой счет.

Прежде чем он приблизился, хозяин добычи заметил его.

Хотя оба они были из одного и того же рода ящеров, тем не менее меньший смотрел на своего огромного сородича как на опасного соперника. По позиции, которую он занял, было видно, что он не намерен отказаться от своей добычи и что он даже не будет делиться ею с гигантом. Он был готов вступить в схватку не только за капитозавра, но и за возвращение всего охотничьего угодья, которое потерял при появлении более сильного сородича.

Едва исполин подошел к мертвому капитозавру, мистриозух бросился на него как стрела. Зубастыми челюстями своей вытянутой пасти он стиснул ему кожу на передней ноге и сразу пронзил ткани так, что острые зубы заскрипели о кость. Потом он немного ослабил челюсти и вцепился снова, чтобы разодрать ужасную рану противника и раздробить ему кость. Со страшной силой он сжимал и сжимал челюсти,однако кости врага были как из стали. Когда мистриозух почувствовал, что раздробить кость противника у него не хватит силы, сразу же отскочил. Он понял, что вступил в схватку, которую никогда не сможет выиграть и в которой может потерять все. Поэтому, чтобы сохранить свою жизнь, он обратился в бегство, стрелой влетел в омут и, вспенивая воду, помчался на середину болота.

За ним быстро скатился в воду и подвергшийся нападению исполин. Высоко взлетели брызги воды, и по спокойной поверхности пошли крутые волны. Взбешенный дерзостью, с которой меньший сородич отважился на него напасть, и разъяренный от боли, которую вызывала кровавая рана, он стремительно бросился за ним, не выпуская его ни на мгновение из виду, и тотчас его догнал.

Преследуемый повернулся и, неистово хлеща хвостом по воде, приготовился защищаться, так как теперь уже бегство не могло спасти его. Если бы он и далее пытался плыть, смертоносные зубы преследователя вонзились бы в его тело

сзади, в наиболее уязвимые места, и вскоре наступил бы конец.

Поэтому он проворно увернулся, когда исполин бросился на него с раскрытой пастью. При новом броске снова увернулся, потом опять, пока внезапно не кинулся молниеносно вперед, чтобы самому стиснуть острые зубы на горле громадного чудовища. Но и тот увернулся, и таким образом избежал коварной встречной атаки. По большой дуге он стал возвращаться к противнику, который мчался на него, как будто снова хотел напасть. Когда они были уже близко друг от друга, меньший мистриозух быстро свернул в сторону, и пока исполин неудержимо мчался вперед, молниеносно повернулся и, не подвергаясь опасности быть задетым ни зубами, ни хвостом исполина, бросился проворно вперед и вцепился зубами в его горло.

Исполин моментально остановился, резко дернувшись передней частью тела, поднялся высоко над вспенившейся водной поверхностью и стряхнул с себя нападающего. Раньше, чем тот опомнился, гигант ринулся в контратаку. Сильный удар хвоста огромного чудовища обрушился на голову противника. Он лишил

его сознания, а острые конические зубы уже вонзились в его оглушенное тело. После этого ярость победителя начала понемногу проходить. Не только потому, что противник был уже мертв, и лежал перед ним растерзанный с раздробленными костями, но и потому, что его собственные тяжелые раны все сильнее давали о себе знать. Еще несколько раз проплыл он вокруг побежденного, сильно ударяя его хвостом, но потом поплыл прочь к берегу болота, чтобы там в укрытии среди буйной растительности спокойно отдохнуть. Его уже не прельщал убитый капитозавр, который после победной схватки всецело принадлежал ему.

Растерзанное и окровавленное тело побежденного ящера неподвижно покачивалось на поверхности покрасневшей воды. Вскоре оно начало понемногу погружаться на дно.

Кончился бой мистриозухов.Исчез побежденный, затерялся и победитель. Только на берегу под скалой в густеющей тьме вырисовывалось тело мертвого капитозавра, которое одно осталось на поле боя.

На другой день стадо платеозавров нашло на берегу груду мяса, которая никому не принадлежала.

Они набросились на нее и долго наполняли голодные желудки. Их опавшие животы раздулись как надутые бурдюки, но им все еще было мало. Как в бездонной пропасти, исчезали в их утробах большие куски мяса и в царящей вокруг тишине беспрестанно раздавался стук челюстей.

Когда они закончили пиршество, перед ними осталась лишь куча костей.

Насытившись, они, наконец, покинули место своего неожиданного и непривычного пира и лениво побрели между голых скал, пока не исчезли в каком-то овраге, поросшем зелеными папоротниками, с черными отверстиями пещер и расщелин.

Много красивых розовых рассветов прошло в этой древней стране. Каждый из них был предвестником дня, когда солнце жгло сильнее, чем в предыдущий день, восходящий огненный шар затоплял обширную область все более жарким потоком тепла. Над иссушенным краем наступал период с рассветами без росы.

Буйная флора постепенно увядала, сохла и наконец была сожжена солнцем до самых корней. Болота и топи высыхали, а их дно под пышущими жаром солнечными лучами сжималось так, что возникала удивительная неправильная сеть крупных щелей и трещин, покрытая трупами рыб и мелких водных животных. И чем дальше, тем было хуже, так как солнце палило все сильней.

Большим ящерам стало трудно добывать корм и,главным

образом, платеозаврам, которые привыкли ежедневно набивать животы сочными растениями. Теперь они долго блуждали по округе, чтобы немного насытиться, и хотя бы на короткое время избавиться от мучительного чувства голода.

Платеозавры вскоре стали проявлять беспокойство. Инстинкт гнал их стада все ближе к границам плато. Когда же, наконец, они их достигали, то по пологим склонам спускались вниз к самой границе пустыни, где зарывались в красноватую пыль и ждали прихода ночи.

В одном из таких стад находился и крупный старый самец. Он был тощ и слаб от старости. Сам он с трудом находил пищу, так как время его силы и ловкости уже давно миновало. Хорошую добычу он мог поймать лишь с трудом. Чаще же пристраивался к добыче других или довольствовался найденной падалью. Лежал он, зарывшись в пыль, но часто поднимал высоко вверх голову на длинной шее, и его глаза глядели куда-то вдаль через пустыню. Он не двигался, а только смотрел и смотрел…

По чистому без единого облачка небосводу солнечный диск постепенно склонялся к западу. Прежде чем скрыться в бесконечной глубине, за линией горизонта, он последний раз озарил своими лучами пустынную равнину и вершины гор, поднимавшиеся над ней. Когда исчез последний луч, в том месте, где зашло солнце, над горизонтом зажглось зарево, свет которого золотыми и пурпурными полосами расходился далеко по по темневшему небосводу. Вечерняя тишина понемногу опускалась на весь край.

Тогда платеозавры выкарабкались из пыли и беспокойно забегали с места на место. Они не готовились к ночному отдыху, как делали каждый день на горном плато. Скорее казалось, что платеозавры ждали ночи, чтобы отправиться в далекий путь.

В начале сухого периода они покидали горное плато и преодолевали пустыню, чтобы достичь морского побережья с богатыми охотничьими угодьями. Только когда снова начинался период дождей, стада возвращались опять назад. Первый путь через пустыню был путем за пищей; второй, обратный, — путем домой.

Между тем над горизонтом поднялась луна. И лишь едва серебряный лунный свет разлился по обширной пустыне, стадо платеозавров двинулось вперед. Быстрыми шагами удалялось оно от подножия плато и вскоре затерялось в красноватой пыли. Только маленькое облачко пыли выдавало их движение к далекой цели. И потому, что таких маленьких облачков катилось по пустыне много, стало ясно, что в путь к далекому побережью внутриконтинентального моря двинулось уже много групп.

Всю ночь шли платеозавры без отдыха к своей далекой цели. Когда взошло солнце, они остановились, зарылись в красноватую пыль и целый день отдыхали. Усталые и голодные лежали они без движения, в то время как над ними трепетал воздух, накаленный безмерным солнечным жаром, который вызывал слабость и лишал их жизненной энергии.

Только в сумерках, когда из бесконечных просторов Вселенной повеяло освежающим холодком, стада платеозавров продолжили путешествие.

Группа, в которой был и тот большой и очень старый платеозавр, также собиралась выступить в дорогу. Сначала ящеры высоко подняли головы, огляделись вокруг, и, когда увидели, что остальные стада уже движутся вдали, быстро вскочили и пустились в путь.

Пыль,которая облаками поднималась вверх и клубами вилась вокруг их огромных тел, закрывала их со всех сторон красноватой пеленой все гуще и гуще, так что, наконец, резкие очертания тел ящеров расплылись в ней в неясные черные тени. В этих густых тучах пыли исчезала одна тень, другая, третья, а потом и все остальные. Поднятая пыль понемногу опускалась на землю и было видно, как группы платеозавров спешат по пологому склону длинного хребта к желанной цели. Достигнув вершины хребта, стада снова сбегали по пологому склону в большую плоскую котловину. Ее дно было покрыто непроницаемым илом, мешающим иссохшей земле впитывать воду. В период дождей здесь было большое мелкое озеро, которое, однако, существовало не долго, потому что солнечный зной сухого периода его всегда быстро высушивал.

И в этот раз от озера не осталось почти никакого следа. Лишь на середине котловины была еще небольшая зловонная лужа, но и ту постепенно высушивали жгучие лучи солнца. Вязкое илистое дно этого исчезнувшего озера было покрыто тонким слоем мельчайшей пыли и песка, нанесенных сюда ветром, так что его нельзя было отличить от сухих участков пустыни.

Все было одинаковым, однообразным и пустынным. Лишь груда побелевших на солнце костей, наполовину засыпанных пылью пустыни, предостерегающе светилась среди безжизненных просторов, предупреждая об опасности.

Когда стадо платеозавров сбежало на дно котловины, то вскоре очутилось на окраине узкого длинного залива. Пройдя несколько шагов, платеозавры стали увязать в мягком иле.

Это неожиданное препятствие сильно испугало путешествующих ящеров. Каждую минуту какой-нибудь из них поднимал вверх ногу и резким взмахом старался стряхнуть

тяжелые комья. Едва он избавлялся от них, как при новом шаге нарастали новые, еще более крупные и тяжелые. Поэтому лишь с большим трудом продвигались ящеры вперед.

Старый ослабевший платеозавр вскоре не мог двинуться с места. С трудом вытаскивал он ноги из вязкого ила и чем дальше, тем тяжелее было ему избавляться от налипшей грязи. Уже не мог он ступать крепко и ровно, а только качался из стороны в сторону и наконец увяз совсем.

Он упал на землю и застывшими глазами глядел на убегающее стадо, которое между тем уже миновало опасное место высохшего озера и постепенно исчезало вдали.

Старый платеозавр, однако, был не один. Недалеко от него боролся за жизнь его сородич — рослый зверь в расцвете исполинских сил. Он немного отстал от группы и, чтобы догнать стадо, должен был пересечь более широкую полосу вязкого ила. Он упал в ил, но вскоре опять поднялся и попытался идти вперед.

Неистовая жажда жизни и сильный молодой организм помогли преодолеть коварную опасность. Когда он наконец снова вышел на твердую почву, стадо уже давно потерялось вдали. Он был один со старым умирающим сородичем, но он был спасен.

Платеозавр быстро пошел вперед и прежде, чем взошло солнце, он был уже у цели, на побережье моря с многочисленными лагунами, с лесами цикадовых и хвойных деревьев, с буйными зарослями различных папоротников, а главное — с богатыми охотничьими угодьями.

Пришел конец голоду и лишениям. Целый день и две ночи он ничего не ел, и пустой желудок уже давно давал о себе знать. Поэтому не мешкая стал охотиться, так же как и остальные его сородичи, которые пришли сюда раньше.

А между тем как он насыщался, а потом отдыхал в приятной тени цикадовых на берегу синей лагуны, из тела старого

платеозавра, увязшего в иле высохшего озера, уже улетучивалась жизнь. Он погиб так же, как до него погибли многие его сородичи.

Старый платеозавр хотел и на этот раз переждать на морском берегу время, когда на горном плато, где он родился, опять наступит благодатная пора.

Он всегда благополучно добирался туда и возвращался обратно. На этот раз, однако, не дошел. Это был его последний путь…

БУХТА ДРАКОНОВ

Морская гладь в триасовый период мезозойской эры простиралась в ширину и длину на многие километры. В одном месте она вдалась далеко в сушу и образовала там полукруглую бухту. С одной стороны бухта была ограничена скалами с бесчисленными расщелинами, трещинами и гротами, а с другой — ровной песчаной отмелью, унылое однообразие которой было нарушено только несколькими небольшими и мелкими лагунами.

Вокруг этих лагун произрастали узколистные травы, виднелись заросли трескучих хвощей, стелющиеся корневища которых проникали в серый ил лагун, откуда потом поднимались новые густые поросли хвощей.

Низкие цикадовые с султанами красивых длинных перистых листьев образовывали живые зеленые оазисы среди однообразной желтой песчаной равнины: они жались к берегам лагун, где своими корнями высасывали из бесплодной почвы, хотя бы то небольшое количество воды, которое им было необходимо для скромного существования в этой пустынной части морского побережья.

Тихая ночь стояла над всем краем…

Вода морской бухты потемнела и слилась с темнотой ночи.

Перед рассветом вдруг где-то далеко в восточной части неба появился слабый проблеск. Едва он погас, как появился новый, более светлый и золотистый, который вместе с другими разгорелся в желто-красную лавину света нового дня.

В этой лавине вскоре промелькнула золотая стрела, за ней другая, третья, потом тысячи и тысячи новых, которые светом и теплом залили весь край. Вода посветлела, скалы стали менее мрачными, а песчаная равнина засветилась желтизной песка и изумрудной зеленью растений.

Весело подул слабый ветерок. Он взволновал водную гладь и погнал широкие, широкие волны, которые или выкатывались на низкий песчаный берег, или с резким шипением дробились о темные утесы, разбиваясь при этом на многие тысячи серебряных капелек, падающих на хлопья снежно-белой пены.

Волна за волной накатывались на сушу, где затухали и исчезали, оставляя на песчаном берегу все, что захватили по пути и принесли с собой. Это были или комки водорослей с различными животными, или погибшие рыбы и пустые раковины бесчисленных двустворчатых моллюсков и четырехжаберных головоногих из отряда аммоноидей. Все это волны беспорядочно выбрасывали на ровный песчаный берег, не отделяя живого от

мертвого.

В штормовые дни было хуже. Ужас овладевал всем. По поверхности бухты под ударами неистового шквального ветра неслись на берег мощные потоки воды. По широкой водной глади катились вперед все новые и все более высокие волны, они заливали песчаную часть берега или стремительно налетали на прибрежные утесы, где дробились в тонкую водную пыль, которая носилась над пенящимся и неистово шумящим прибоем. Все, что захватывали волны, было выброшено далеко на песчаную отмель и сразу же занесено слоем песка и ила или разбито о твердые обрывы утесов.

Такой сильный шторм оставлял неизгладимые следы на всем побережье. Уничтожалось не только все живое, что не скрылось и не отступило вовремя, но разрушению подвергались и крепкие утесы. Гигантские волны со страшной силой обрушивались на скалы и проникали все глубже и глубже в их трещины. Бесконечно повторяющимися ударами расширяли их, отламывая куски пород, которые обрушивались в пенистую воду, взметая тысячи брызг. Таким образом из трещин возникали извилистые черные пещеры, низкие или высокие туннели, которые затем стали домом для диковинных чудовищ — драконов.

Лучи восходящего солнца проникли и в темноту скальной пещеры, вход в которую чернел невысоко над блестящей водной гладью бухты.

В густой и холодной тьме большой пещеры, как заколдованный злой дух из страшной сказки, лежал огромный ящер. Его застывшее большое тело с длинной шеей и длинным хвостом лежало на дне пещеры, подобно стволу могучего дерева. Короткие ноги были поджаты к телу, а когтистые пальцы, соединенные между собой плавательными перепонками, были погружены в илистые наносы, которые покрывали дно. Грубая голая кожа не была защищена ни чешуей, ни костными пластинками, ни шипами. На спине и боках кожа ящера была зеленоватая, как будто обросла зеленым мхом, тогда как на брюхе она была серебристая, словно поросшая серым лишайником.

Это был нотозавр — наиболее опасный хищный ящер триасового моря мезозойской эры, лежащий неподвижно, как окаменевший сказочный дракон. Он не очнулся еще от ночного сна, который был подобен мертвому оцепенению. Такое состояние объяснялось низкой температурой его крови, которая изменялась в зависимости от температуры окружающей среды. В холодные ночи кровь в жилах застывала и разогревалась только теплом ранних солнечных лучей.

Первый луч солнца, который проник в пещеру, где отдыхал нотозавр, осветил тьму и упал на голову спящего ящера. Один за другим множество солнечных лучей пронизывало все длинное тело и постепенно разогрело своим теплом застывшую кровь ящера.

Н есколько лучей осторожно коснулось век ящера. Сначала они лишь тихонько затрепетали, но поскольку поток лучей не прекращался, веки открылись, и в свете розового утра засветились зеленые глаза очнувшегося ящера.

Некоторое время он лениво лежал в теплой лавине солнечных лучей, неподвижно и безвольно, как будто ночной холод парализовал его короткие конечности. Потом все-таки поднялся и медленными шагами покинул сырую пещеру.

Он встал на широком скальном выступе, круто уходящем глубоко в воду, высоко поднял голову на длинной шее и зелеными глазами осмотрел просторы моря, которое было местом его охоты. В длину ящер достигал более трех метров, но, несмотря на это, совсем не был великаном среди своих сородичей: многие из них имели такие гигантские размеры, что только одна голова была длиной более метра.

Так стоял он не шевелясь, только зорко рассматривал водную поверхность, которая покрылась легкой зыбью от дуновения ветерка и поблескивала в лучах утреннего солнца. Осмотрел он и скалистые берега, и ровные песчаные отмели, светящиеся желтизной. Вокруг была мертвая тишина.

Ни один звук не возникал в накаляющемся воздухе, ни одна птичья песня до сих пор не приветствовала новый день. Насекомые тогда были очень редки, а птиц вообще не было.

Еще должно было пройти бесконечное множество веков, прежде чем восходящее солнце могло быть встречено пронзительным криком первой первобытной птицы археоптерикса, жившего в юрский период мезозойской эры; его пронзительный и грубый голос с шумом вырывался из горла через ряды острых зубов крепкого клюва.

Этот край унылой и немой красоты был бы еще однообразнее и печальнее, если бы на песчаном берегу не было нескольких лагун, окаймленных скудной зеленью, если бы здесь не было гряды разбросанных угрюмых утесов, ступенчатыми выступами спускающихся к водам бухты. Несколько удаленных от берега островков, поросших низкими и древовидными цикадовыми, делало эту область живописнее и скрашивало ее однообразие и скудную красоту.

Хотя нотозавр довольно долго наблюдал за берегами и простирающейся в необозримую даль водной гладью, он не

заметил ничего, что могло бы привлечь его внимание и стать его добычей.

Он недовольно открыл свою длинную пасть. В ней угрожающе заблестели ряды крупных заостренных зубов, которые сжимаясь легко могли раздробить кости противника.

Потихоньку он стал спускаться со скального выступа, направляясь к близлежащей отмели.

В друг нотозавр повернул голову, и его зеленые глаза уставились на дно бухты под скалой, через которую он в этот момент пробирался. Между валунами и кустиками шаровидных известковистых водорослей заметил он остаток цератода,- двоякодышащей рыбы, которую поймал вчера и спокойно сожрал на скале. Когда он насытился, остатки рыбы упали в воду и застряли между валунами. Сейчас же вокруг них скопилось много пемфиксов, десятиногих ракообразных, очень похожих на наших раков. Они лакомились остатками его вчерашней добычи, смешно выпячивались, становясь в угрожающую позу, когда один хотел вырвать у другого большой или более аппетитный кусочек.

Нотозавр недолго с любопытством рассматривал копошащихся раков, потом снова продолжил свой путь. Они для него не были сколько-нибудь стоящей добычей. Раки были маленькие, имели крепкий панцирь и очень мало мяса. Он их ловил лишь тогда, когда бывал сильно голоден и, когда ему долго не удавалось поймать ничего более существенного. Но это случалось редко.

Когда нотозавр спустился на песчаную отмель, он внезапно остановился и стал пристально смотреть на одну из лагун. Высоко подняв голову, он напряженно наблюдал за тонким почти пятиметровой длины ящером, маленькая голова которого сидела на очень длинной, как у жирафа, шее. Его тонкое туловище поддерживалось короткими ножками, из которых задние были больше передних. Туловище постепенно переходило в длинный хвост, который тянулся как толстый бич.

Это был танистрофеус, который также пришел к лагунам поохотиться. Он осторожно ступал по берегу лагуны до тех пор, пока не остановился под зеленым балдахином листьев низких цикадовых, напоминающих пальмы и какое-то время внимательно наблюдал за дном лагуны, покрытым сплетением водных растений.

Вдруг он подошел к самому берегу, погрузил длинную шею вместе с головой в воду — и когда голова снова высунулась из воды, в маленькой зубастой пасти трепетала рыбка. В свете солнечных лучей поблескивали ее мелкие чешуйки как жемчужинки, а маленькие плавники горели ярким красным

цветом.

Танистрофеус выгнул шею в виде большой дуги,и маленькая голова с пойманной рыбкой очутилась над песчаным берегом лагуны. Серебристое тело рыбки, проткнутое острыми зубами, еще резко дергалось, но несколько новых сжатий зубастой пасти ящера погасило в рыбке последнюю искорку жизни. Когда она перестала двигаться, танистрофеус развернул ее в пасти и проглотил ее.

Когда рыбка исчезла, он несколько раз облизнулся длинным черным языком. Затем снова вытянул шею и с головой погрузил ее в воду.

В этот момент нотозавр бросился в атаку. Хотя он не был на суше таким же ловким, как в воде, тем не менее довольно быстро настиг охотящегося и ничего не подозревающего танистрофеуса и вонзил похожие на пилы ряды острых конических зубов в его шею.

Как большая пятнистая змея, выскочила из воды длинная шея танистрофеуса, и желтые фосфоресцирующие глаза уставились на нотозавра. Маленькая пасть широко раскрылась, и ее острые зубы впились в шею нападающего. Однако они были слишком слабыми, чтобы серьезно повредить нотозавру. Несмотря на это, танистрофеус снова и снова кусал его, раздирая все сильнее кровоточащую шею, а длинным, как бич, хвостом без устали наносил по телу нотозавра резкие и сильные удары.

Но нотозавр не обращал на это внимания, все глубже и глубже вонзал свои длинные острые зубы в танистрофеуса и с неистощимой силой разгрызая его длинный шейный позвонок.

Ящер, подвергшийся нападению, защищался изо всех сил. Его длинное змееподобное тело изгибалось и снова выпрямлялось. Высоко взметалась его продолговатая голова с раскрытой зубастой пастью, и ящер вгрызался ею, куда только мог. Длинный хвост свистел в воздухе, нанося глухие гулкие удары по телу нотозавра.

Но он держался спокойно и не обращал внимания на ответные броски своей жертвы, а лишь крепко удерживал ее на месте. Почувствовав, что сопротивление танистрофеуса сломлено, неожиданно ослабил челюсти, молниеносно продвинул пасть по его шее к самой голове и там снова сжал их. В этом месте шея была наиболее тонкой. Как стальные тиски с острыми зубами, пасть нотозавра сдавила снова свою жертву. Какое-то время танистрофеус неистово дергался во все стороны, его длинный хвост взметался и падал, вертелся и хлестал вокруг, но как только раздался треск раздробленного шейного позвонка, сразу же все его тело безвольно рухнуло на землю.

Нотозавр сидел неподвижно над своей добычей. Зеленые глаза дико блестели, а длинный хвост, нервно раскачивающийся из стороны в сторону, вырывал в песке глубокую борозду. Некоторое время он рассматривал тело мертвого ящера, затем несколько раз обошел вокруг него, как бы ища, с чего лучше начать пиршество. Было самое подходящее время набить свой голодный желудок.

Ящер наклонил голову к добыче, вцепился зубами и начал с

жадностью ее пожирать.

Прошло довольно много времени, пока нотозавр насытился. От целого танистрофеуса остались наконец лишь куски кожи и раздробленные кости, среди которых обращали на себя внимание своей необычной длиной вытянутые шейные позвонки.

Нотозавр очень медленно переступал с одного выступа скалы на другой и часто останавливался, как будто бы смертельно устал. Однако виной всему было его полное брюхо, которое мешало ему идти и волочилось по земле.

На широком выступе скалы перед своей пещерой он лег отдыхать. Спокойно грелся на солнце и от удовольствия пощелкивал длинными челюстями, в которых светились большие зубы. Тихо дремал, и ничто его не беспокоило. Он ни на кого не обращал внимания, даже на своего сородича, который после ловли рыб без движения грелся на жарком солнцепеке рядом с ним…

Вдалеке от скал этих сказочных драконов, за пределами бухты, на поверхности моря лениво лежало несколько удивительных ящеров.

Это были тонкие ящеры с короткой шеей, но с длинным хвостом. Треугольное сечение их тела было обусловлено тем, что на брюшной стороне туловища они имели толстый и прочный панцирь, который был образован удивительным образом устроенными и изогнутыми под прямым углом брюшными ребрами.

Этот необычный тип брюшного панциря был у пресмыкающихся явлением совершенно новым и нигде не встречавшимся. Он делал брюшную сторону совершенно плоской, как, например, у современных черепах.

Туловище этих ящеров не было гибким. Это обусловливалось тем, что позвонки имели особые отростки, которые точно входили в соответствующие углубления, благодаря чему были прочно соединены друг с другом. Шейные и особенно хвостовые позвонки не имели такого строения и поэтому эти части тела, и главным образом хвост, были гибкими.

Между пальцев обеих конечностей имелись плавательные перепонки.

На небольшом, но массивном черепе кроме двух боковых глаз имелся еще третий глаз, расположенный на темени. Маленькая, но широкая пасть была вооружена удивительными челюстями. В передней части пасти находились зубы цилиндрической формы; они были направлены из пасти почти перпендикулярно вперед. На задних частях челюстей и на нёбе располагались крупные и плоские зубы, похожие на пуговицы или плитки для мощения

улиц, без каких-либо бугров, зато на них был очень толстый слой зубной эмали, которая защищала зубы от любых повреждений или даже от разламывания при сильном сжатии челюстей. Такие зубы позволяли питаться необычными животными: двустворчатыми раковинами, улитками, плеченогими и головоногими, они были приспособлены к дроблению твердых скорлуп и раковин, потому что лишь таким путем можно было добраться до скользких телец своих жертв.

Носовые отверстия у них были выдвинуты над пастью. Это давало двойную выгоду: не мешало при сборе пищи и позволяло при вдохе высовывать из воды лишь самую верхнюю часть головы. Для данного типа ящеров — плакодонтов это было очень важно, так как их трудно было заметить нотозаврам, которые относились к ним отнюдь не дружелюбно.

Постоянная угроза со стороны нотозавров привела к тому, что плакодонты вынуждены были переселиться из бухты, в которой раньше жили и где они были в постоянной опасности. Они не могли спокойно охотиться, отдыхать, а все время должны были быть настороже, чтобы не очутиться поблизости от нотозавра, потому что такие встречи обычно кончались гибелью плакодонтов.

Они давно уже покинули скалы с их темными пещерами и песчаными отмелями и нашли себе новое прибежище далеко от бухты. Здесь не было столько вкусной и разнообразной пищи, а в местных скалах столько укрытий, но зато плакодонты были здесь в безопасности. Только изредка сюда забредал какой-нибудь нотозавр и то лишь тогда, когда преследовал стаю испуганных рыб.

Но приходило время, наступавшее всегда с неотвратимой регулярностью, когда некоторые плакодонты покидали свое новое

жилище и плыли на старые знакомые места в бухте.

Это бывало всегда в тот период, когда самки стаями уплывали ненадолго, чтобы в подводящем месте отложить яйца; из них через некоторое время вылуплялись маленькие ящеры, которые должны были сохранить их род. Песчаная отмель на берегу залива была для них единственным пригодным местом. В мелкие ямки, которые они с трудом вырывали лапками, откладывали самки несколько яиц и осторожно засыпали их тонким слоем песка. Это было все, что они делали для сохранения своего рода. После этого они быстро покидали песчаную отмель и спешили опять к воде, которая была их настоящей жизненной средой и где они чувствовали себя в безопасности.

Когда, однако, самки плакодонтов прожили на новом месте долгое время, то обнаружили, что и здесь есть песчаная отмель, подходящая для кладки яиц. Поэтому они перестали плавать через всю бухту и стали класть яйца на новой отмели. Только несколько старых самок, гонимые каким-то инстинктивным упорством, оставались верными старым местам на берегу бухты.

В иных случаях суша плакодонтам была не нужна. В щели на скалах они забирались только по ночам. Конечно, и в бурные дни, когда по поверхности моря бешено мчались огромные волны, уносящие с собой все, что им попадалось на пути, плакодонты покидали разбушевавшуюся стихию и в разрушающихся скалах искали углубления и ходы, в которых пережидали, пока утихнет буря.

Больше всего они любили после охоты покачаться на волнах, закрыв глаза, спокойно подремывая. Их коричневые тела, длиной около двух с половиной метров, лениво переворачивались в лучах палящего солнца и поблескивали мокрыми участками кожи.

Именно так они отдыхали и сейчас.

Вдруг один из плакодонтов очнулся от дремоты. Еще несколько раз он лениво перевернулся на поверхности воды, а потом глубоким вздохом набрал воздух и быстро погрузился.

Он направился к подножию утеса, который круто поднимался со дна и уходил куда-то далеко ввысь.

Плакодонт плыл низко, над самым дном, внимательно наблюдая вокруг. Ничего от него не ускользало.

Он видел, как между камнями и шарообразными кустиками известковых водорослей сидели в засаде раки и крабы- маленькие разбойники с крепкими панцирями и стебельчатыми глазами, которые отважно бросались из своих укрытий на мелкую добычу, плывущую мимо; как только они завладевали

ею, то моментально исчезали в темных укрытиях и там ее с

аппетитом пожирали.

Видел, как красные морские звезды потихоньку ползли к ничего не подозревающим двустворкам или улиткам и, неожиданно обхватив их своими щупальцами, вытаскивали их скользкие тела.

Видел, как из щелей в скалах или из каменных гнезд выплывали коварные осьминоги и своими щупальцами, усеянными присосками, хватали мелких рыбок.

Видел усеянных иголками ежей, которые нападали на моллюсков; после удачного нападения разрывали их мягкие тела кусающим органом, состоящим из пяти крепких известковых пирамид, заканчивающихся острым зубом.

Все это видел плакодонт, который медленно плыл над самым дном.

Но все увиденное не привлекло его внимания.

Он плыл без остановки к своей цели, к недалеким утесам, крутые склоны которых и прилегающие части дна были покрыты бессчетным множеством плеченогих. По форме они очень напоминали моллюсков, но отличались от них тем, что их двустворчатые раковины состоят из спинной и брюшной створок, а не из правой и левой, как у моллюсков, и что они имеют два длинных спирально скрученных щупальца, обросших многочисленными усиками.

Плеченогие нескольких родов (в основном, из родов теребратула и ценотирис, уже давно вымерших) в неисчислимом множестве покрывали дно, валуны и склоны скал; некоторые крепко прирастали к основанию мускулистым стеблем, который в виде длинных прочных ворсинок высовывался из брюшной створки.

Среди огромного множества раковин теребратул и

ценотирисов за клочок жизненного пространства боролись бесчисленные двустворчатые моллюски.

Маленькие моллюски плакунопсисы заселяли дно и склоны скал, к которым прирастали одной из створок. Когда они умирали, неприросшая створка падала на дно, а к приросшей прилеплялся новый живой моллюск. Однако он должен был спешить, иначе свободное место быстро занималось другим.

Среди плеченогих и двустворчатых моллюсков медленно ползали различные улитки, как будто их безмерно тяготили раковины в виде башенок или плоских спиралей.

Лучи сверкающего солнца через прозрачную толщу воды проникали до самого дна, и там в синеватой глубине раковины начинали искриться всеми цветами радуги. Над скользкими тельцами бесчисленных плеченогих, двустворок и улиток, которых из раковин выгнал голод или инстинкт сохранения рода, высоко поднимались розоватые или бледно-лиловые чаши красивых лилий, прикрепленных к илистому дну длинными тонкими стеблями. Раскрытые чаши, прекрасные как огромные многолучевые звезды, протягивали свои лучи-щупальца навстречу слабому свету, струившемуся сверху через толщу воды. Они были подобны прекрасным цветам, обреченным на вечное пребывание в полумраке неглубоких вод.

Плакодонт потихоньку подплывал к своей цели.Лапы, ранее прижатые к туловищу, которыми он лишь иногда слегка подгребал,теперь он широко расставил и замедлил движения длинного хвоста- главного двигательного органа в воде.

Потом осторожно опустился на дно, где всюду вокруг были рассеяны бесчисленные раковины, либо свободно лежащие в песчанистом иле, либо крепко приросшие к валунам и склонам скал; они раскрывали свои крепкие защитные створки и высовывали мягкие тела из жемчужных укрытий.

Как только плакодонт коснулся дна, он не мешкая стал насыщаться. Передними цилиндрическими зубами он собирал или отрывал от дна густые скопления раковин плеченогих. Языком заталкивал их глубже и дробил своими плоскими, похожими на пуговицы, зубами для того, чтоб высвободить их мягкие тела, которые с аппетитом проглатывал.

Вдруг он перестал есть и прижался ко дну. Его глаз, расположенный на темени, заметил темную тень, перемещавшуюся наклонно ко дну. Сразу же за ней появилась другая тень, двигавшаяся в том же направлении.

Плакодонт лежал совершенно неподвижно.

Только когда тени прошли над ним, он осторожно повернул голову в ту сторону, куда они направились, и желто-зеленым

глазом стал следить за происходящим.

Ждать пришлось недолго.

Поблизости на дно опустился его сородич, а вслед за ним другой. Едва достигнув дна,они огляделись кругом и, выбрав каждый наиболее привлекательное и наиболее удобное место, жадно набросились на беспомощных плеченогих и двустворчатых раковин.

Плакодонт, которого они отвлекли от еды, понял, что ему ничто не грозит, и поэтому продолжал трапезу.

Чем больше склонялось солнце к западу, тем сильнее сгущались сумерки на глубине, где плакодонты оставляли после себя страшное опустошение. И когда горящий солнечный круг коснулся где-то далеко на горизонте поверхности моря, по бесконечной водной равнине разлился широкий золотой поток, светящийся и искрящийся каплями расплавленного золота среди множества темных пятен.

В это время плакодонты вынырнули из глубины.

Потихоньку они поплыли к прибрежным скалам и, когда добрались до них, стали неуклюже взбираться по неровным каменным выступам к молчаливым пещерам, в темноте которых исчезли один за другим.

Как обычно, они хотели переждать в них ночь, расползлись по темным углам, прижались к сырым скалам и погрузились в тяжелый сон. Они лежали без малейшего движения, постепенно впадая в оцепенение.

Широкий золотой поток, который лился оттуда, откуда заходило солнце, бежал по взволновавшейся поверхности моря и бухты, постепенно сужался и угасал, пока от него не осталась лишь тоненькая горящая и постепенно уменьшающаяся полоса.

В это время в ту же темную пещеру в скалах проник и страшный нотозавр. Едва он в ней скрылся, горящая полоса превратилась в искрящуюся точку, которая на мгновение ярко вспыхнула, а затем потемнела и внезапно исчезла, как будто какой-то злой дух сбросил ее в темную, глубокую пропасть заката.

Сумерки позднего вечера тихо опустились на весь край… Так текло время в равномерном ритме в бесконечном пространстве.

День исчезал за днем, и каждый из них был маленьким звеном в бесконечной цепи минувших и исчезнувших веков. Ночь проходила за ночью, и каждая становилась забытым эпизодом вечности.

И все эти прошедшие дни и ночи без перемен шла жизнь плакодонтов и нотозавров.

Однажды разразилась буря, которую уже заранее предвещал

кровавый восход солнца.

Раскаленный солнечный диск поднимался все выше и выше и заливал светом и теплом весь край. Осветил он и темные пещеры в диких изрезанных прибрежных скалах, выгнал оттуда страшную тьму и холодную сырость и пробудил застывших ящеров к жизни.

Из одной скальной пещеры медленно и грузно вышел нотозавр. Остановился невдалеке и пристальным взглядом своих зеленоватых глаз надолго уставился на широкую водную гладь морской бухты. Стоял неподвижно, как будто внезапно окаменел. Тишину розового утра нарушал легкий шум моря.

Прошло много времени, прежде чем нотозавр нерешительно начал слезать с утеса, чтобы достичь каменного выступа, с которого обычно спускался в воду. Казалось, что сегодня теплая солнечная ванна была ему желаннее, чем охота, которой он начинал каждый свой день.

Солнце стояло уже довольно высоко над горизонтом, когда нотозавр, наконец, влез в воду. Вода лишь слегка вспенилась, принимая в свои объятия его страшное тело, пронизанное и разгоряченное солнечным теплом. С головой, высоко поднятой на длинной шее, нотозавр отправился в открытое море.

Плыл быстро, оставляя за собой широкий долго не пропадающий след.

Над ним светило солнце, горячими лучами раскаляющее воздух, который слабо трепетал над широкой морской равниной. С поверхности моря солнце жадно вытягивало столбы водяных паров, а те легкой, едва заметной дымкой поднимались в раскаленный воздух, рассеивались в нем и на большой высоте сгущались в зловещие тучи.

Какое-то тягостное чувство овладело всем краем.

Не стал слышен даже тихий шум моря.

Все вокруг застыло в величественной, все подавляющей тишине.

Черные тучи громоздились в необыкновенно причудливые растущие замки, занимающие все большую часть синего неба. Рыб, которые несметными стаями плыли вблизи поверхности, весело играя или усердно охотясь, начало охватывать какое-то беспокойство. Как только черная туча, словно крыло огромной птицы, закрыла солнце, рыбы сбились в кучу, а едва первый проблеск света как сказочный меч рассек черные тучи, они исчезли в глубинах вод.

Ослепительная молния и грохочущие раскаты грома, внезапно раздавшиеся в глубокой предвещающей бурю тишине, застигли врасплох и нотозавра. Он остановился, повернул голову и оглядел темное небо.

Чутье подсказывало ему, что лучше немедленно повернуть назад и попытаться уйти от бури, надежным убежищем от которой может служить его логово среди скал в бухте, но голод, который неумолимо сжимал его утробу, заставлял продолжать охоту.

Какое-то время он нерешительно оставался на месте, как бы не зная, что предпринять. Потом снова начал быстро и беспокойно пересекать поверхность моря в разных направлениях. Но море было пустынным, как будто безжизненным, нигде не мелькали даже самая маленькая рыбка, даже какой-нибудь самый отвратительный головоногий, который сегодня был бы для него желанной добычей, несмотря на то, что обычно он ими пренебрегал. Теперь на водной глади не было ни единого живого существа. Все скрылось на глубину, в тихие места, куда никакая буря проникнуть не могла.

Однако нотозавр, подгоняемый голодом, продолжал бороздить водную поверхность во всех направлениях. Временами он нырял, надеясь, что может быть на глубине удастся что-нибудь поймать. Но все было бесполезно.

Когда же молнии изломанными стрелами стали все чаще и чаще пронизывать темные тучи и когда гром загрохотал сильнее, гонимый страхом, голодный нотозавр оставил охоту и направился к отдаленным прибрежным скалам бухты, чтобы в своей пещере переждать приближающуюся бурю. Он быстро

плыл вперед, оставляя за собой широкую борозду вспененной воды, теряющуюся в волнах, которые неистово гнал ветер.

Нотозавр инстинктивно чувствовал, что буря не заставит себя долго ждать. Поэтому он напрягал все силы, чтоб уйти от нее раньше, чем она разразится во всю свою мощь. Он бешено мчался вперед, так что вода высоко взлетала и покрывала его тело пеленой белой пены. Ветер, который начал неистово дуть, резкими порывами бил по его телу, давил на него и гнал все быстрее и быстрее вперед.

Ящер был уже недалеко от прибрежных скал, когда на изборожденную волнами поверхность моря с громким плеском упали первые капли дождя. Напрягая все свои силы, ящер плыл к скале, в темной пещере которой находилось его убежище. Когда наконец он достиг плоского каменного выступа, то быстро на него вскарабкался и поспешил по каменистой тропинке среди изрезанных скал к своему логовищу, в котором чувствовал себя в безопасности.

Едва его поглотила темнота скальной пещеры, как снаружи разыгралась страшная буря.

Ветер превратился в неистовый шквал, который с ноющим завыванием разразился над всем краем. Из черных туч хлынули потоки воды, хлеставшие по поверхности разбушевавшегося моря. На его поверхности с диким гулом поднимались водяные валы, с бешеной яростью ударявшие по каменному частоколу прибрежных скал; разбиваясь о них, они превращались в серую смесь воды и пены. Со стонущим ревом и шипением они проваливались в глубину у подножия скал, где вода кипела и клокотала как в перегретом котле. Все новые волны

перекатывались и дробились здесь о каменные утесы. Столбы вспененной воды с гулким плеском падали назад и исчезали среди бушующей воды на глубоких местах у подножия скал.

К вою ветра и шипению воды примешивался грохот грома, и все эти ужасные звуки сливались в оглушающий шум разбушевавшейся стихии.

Глубоко в пещере, в самом ее конце, прижавшись к сырой стене, оцепенело стоял страшный нотозавр. Зелеными глазами неустанно смотрел он на выход из своего безопасного укрытия, как будто был околдован сверканием бесчисленных молний, изломанные стрелы которых пересекали небосвод.

Но не он один- его сородич, укрывшийся в недалеком углублении в скалах, пристально глядел на разбушевавшуюся стихию. Он тоже вовремя вернулся в свое логовище, но также голодный, поскольку и ему буря помешала охотиться.

Зато вдали от голодных нотозавров далеко за бухтой в скальных расщелинах отдыхало несколько плакодонтов с полными желудками. Они были также напуганы сильной бурей, но голод их не мучил. Они насытились задолго перед бурей, и их желудки были в это время набиты массой скользких тел плеченогих, двустворчатых моллюсков и улиток. Но как голодные нотозавры, так и сытые плакодонты нетерпеливо ожидали, когда буря кончится и все утихнет.

Ждать пришлось недолго. Буря как внезапно налетела, так же быстро и прекратилась. Ветер разогнал тучи, небо прояснилось, и солнце озарило все вокруг. Разбушевавшаяся вода успокоилась, вспененные волны исчезли, и грохот грома угас где-то вдали.

Из убежищ в скалах вылезали испуганные ящеры, а из глубины к поверхности поднимались рыбы. На морском дне из укрытий под камнями выползали раки и крабы, звездочки и змеи, колючие ежи и даже осьминоги покидали свои безопасные гнезда среди нагромождений валунов.

Жизнь, течение которой было ненадолго нарушено неистовой бурей, снова закипела.

Едва буря утихла и все вокруг снова залил солнечный свет, одна из самок плакодонтов почувствовала властный зов. Что-то неустанно побуждало ее двинуться в долгий путь через воды бухты, невзирая на опасности, которые грозили ей в случае нападения врагов — нотозавров. Долго она сопротивлялась этому неотступному зову, но наконец все же поддалась ему.

Подошло время, когда нужно было отложить в нагретый песок несколько яиц, чтобы жизнь рода плакодов могла продолжаться. Лишь это должна была она сделать для нового поколения и ничего более, так как появившиеся на свет молодые

ящерята умели сами о себе позаботиться с первого момента своего существования.

Самка отправилась в путь совсем одна. Остальные самки искали для кладки яиц только ту песчаную отмель, которая была невдалеке от их обиталища. Но эта самка была очень старой, и все годы, которые она прожила, всегда откладывала яйца на ту же отмель, где когда-то маленькая ямка была колыбелью яичка, из которого вылупилась она сама.

Сюда ежегодно направлялась она, несмотря на опасности далекого пути, лишь бы отложить яйца там, где это было ей привычно. Так и сегодня она двинулась в путь к знакомой отмели и плыла к ней быстро и без остановок…

В то время, как самка-плакодонт двинулась в путь, к новой охоте готовился и голодный нотозавр. Осторожно спустился он из логовища на берег и, как только его достиг, сразу же бросился в воду. Но не помчался как стрела, а плыл потихоньку, настороженно наблюдая за всем происходящим вокруг. Голова, высоко поднятая на длинной шее, неустанно поворачивалась из стороны в сторону, глаза искали добычу.

Вдруг он увидел вдали рыбу, которая неожиданно выскочила из воды и, махая необычно удлиненными грудными плавниками, некоторое время летела над поверхностью, а потом внезапно затерялась в волнах. Едва она исчезла, как в воздух выпрыгнула другая, за ней следующая, и все они взлетали над водой тут и там, как будто играли или выскакивали только из буйного озорства.

Это были летающие рыбы со стекловидной чешуей из рода доллоптерус.

У нотозавра засветились глаза, когда он увидел добычу. Однако он уже знал, что охота на них требует осмотрительности

и осторожности, и если увенчается успехом, то затраты сил не будут соответствовать ценности добычи, так как рыбы сравнительно малы — не более четверти метра.

Но жестокий голод, который немилосердно, как острыми щипцами, сжимал утробу нотозавра, заставлял его начать охоту как можно скорее. Поэтому он как стрела помчался по воде за стаей шаловливых рыб.

Одна из них выпрыгнула из воды и, увидев подплывающего ящера, быстро исчезла в волнах, развернулась и поплыла обратно. Даже очутившись в середине стаи, она продолжала быстро плыть дальше и своим поспешным бегством привлекла внимание остальных рыб.

Они сразу же поняли, что что-то не в порядке, что грозит какая-то опасность. Поэтому, когда одна из них выскочила над водой, остальные мгновенно последовали ее примеру, и все быстро полетели, поспешно удаляясь, как стая переполошенных птиц.

За ними несся голодный нотозавр, оставляя на поверхности бухты глубокую борозду, окаймленную по краям широкими полосами серебристой пены.

Он был еще далеко, когда рыбы внезапно упали в воду и потерялись без малейшего следа.

Нотозавр неистово мчался к месту, где исчезли рыбы. Там он остановился так резко, что вода взметнулась высоко вверх. Затем он внезапно нырнул и исчез глубоко под водой…

Пока нотозавр искал в глубине скрывшихся рыб, невдалеке от этого места старая самка-плакодонт в смертельном страхе безумно мчалась прочь от другого нотозавра, с которым она встретилась, направляясь к далекой песчаной отмели. Такой же голодный, как и его сородич, который в это время где-то в глубине ловил рыб, он начал преследовать самку-плакодонта.

Это была неистовая погоня.Самку гнал вперед страх верной смерти, нотозавра — голод и стремление насытиться. Они то мчались среди вспененной воды по поверхности, то погружались и исчезали в глубине. Но едва выныривала самка, сразу же над водой появлялась и голова ящера, и погоня продолжалась.

Старая самка быстро уходила вперед, как будто хорошо знала, что могло ожидать ее, если бы она не напрягала все свои силы. Много раз уже видела она, как некоторые из ее сородичей гибли в зубастой пасти нотозавра, из которой невозможно было высвободиться. Это заставляло ее мчаться вперед до тех пор, пока хватит сил. Единственным ее стремлением теперь было уйти от голодного хищника, избежать его нападения, потому что схватка с ним сулила ей лишь смерть. Против него она была беспомощна

и могла стать только его жертвой.

Но случилось нечто, спасшее ей жизнь.

С ужасом мчась от преследовавшего ее ящера, она очутилась в том месте, где недавно погрузился в воду нотозавр, гнавшийся за стаей летающих рыб. Он неожиданно вынырнул прямо перед спасавшейся самкой-плакодонтом. Вода высоко взметнулась, и самка мгновенно остановилась среди пелены белой пены. Испуганными глазами смотрела она на вынырнувшего ящера, в широко раскрытой пасти которого грозно блестели острые белые зубы. Она оцепенела от испуга, когда увидела что путь к спасению ей преградил другой хищный ящер.

Но оцепенение продолжалось лишь долю секунды.

Раньше, чем удивленный ящер опомнился и бросился на нее, самка исчезла под поверхностью вспененной воды. Раскрытая пасть нотозавра захлопнулась пустой, а для преследования уже не было времени, так как в этот момент перед ним появился его сородич. Он был также голоден и кроме того разъярен, что кто-то другой испортил ему охоту. Он решил, что его сородич, видимо, захотел отнять у него добычу. Однако он был не намерен отказаться от нее, и ни с кем он не хотел ее делить.

С дико горящими глазами он бросился на ничего не подозревающего соперника и страшными челюстями яростно вцепился в его тело. Подвергшийся нападению ящер от неожиданности высоко поднял голову, а затем, взбешенный, также вступил в схватку. Нотозавр против нотозавра, равный бой двух сильных хищников — бой не на жизнь, а на смерть.

Зубастые пасти обоих яростно вгрызались в тело противника, а их длинные шеи извивались и раскачивались, отскакивали и увертывались как клубок борющихся змей. Вода вокруг них покраснела от крови, которая лилась из рваных ран. Поверхность воды взволновалась под ударами конечностей и коротких сильных хвостов сражающихся чудовищ.

В яростной схватке оба ящера забыли о самке-плакодонте, которая между тем где-то в отдалении вынырнула из глубины и быстро помчалась прочь от места кровавого боя. Однако она не повернула назад к своему обиталищу, а продолжала двигаться к далекой песчаной отмели, где хотела отложить яйца.

Пока старая самка удалялась от сражающихся ящеров, противники бились чем дольше, тем более свирепо. Их тела были покрыты бесчисленными глубокими ранами. Из открытых ран у обоих ящеров брызгала и лилась кровь, но яростная схватка не утихала.

Самка-плакодонт в это время достигла берега отмели. Осторожно вылезла из воды и некоторое время внимательно

осматривалась. Когда убедилась, что нигде нет ничего подозрительного, отправилась дальше в путь. Ступала потихоньку по песку, оставляя за собой широкий след.Вскоре остановилась,огляделась кругом, как бы желая убедиться, что она действительно в нужном месте, и неуклюжими лапами начала рыть неглубокую ямку. Когда она была готова, отложила в нее несколько яиц и слегка присыпала их песком. После того, как таким образом она позаботилась о продолжении рода, двинулась в обратную дорогу. Не оглядываясь назад, поспешила к берегу и быстро соскользнула в воду.

Между тем сражение ящеров достигло апогея. Бешено атаковали они друг друга, а их тела крутились и извивались, поднимались и падали. Казалось, как будто они хотели израсходовать всю свою энергию даже ценой собственной гибели. Брызги окрашенной кровью воды высоко взлетали в воздух, и красные капли падали дождем на сражавшихся нотозавров.

Тяжелые раны, которые оба борющихся наносили друг другу, быстро лишили их сил. Они метались во все стороны, но это были уже не воинственные атаки, а скорее отчаянные попытки предотвратить собственную гибель. Их длинные шеи с окровавленными головами беспомощно раскачивались над поверхностью воды.

Тела ящеров быстро покидала жизнь. Они вздрагивали, погружались и снова выныривали, пока неожиданно, почти одновременно, не исчезли в глубине.

Поверхность воды снова завихрилась, вздулась и покрылась волнами. Большие пузыри стали подниматься из глубины. Но потом вода опять успокоилась, а большие красные пятна на ней понемногу расплывались и исчезали.

Страшный бой ящеров был окончен.Это был бой без победителя и побежденного.

Солнце понемногу клонилось к закату, и красные отблески угасали в спокойной глади бухты. Легкая пелена вечерних сумерек спускалась на землю и неслышно ложилась на обширную водную равнину.

Старая самка-плакодонт быстро плыла к своему пристанищу, преследуемая только страхом и боязнью снова встретиться с ужасными нотозаврами. Она, конечно, не могла знать, что проплывает сейчас над их трупами, что в бухте драконы погубили в схватке друг друга…

ПЕРЕОЦЕНЕННЫЕ СИЛЫ

Где-то высоко в горах в гуще зеленых папоротников и низких хвощей из земли выбивался родничок кристальной воды. Озорно перескакивали его серебристые струи через угловатые камни узкого русла и с веселым журчанием спешили с горного склона в широкую котловину, сжатую хребтами высоких гор.

Горные хребты, которые окружали эту котловину, богатую ярко-зеленой буйной растительностью, высоко в небо поднимали свои голые скалистые пики, серые и печальные, неподвижные и мертвые. В унылом молчании стояли они в вышине, как притихшие окаменевшие свидетели минувших веков, исчезнувших в глубоком и бесконечном море вечного забвения. Иногда мимо их голых вершин проносились неистовые бури, гремели раскаты грома и раздавалось пугающее эхо, которое многократно повторялось. Гладкие скальные склоны при сильных ливнях звенели от ударов водяных потоков или стонали под ударами ледяной крупы при сильном граде. В такие периоды нерушимая тишина спокойных дней внезапно сменялась гулом и грохотом ревущих бурь и смерчей.

Над горными хребтами проходили столетия, и частые сотрясения земли коробили их утесы, разрушали и превращали их в валуны, которые падали по крутым склонам в долины. Здесь они образовывали необозримую каменную осыпь — отражение разрушительного действия землетрясений и выветривания, в результате чего по всему подножию гор было разбросано множество огромных валунов и казалось, будто это было покинутое поле битвы каких-то сказочных гигантов, сражавшихся здесь в жестоком бою.

Между голыми вершинами гор в ясную лазурь неба смотрели раскрытые кратеры многочисленных вулканов. Как в огромном котле кипела в них раскаленная лава, которая при страшных извержениях переливалась через края глубоких кратеров и мощными потоками катилась по склонам вулканов, разливалась по округе, проникала между огромными валунами у подножия гор и текла дальше в котловину, где сжигала травянистый покров, зажигала кустарники и поглощала большие участки первобытных лесов. Все, что вставало на ее пути, гибло. Все, чего она касалась и захватывала в свои жгучие объятия, мгновенно превращалось в пепел. Лишь в болотах и топях с шипением, в облаках белого пара останавливались эти смертоносные потоки раскаленной лавы.

Вместе с излияниями раскаленной лавы из глубин вулканов иногда выделялись густые тучи ядовитых газов, которые

рассеивались далеко вокруг и удушали все живое. Тогда из вулканических кратеров поднимались и столбы черного дыма, в котором поблескивали красные языки пламени и огромные вихри искр. Со столбами дыма, полыхающими красным заревом, к потемневшему небосводу со скоростью артиллерийских снарядов поднимались тучи раскаленного пепла. Он кружился в воздухе, а затем падал на землю. Своим жаром он уничтожал покрытые травой луга с низкими кустарниками, истребляя мелких животных и нагромождая все более и более мощные пласты.

В эти грозные моменты все что могло, бежало, все живые существа мчались прочь из мест, где во все стороны черными кругами валил дым, где языки пламени необыкновенной длины пронзали дым словно молнии и где раскаленный пепел большими массами покрывал землю. Под пеплом гибло все, потому что он нагромождался в пласт, от которого полыхало таким жаром, что воздух над ним трепетал как над пылающим костром.

Когда разбушевавшиеся вулканы снова затихали, вся область вокруг них была уже одной большой могилой. Под мощным пластом пепла лежала погубленная жизнь. Это были бесчисленные пучки различных трав, мелкие кустики, заросли кустарника, мелкие насекомые и некоторые животные, которые не успели спастись бегством, а также обгорелые стволы деревьев, прожженных насквозь пламенем и рухнувших на землю. Все это навсегда исчезло с поверхности Земли и оставило лишь окаменевшую летопись, написанную нестираемыми буквами в виде различных остатков растений и костей животных в вулканическом пепле.

После таких катастроф из тихих и темных убежищ, из нор и берлог в первобытных лесах вылезали лишь те существа, которых не настигли ни лава, ни вулканический пепел или удушливые газы. Степи с засохшей травой снова покрывались зеленым ковром, и в радостном свете нового утра в чистом, еще насыщенном росой воздухе разносились веселый стрекот, скрип, жужжание и шелест самых различных насекомых. Все эти звуки сливались в оглушительную песнь, в которой каждый голос упорно выводил свою мелодию и стремился заглушить остальные.

Таким образом сразу же на самом краю огромной вулканической могилы у подножия гор опять возродилась бурная жизнь, веселая и беззаботная, как будто никогда и не было ужасов извержения. Снова над краем светило солнце и простиралась лазурь ясного небосвода. Среди зеленой котловины, окруженной горными хребтами, кипела новая жизнь.

Пейзаж здесь был действительно сказочно красив.

Это была чарующая картина тропического ландшафта, где

объединились все созидательные и разрушительные силы природы, чтобы создать произведение исключительной красоты и великолепия.

В центре котловины,далеко от гор,как огромное серебряное зеркало, сверкало большое озеро. В его спокойных водах отражались широкие кроны вековых дубов, кленов, орешников, смоковниц и гинкго, а также кроны игольчатых кипарисов, тисов или гигантских секвой, которые достигали головокружительной высоты.

Небольшие рощицы сменялись лесочками коричных деревьев и лавров или зарослями тонких стройных пальм, кроны которых — красивые расходящиеся веерами листья — сияли в вышине в ярком свете ослепительной зеленью и трепетали в потоке золотых солнечных лучей. По красоте они превосходили даже цикадовые, у которых веера перистых листьев развевались высоко в воздухе как чудесные зеленые ленты над морем вербовых, ореховых и олеандровых чащ.

Высокие и мощные стволы старых деревьев обвивали бесчисленные плети лиан, они пробивались между ветвями крон до самых их вершин и в бесконечном море солнечного света распускали свои зеленые листья. На старых ветвях, покрытых мхами и лишайниками, зеленели пучки паразитических растений, главным образом великолепных орхидей, в прекрасных нежных цветах которых соединялась красота розовых восходов и горящих закатов, радуг и молний.

Когда над котловиной дули обычные ветры, то стволы столетних деревьев даже не шевелились. Лишь вершины широких крон легонько колебались и трепетали, а их листья издавали слабый шелест, почти неслышный в тишине густых темных лесов.

Когда же по котловине проносились дикие смерчи, крутящиеся вихри с неистовой силой хватали в свои гибельные объятия многих столетних великанов и вырывали их из земли с корнями со страшным и жалобным треском, а потом бросали на землю с такой силой, что падающие тяжелые стволы ломались как тонкие деревяшки. А над местом разрушения со свистом и оглушительным ревом грозно пел свою дикую песню шквальный ветер.

Как только ослабевала разрушительная сила неистового ветра и смерчей, снова в первобытных лесах воцарялось величественное спокойствие. Сраженные лесные великаны понемногу начинали истлевать, на их стволах зеленели покрывала густых мхов, а в сплетении их ветвей и корней находили себе убежища многочисленные животные.

В озеро, лежащее в центре этой большой зеленой котловины,

со всех сторон вливались ручьи и реки, в водах которых жило много удивительных, сейчас уже вымерших рыб, черепах и масса водоплавающих птиц. Когда эти птицы парами или большими стаями поднимались над водой, шум птичьих крыльев звучал в стоявшей тишине как шум далеких водопадов.

Около озера и вдоль текущих водных потоков простирались несчетные болота и топи, заросшие поразительным переплетением высоких зеленых мхов и камышей и покрытые большими пучками различных болотных растений, под широкими и мягкими листьями которых прятались зеленые подушечки низких мхов. В других местах высокие торфяные мхи создавали большие ковры, которые окаймлялись различными печоночными мхами с расширенными как листья слоевищами, окрашенными в зеленоватые и желтоватые тона. Буйные заросли зеленых хвощей и нарядных папоротников образовывали дикую непроходимую чащу и возвышались над ковром мхов и торфяных растений как хлопья зеленой мглы, клубящейся низко над землей.

Но и открытые поросшие растениями пространства с твердой сухой землей встречались здесь. На ярко-зеленом ковре низких растений в таких местах можно было видеть цветы самой различной окраски — белой, красной, желтой и синей, и тут же росли островки низших и высоких кустарников, на ветвях и листьях которых устраивали свои концерты бесчисленные цикады даже тогда, когда остальные насекомые в зное палящего полуденного солнца прятались в своих укрытиях.

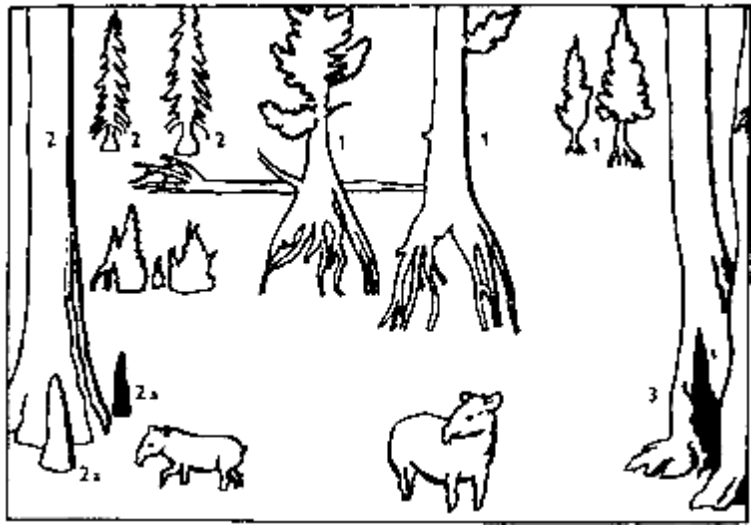
Таким был этот край, окруженный горными хребтами с дремлющими или огнедышащими вулканами. Сверкающие рассветы вставали над ним, а с наступлением вечера на него опускались сумерки.

И так это было в течение всего среднего эоцена третичного периода…

Из густого переплетения корней вывороченного орехового дерева вынырнула длинная узкая голова какого-то первобытного хищника. Коротенькие уши стояли торчком, а черный влажный нос подрагивал. Он открыл пасть, и из нее, как красная змея, выскользнул длинный язык, которым он несколько раз облизал верхнюю губу и черный нос.

Из горла хищника вырвался резкий звук. Это было скорее раздраженное фырканье, чем короткий рев. Вслед за этим тритемнодон вылез весь из своего логовища и тихо встал перед его темным входом.

Это был удивительно примитивный хищник. Его тело было длинным и хрупким, с тонкими конечностями, причем задние были длиннее передних. Узкая вытянутая голова сидела на длинной шее, которая была такой же ширины, как и череп. Красновато-коричневая шерсть, почти такого же цвета, как окружающие скалы или стволы старых деревьев, была покрыта темными пятнами, переходящими на длинном хвосте в кольцевые полоски. Это был хищник изящного и легкого сложения, проворный, быстрый и кровожадный, но не обладающий большой хитростью и коварством.



Первобытный буроугольный лес неогена — реконструкция хвойных деревьев (1 — Chamaecyparis, 2 — Taxodium, с многочисленными воздушными корнями — 2а) и реконструкция лиственных деревьев (например, напоминающая кизил Nyssa — 3)

Тритемнодон несколько раз лениво потянулся, а потом мягкими крадущимися шагами направился в обход своего логова. Шаг за шагом крался он, ступая осторожно и тихо, так что стебли растений едва шевелились, раскачиваясь не сильнее, чем от слабого ветерка.

Иногда он останавливался и принюхивался. Если не чувствовал никакого приятного или подозрительного запаха, то снова двигался в путь. Из леса он направился к краю степи.

Внезапно он остановился и неподвижно залег в траве. Его зеленоватые глаза пристально смотрели прямо перед собой, а кончик длинного хвоста дергался короткими рывками.

Перед хищником была длинная почти высохшая лужа. Земля вокруг нее была изборождена следами многочисленных животных, которые приходили сюда утолять жажду. Оставшуюся воду, блестевшую на дне лужи, пил маленький первобытный носорог гирахиус, похожий скорее на маленького конька, а не на более поздних потомков носорогов.

О н был очень пуглив, так как не имел никаких средств защиты. Был он маленький, слабый, с тонкой кожей, которую зубы хищников могли легко разорвать. Его голова еще не была вооружена тупыми рогами, которыми он мог бы наносить опасные раны. Единственной защитой от нападения врагов были его стройные ноги, которые позволяли быстро покидать опасное место и не один уже раз спасали ему жизнь.

Поэтому как только он переставал пить, то сразу же поднимал голову и чутко настораживался. Он был таким осторожным, что все время вертел головой и поворачивался во все стороны, лишь бы убедиться, что к нему ни откуда не приближается коварный враг.

Неожиданно, как раз в тот момент, когда он наклонил голову для нового глотка, он замер, услышав шорох, и этого незначительного звука было достаточно, чтобы носорог не остался на месте ждать крадущегося врага. Он отскочил, хлестнул хвостом и исчез.

В сильном возбуждении от неудавшегося нападения тритемнодон все еще стоял на том месте, где его выдал слабый треск веточки, на которую он неосторожно наступил, когда начал приближаться ползком к носорогу- он был вынужден ползти, так как хотел одним мощным прыжком броситься на носорога и свалить его на землю. Теперь же тритемнодон стоял разочарованный и с бешенством смотрел на убегающую добычу, которая уже исчезла вдали, так как безумный страх перед страшной смертью заставлял носорога мчаться с самой большой скоростью, на которую он только был способен.

Внезапно тритемнодон перестал хлестать хвостом, прижался к земле и повернул голову в сторону, откуда услышал какой-то приближающийся шум. Вскоре он увидел, как из чащи между стволами старых деревьев показались двое больших животных. Это были первобытные непарнокопытные- отдаленные предки современных лошадей, носорогов и тапиров, давно уже вымершие.

Это были титанотерии, удивительные непарнокопытные, родовое развитие которых идет от начала палеогена, когда появились маленькие виды, не больше современных овец, а позднее (перед вымиранием) — и огромные животные, крупнее современных носорогов. Головы этих более поздних представителей, живших в олигоцене, были снабжены двумя большими костными выростами, которые как длинные рога торчали из толстых носовых костей. Но у их старших эоценовых предшественников рогоподобные носовые наросты были еще маленькими, а у некоторых даже совсем отсутствовали.

И на этих двух эоценовых титанотериев — палеосиопсов жадно смотрел алчными глазами голодный тритемнодон.

Оба животных потихоньку приближались к полувысохшей луже, чувствуя себя в полной безопасности, так как направление ветра мешало им почуять сидящего в засаде хищника. Они были размером почти с выросших телят, но мощнее и неповоротливее. Их очень широкая и низкая голова по сравнению с мощным телом

была небольшой, а маленькие с тупым взглядом глазки были выдвинуты далеко вперед. Над пастью имелись два небольших костных нароста, вроде миниатюрных рожек, покрытых кожей. Кости черепа были тяжелыми и очень толстыми, внутричерепные полости — маленькими, поэтому и мозг у них был маленький, а значит, и сообразительность их была очень слабой. По своему образу жизни это были чрезвычайно миролюбивые создания.

Прежде чем дойти до лужи, каждый из них сорвал несколько молодых листьев и спокойно размельчил их большими коренными зубами. Остановившись у лужи, они несколькими долгими глотками утолили жажду, а потом легли в липкую грязь и с наслаждением стали в ней валяться, так что их серая со складками кожа покрылась грязным илом.

Когда же они пресытились «грязевыми ваннами», выпрямились, задвигали короткими ушами и начали играть — бодали друг друга головами, радостно визжали и фыркали и наконец начали неуклюже бегать вокруг лужи. В этой игре они забыли про все на свете: про осторожность и страх, — и были не способны заметить даже той опасности, которая их подстерегала невдалеке в образе опасного хищника.

Но спрятавшийся хищник не намеревался на них нападать, по опыту зная, что его сил не хватит для того, чтобы одолеть такую большую добычу. Это была бы схватка, которая бы его смертельно утомила и тем не менее не принесла бы победы. Зачем расточать силы на то, что, как известно заранее, будет безрезультатным! Поэтому хищник через некоторое время встал, повернулся и тихо пополз вдоль кустарников дальше в открытую степь.

Он направился к группе больших ореховых деревьев, которые первыми прорвали ограду первобытного леса и проникли в степь. Прежде чем дойти до них, он вспугнул семью гиопсодов, маленьких насекомоядных, пытавшихся найти что-нибудь подходящее для еды. Их тела были покрыты длинными и жесткими волосами, угрожающе торчащими во все стороны; белые кончики их были похожи на острые шипы и превращали все животное в маленький колючий шар.

Около самца и самки ползало несколько детенышей, нетерпеливо ожидающих хорошего кусочка. Они уже и сами умели разыскивать вкусных личинок и больших червей и во весь дух гонялись за быстрыми жуками, которых вспугнули в густых зарослях травы.

Когда же самец увидел ползущего хищника, предупреждающе завыл и мелкими шажками побежал к колючему кусту, чтобы найти защиту в густом переплетении его ветвей.

За ним, озираясь, бежала самка, пугливо семенили детеныши;

в середине колючего куста они прижались друг к другу и со страхом ожидали, не попытается ли хищник проникнуть к ним, чтобы безжалостно прервать их спокойную и счастливую жизнь. Пока хищник не прошел мимо, вся семья тихонько сидела, сжавшись в комок, и только их маленькие сердечки неистово бились.

Тритемнодон, не проявив к ним интереса, прошел мимо, так как его внимание привлекло нечто совсем иное. Между ореховыми деревьями, к которым он направлялся, валялось несколько стволов, уже давно сваленных бурей, а их сучья создавали хаотическое переплетение, поросшее мхами и лишайниками.

Это место выбрало для веселой игры вперегонки несколько похожих на белок грызунов из рода парамис. Как пули носились они по стволам вверх и вниз, мелькали между сучьев, проникали в их густое сплетение, исчезали там и появлялись снова. Огромными прыжками перепрыгивали со ствола на ствол, качались на тонких ветвях, и их изящные тела, одетые в красивые серебристые шубки с темными полосами по бокам и на спине и с маленькими темными полосочками под искрящимися глазами, мелькали в воздухе как серебряные стрелы.

И их веселая и беззаботная игра иногда сопровождалась радостным визжанием или удивленным писком, когда в неистовом хороводе серебряные зверьки едва не налетали друг на друга. А над ними светило солнце и простирался зеленый свод могучих ореховых деревьев. Слабый ветерок, который взволновал ветви низких кустарников на широкой равнине, заколебал кустики широколистных растений и зашумел листьями деревьев и кустов, способствовал тому, что к зверькам среди колеблющейся травы и шумящих кустарников смог незаметно и

неслышно приблизиться голодный хищник.

Прижавшись к земле как змея полз тритемнодон к ничего не подозревающим грызунам. Зелеными глазами жадно глядел то на одного, то на другого и ожидал удобного мгновения, чтобы мощным прыжком поймать одного из них. Ждать пришлось недолго.

Один из серебристых грызунов, убегая от другого, легко перепрыгнул с одного ствола на соседний, съехал по нему вниз и пропал из вида. Пока преследователь удивленно рассматривал, куда его сородич так внезапно исчез, тот появился на конце вывороченного дерева, встал на задние лапки и тихонько засвистел, как бы смеясь над ним, что так удачно его обманул.

Но ему не суждено было бежать дальше.

Мощным прыжком бросился на него голодный тритемнодон, схватил его своими сильными челюстями, сжал их, и кости молодого грызуна начали трещать, как будто их сжимали железными тисками.

Тритемнодон быстро проглотил молодого грызуна. Однако не утолил свой голод, а скорее только раздразнил пустой желудок. И поэтому жажда по-настоящему насытиться вскоре погнала его дальше.

Он крался по краю леса, минуя берега заросших омутов и болот. Проходил и через обширные участки леса, уничтоженного бурями, где сотни стволов тлели и превращались в измельченную массу, чтобы тысячи новых растений буйно росли и боролись между собой за место и свет. Проникал он и в густые кустарники, где могли укрываться мелкие звери, но тем не менее нигде ничего не выследил.

Терзаемый голодом, направился тритемнодон из лесу, чтобы

попытать счастья на поросшей травой степной равнине.

Едва он ее достиг, прижался к земле и осторожно пополз в высокой траве. Временами около кустарников он останавливался и, скрытый их тенью, быстрым взглядом осматривался вокруг, но долго не мог ничего заметить.

Поэтому он продолжал двигаться дальше в надежде, что его настойчивость будет все-таки вознаграждена.

Наконец,он неожиданно увидел, что вдалеке по степи передвигается небольшое стадо первобытных лошадок-орогиппусов. Тритемнодон быстро прижался к земле и не спускал с них глаз. В волнении он бил длинным хвостом, а по всему его стройному телу от нетерпения пробегала дрожь. Спустя минуту начал он подползать к ним с большой осторожностью.

Стадо орогиппусов, во главе с красивым жеребчиком с раздувающимися ноздрями и настороженно глядящими глазами, быстро приближалось.

Эти маленькие, высотой менее полуметра, лошадки стояли в самом начале эволюционной цепочки лошадей. Их передние ноги были еще четырехпалые, а задние — трехпалые, и на всех пальцах были маленькие копытца. Но уже у этих первобытных лошадок кости средних пальцев ног были развиты сильнее, чем боковых.

Этот признак при развитии рода лошадей постепенно все более и более усиливался, пока наконец в четвертичный период у более ранних (плейстоценовых) и современных (голоценовых) лошадей от пальцев обеих пар ног не сохранились лишь средние, которые сильно развились и образовали толстые копыта. Боковые пальцы, наоборот, в ходе эволюции постоянно уменьшались, укорачивались так, что уже не касались земли, хотя еще были хорошо заметны, и в конце концов сохранились лишь в виде маленьких, похожих на стерженьки, косточек прямо под кожей.

Такая перестройка конечностей при эволюции лошади была вызвана тем, что потомки первобытных лошадок чаще и чаще покидали болотистые и топкие леса и начинали жить на твердой почве в сухих степях, поросших травой и кустарниками. Если для самых древних (в геологическом смысле) первобытных лошадей большее число пальцев на конечностях было оправдано, так как обеспечивало им большую безопасность при ходьбе по мягкой болотистой почве, то в измененных условиях жизни для первобытных лошадей стало более выгодным, когда боковые пальцы у них постепенно стали отмирать, а средние развиваться.

В степях почва крепкая, твердая, пригодная не только для безопасной ходьбы, но и для стремительного бега. Быстрое передвижение для этих вымерших степных лошадок было жизненно очень важным, так как служило для них единственной

защитой от нападения разных хищников. Однако скорость их бега могла увеличиться только тогда, когда они смогли, по возможности, легче отрывать ноги от земли и бежать только на кончике среднего пальца. Это стало возможным, когда боковые пальцы уменьшились и сдвинулись вверх, чтобы не касаться земли. Одновременно становился сильнее и мощнее средний палец каждой ноги, на который давил теперь вес всего тела и которым лошадь при беге легко отталкивалась от твердой земли.

Одновременно с изменением конечностей произошли изменения и в развитии челюстей лошади. Вызвано это было тем, что с изменением жизненной среды у лошади изменился и пищевой рацион. Первоначально всеядные лошади постепенно превратились в типичных травоядных животных, так как в степи можно было насытиться только жесткими степными травами. Их челюсти отличались длинными призматическими коренными зубами, которые имели плоские со сложным изгибом трущиеся поверхности на высоком основании.

В соответствии с этими изменениями конечностей и челюсти в процессе развития рода существенно удлинялись лицевая часть черепа и шея. Все это сопровождалось и постоянным увеличением размеров тела, которое у наиболее древней первобытной лошади рода эогиппус, жившей в раннем эоцене, было примерно таким же, как у современной кошки или лисы. Только в конце третичного периода у вымерших плезиогиппусов оно достигло размеров некоторых современных лошадей. Потребовались долгие века, прежде чем живое существо в своем удивительном развитии прошло путь от маленького эогиппуса до современного коня — нашего самого благородного животного и верного помощника человека.

Одним из первых представителей этого рода, уже давно исчезнувшего в бесконечном море минувшего, был орогиппус, живший в среднем эоцене третичного периода.

Хрупкие и бойкие животные между тем приближались к голодному тритемнодону. Видя, что они направляются в его сторону, тритемнодон затаился в тени низкого кустарника и терпеливо ждал удобного для нападения момента. Он внимательно следил за движением стада, не спуская с него глаз, в которых понемногу разгорались огоньки охотничьего азарта.

Но вот вожак внезапно остановился, высоко поднял голову и долго принюхивался, втягивая воздух расширенными ноздрями. Затем сильно зафыркал и, обеспокоенный, обежал все стадо. Но нигде ничего не заметил, всюду был мир и покой.

Стадо снова двинулось спокойной рысью. Впереди бежал вожак, а за ним — остальные. Маленькие гривы на их шеях были неподвижны, но зато хвосты, обросшие редкими волосами, развевались в воздухе. Их шерсть буланой окраски, украшенная несколькими малозаметными продольными светлыми полосами, блестела на солнечном свету.

Стадо все приближалось к спрятавшемуся хищнику.

Волнение и охотничий азарт тритемнодона росли тем сильнее, чем ближе было стадо орогиппусов.

Наконец стадо оказалось так близко, что сидящий в засаде хищник приготовился к смертоносному прыжку, выбрав молодого орогиппуса, который трусил ближе всех к нему.

Пригнувшись, хищник крепко оперся на задние ноги, но в тот момент, когда хотел уже прыгнуть на спину выбранной жертве, орогиппус неожиданно изменил направление бега.

Тритемнодон был достаточно опытным хищником, чтобы понять, что теперь это был бы бесполезный прыжок, который сделал бы напрасным все его долгое ожидание. Однако, поскольку он не хотел остаться совсем без добычи, он стремительно выскочил из своего укрытия и влетел в стадо лошадок к своей заранее намеченной жертве. Орогиппус встал на дыбы, испуганно заржал, повернулся и галопом помчался прочь в направлении, совсем противоположном тому, которым убегали остальные. За ним по пятам гнался тритемнодон, но не мог его догнать.

Орогиппус вскоре исчез между низкими кустарниками широкой пологой равнины, он бежал непрерывно, лишь иногда на мгновение останавливался и принюхивался. Он был до смерти напуган и обеспокоен своим одиночеством. С самого раннего возраста привык он к веселому обществу своих сородичей, с которыми бегал по широкой равнине и, разгорячившись, высоко

прыгал вверх. Бродил с ними с места на место, открывая все новые места, где растения были особенно вкусными и более сочными, чем в прежних. В знойные часы дня отдыхал с ними в холодке под ветвистыми деревьями или в тени кустарников. Теперь же он был совершенно один, а кроме того не мог забыть о нападении хищника.

Бесцельно блуждая по округе, он переходил временами на рысь, а затем снова двигался спокойным шагом. Всего боялся и испуганно бежал прочь, чтобы вскоре опять остановиться. Шерсть его блестела от пота, а полосатые бока высоко вздымались от частого дыхания. Он наклонял голову то вправо, то влево, долго и усиленно принюхивался. Но не увидел и не почуял ничего опасного, тряхнул головой и спокойной рысью вбежал на невысокий холм.

Оттуда стал смотреть во все стороны, надеясь увидеть свое стадо. Однако никаких его признаков не обнаружил, хотя и осмотрел во всех направлениях широкую равнину. Не было не только стада, но и его преследователя. Орогиппус был действительно один на всем доступном обзору пространстве.

Отчасти успокоившись, он сбежал с невысокого холма к его подножию и начал пастись, соблазненный пучками молодых ярко-зеленых трав, полных сладкого сока. Однако он пасся не так беззаботно, как привык. Будучи стадным животным он все время испытывал тягость одиночества. Ему недоставало стада, которое гарантирует безопасность, одиночество же приносит только страх и трудности, а часто — большие опасности и гибель. И это действительно так и было.

Смерть в образе голодного хищника кралась медленно, но неумолимо за одиноким заблудившимся жеребчиком.

С того момента, когда перед голодной пастью тритемнодона молодой орогиппус обратился в паническое бегство, этот кровожадный зверь все время шел по его следу с неотступным упорством.

Сначала он гнался за жеребчиком большими прыжками, потом, когда тот исчез у него из вида, стал двигаться медленнее, так как должен был разыскивать его следы. Ноздрями втягивал в себя тонкий запах, который четко указывал путь испуганного конька. И чем ближе он к нему подходил, тем осторожнее действовал.

Когда же, наконец, после долгого преследования тритемнодон снова увидел свою жертву, он прижался к земле и постарался осторожно приблизиться к ней ползком. Это было в тот момент, когда первобытный конек спустился с вершины невысокого холма и начал пастись у его подножия.

Тритемнодон, как змея, полз к ничего не подозревающему орогиппусу. Внимательно ставил лапу к лапе и раньше, чем на них опереться всем телом, осторожно пробовал, не наступил ли на какую-нибудь сухую веточку, которая своим треском могла бы выдать его присутствие. Иногда совсем останавливался и прижимался к земле так, что почти сливался с ней, и лежал неподвижно, словно неожиданно окаменев.

Пасущийся жеребчик внезапно поднял голову, принюхался и насторожил короткие уши. Затем зафыркал, наклонил голову и опять начал пастись. Но вскоре опять приподнял голову и снова стал принюхиваться. Его начало тяготить и угнетать какое-то беспокойство. Все сильнее и неотступнее оно заставляло его оставить пастбище и уйти в другое место.

Но прежде, чем он успел это сделать, в воздухе большой

дугой пролетело пятнистое тело хищника и упало на его хребет. Зубастая пасть сомкнулась на шее, а толстые когти впились в кожу. В отчаянии конек заржал и, истекая кровью, рухнул на землю. У мертвого тела орогиппуса стоял победивший его тритемнодон, и из его горла вырывалось довольное ворчание. Но голод вскоре взял свое — и тритемнодон улегся около своей добычи и длинным языком стал ловко подхватывать струящуюся теплую кровь. Потом стал кусками жадно заглатывать мясо.

Долго он пировал спокойно, ничем не потревоженный. Казалось, что так и будет продолжаться до самого захода солнца.

Около разрушающегося утеса, который мрачно выделялся среди чарующей красоты тропического ландшафта, ручеек маленьким водопадом сбегал в небольшой водоем. Из него он выливался на изумрудно-зеленый луг, по которому вился как серебряная нить, светившаяся и блестевшая в солнечном свете.

Водоем окружала буйная растительность, которая на влажной почве быстро разрасталась и постоянно захватывала все большую площадь вокруг. Были здесь и заросли больших светло-зеленых лопухов, покрытых каплями падающей и разлетающейся воды, которые радужно светились в потоке огненных солнечных лучей.

В утесе, покрытом бесчисленными трещинами и щелями, в тени низких пальм виднелось темное отверстие.

Это было логовище молодого и свирепого хищника синоплотерия.

Он нашел это удобное убежище после долгих поисков. Соседство водоема под водопадом и близость большого озера, в которое вливался ручеек, было выгодным, так как в эти места на водопой приходило много животных. Поэтому хищнику не нужно было гоняться за добычей, неслышно ползти среди травы и кустарников, а достаточно было, притаившись в засаде,

подождать жертву и неожиданно на нее напасть.

На всю округу он наводил страх и ужас.

Животные первобытного леса скрывались от него в самых густых зарослях или искали спасения в болотах и трясинах, где мягкая, зыбкая почва всегда отпугивала хищника от дальнейшего преследования. В поросших травой степях, куда он также иногда выходил на охоту, животные, увидев его еще издали, в невообразимом страхе мчались во весь дух прочь, подальше от коварного и ненасытного хищника.

Из темной щели в скале в свете догоравшего дня показалось темно-коричневое тело синоплотерия.

Хищник лениво потянулся, затем лег на бок, несколько раз облизал переднюю лапу и начал ею тереть голову, чтобы очиститься от грязи; не забыл он и туловище. Когда покончил с туалетом, шерсть его засветилась шелковистым блеском, стали хорошо заметны темные полосы, которые тянулись поперек спины, исчезая на боках и соединяясь в кольца на длинном хвосте. Затем хищник вскочил на большой плоский валун, лежащий невдалеке от его логовища, и оттуда осмотрелся кругом. Однако нигде ничего интересного не увидел и снова лег. Передние лапы свесил через край валуна и, подняв голову, стал рассматривать окрестности.

Солнце стояло еще над вершинами деревьев. Поток золотых лучей проникал в их развесистые кроны и рассыпал желтые блики по листьям и морщинистой коре. Цветы на лугу широко раскрылись и среди изумрудной зелени трав пылали красным, желтым и оранжевым цветами. Крупные красиво окрашенные бабочки летали в благоухающем воздухе, садились на цветы, а когда выпивали их сладкий нектар, опять исчезали вдали, в пестрой палитре красок. Из крон деревьев доносилось приятное пение маленьких певчих птиц. Часто слышался грубый пронзительный скрежет цикад и саранчи, без устали повторявших свою скрипучую песню.

Хищник тихонько встал. Лениво потянулся и своими когтями, которые были сжаты с боков, слабо загнуты и на нижнем конце раздвоены, вырыл несколько канавок в сером лишайнике, которым порос валун. Затем лег на спину и, подняв вверх ноги, стал не спеша перекатываться с боку на бок. Солнечные лучи, проникающие через перистые веера пальмовых листьев, вырисовывали около его изящного тела удлиненные пятна черных теней, которые падали и на его темно-коричневую шубу, сливаясь с ее темными полосами.

Вскоре хищник вскочил на ноги, принюхался и внимательно прислушался. Ветерок донес сюда дразнящий запах, а тонким

слухом он уловил шум, причину которого нужно было непременно выяснить.

Он быстро спрыгнул с плоского валуна. Крался от дерева к дереву, от куста к кусту, пока вскоре не остановился на берегу мелкого болота, заросшего высоким густым камышом. Здесь он увидел пару первобытных водных носорогов аминодонтов, присмотревших болото для кормежки и приятного времяпровождения. Широкие полосы поломанного и растоптанного камыша указывали пути, по которым аминодонты вошли в мелкую воду болота.

Алчными глазами смотрел синоплотерий на аминодонтов, жадно насыщавшихся мелкими болотистыми растениями, не обращая внимания на то, что недалеко на берегу внезапно появился кровожадный хищник. Они хорошо знали, что он не станет на них нападать; ведь они были почти целиком под водой — лишь головы и спины их торчали наружу. Кроме того, они не боялись с ним встретиться и на суше, так как были твердо уверены в своей неуязвимости и силе. Они должны были охранять лишь своих беспомощных детенышей.

Вид пасущихся аминодонтов разбудил у хищника чувство голода. С глухим ворчанием покинул он берег болота и отправился на охоту. Легко, ступая, пошел по берегу и направился к далекой чаще. Двигался почти неслышно, бросая быстрые взгляды вокруг.

Когда он достиг чащи, то стал осторожно красться от одного куста к другому. Временами прижимался к земле, внимательно принюхивался, вслушивался и никогда не забывал про направление ветра.

Через некоторое время ему удалось выследить несколько тапиров из ныне вымершего рода гелалетес. Он высмотрел одно животное, которое из всего стада было к нему ближе всего. Оно паслось на маленькой прогалине, где поедало сочные листья какого-то растения, похожего на лопухи.

Синоплотерий подкрадывался, прячась в тени кустарников или за стволами деревьев. Бесшумно полз в высокой траве, ведомый единственным стремлением подобраться поближе, чтобы можно было сразу же прыгнуть на тапира.

Жертва спокойно продолжала пастись, с аппетитом срывая сочные листья и лакомясь ими: ничто не говорило ей о приближающейся опасности.

Между тем хищник продолжал бесшумно двигаться вперед, минуя кустарник за кустарником,дерево за деревом, и подбирался все ближе и ближе к высмотренной добыче. Его глаза были прикованы к ничего не подозревавшей жертве и не

отрывались от нее ни на долю секунды.

Так хищник дополз до самого последнего дерева и приготовился к прыжку. Когти воткнулись в землю, мощное тело на мгновение напряглось, а взгляд впился в тело жертвы. Когда, наконец, он оттолкнулся от земли, в воздухе неожиданно раздался предупреждающий писк.

Издала его маленькая обезьянка из рода тетониус. Она качалась на конце ветви, наклонившейся в глубь прогалины, на которой спокойно насыщался тапир гелалетес. И как раз в тот момент, когда хищник оттолкнулся от земли, чтобы одним прыжком повергнуть тапира на землю, на нем остановились вытаращенные глаза обезьянки. От испуга она быстро предупреждающе пискнула, и к ее голосу сразу же присоединились голоса ее сородичей.

Из-за писка обезьяны хищник на долю секунды оторвал глаза от тапира. Тот мгновенно перестал есть, поднял голову и, увидев хищника, отскочил, так как на бегство уже не имел времени. Но и этого незначительного уклоняющего движения было достаточно, чтобы оно спасло животное. Хищник в мощном прыжке упал на уже пустое место и прежде чем опомнился, тапир уже убегал за своими сородичами к недалекому болоту, и вскоре все они исчезли в непроходимых дебрях буйной растительности.

Синоплотерий стоял без движения на месте. Он с силой хлестал длинным хвостом, бил им по бокам, в глазах его была дикая злоба. Убежавшую добычу он не преследовал: раз не настиг ее в прыжке — значит, потерял навсегда.

Недалеко на ветвях деревьев взволнованно прыгали маленькие обезьянки. Все время испуганно вскрикивали писклявыми голосками и не затихли до тех пор, пока хищник не исчез в полумраке леса. Растревоженный неудачей на охоте и

мучимый голодом, который давал о себе знать все сильнее, он долго бегал по лесу. Однако нигде не нашел ничего, чем мог бы насытиться.

Покинув лес, он направился в степь, чтобы там испытать охотничье счастье. Но и здесь долго охотился впустую. Голод продолжал терзать его, когда он неожиданно увидел тритемнодона, доедавшего последние куски туши орогиппуса.

Но и эти остатки первобытного конька вызвали у синоплотерия такой приступ голода, что он безрассудно бросился к тритемнодону, собираясь вырвать у него хотя бы небольшой кусок мяса.

Тритемнодон, однако, не намеревался добровольно отказаться от своей добычи. Ведь это была его добыча и поэтому она принадлежала только ему. Он стал сопротивляться синоплотерию и, с дикой яростью бросившись на него, вонзил острые зубы ему в горло. Подвергшийся нападению противник стряхнул его с себя и раньше чем тот вскочил, уперся в него передними ногами и разорвал ему шею. Кровь брызнула из раны и потекла по светлой шерсти побежденного.

Но побежденный не сдавался. Внезапно повернув голову, он начал бешено хватать зубами ноги противника. Тот отскочил, и этой минутной свободы тритемнодону было достаточно, чтобы быстро подняться на ноги и обратиться в бегство.

Синоплотерий не стал преследовать тритемнодона, но скромная добыча не утолила его сильного голода. Поэтому жадно проглотив остатки конька, он снова пошел на охоту.

Однако сегодня его преследовали неудачи.

Он обошел большую часть округи, но ничего не поймал, ничего не увидел. Животные, еще издали завидев его, обращались в бешеное бегство. Мелкие грызуны и насекомоядные поспешно исчезали в густых колючих кустарниках, а белки посматривали на него только с ветвей деревьев.

Раздосадованный неудачной охотой и мучимый голодом, усталый хищник уныло возвращался в свое логовище.

Солнце уже садилось за горы, когда он подошел к своей берлоге. Однако не укрылся в ней, а вскочил на плоский валун, улегся на нем и стал отдыхать.

На потемневший небосвод из глубины Вселенной медленно выплывал серебряный диск луны. Ее белый свет разлился по всему краю.

Под кронами деревьев, в кустарниках и густых зарослях, а также между скоплениями буйных трав появлялись причудливые картины, созданные беспорядочным переплетением темных и серебряных пятен, хаотическим отражением теней ветвей и листьев, через которые проникал лунный свет. Покрытая рябью вода болот и озер выглядела в лунном свете, как жидкая масса из черной краски и расплавленного серебра. Тоненькие нитки маленьких водопадов в тени утесов светились, как ослепительные белые линии.

Замолкло птичье пение, закончились скрипучие концерты саранчи и стрекочущие песни цикад, затихло жужжание мух, ос и шмелей — лишь задумчивый шум текущих вод и старых лесов тихо разносился над засыпающим краем…

Из полумрака зеленых зарослей на поляну, залитую лунным светом, вышли удивительные животные размером с носорогов, но обликом напоминающие скорее слонов. Это были уинтатерии.

Среди млекопитающих было мало чудовищ, подобных уинтатериям. Они относились к давно вымершим копытным.

Самым удивительным и необычным был череп уинтатериев. От задней части к передней он сужался и нес три пары костных наростов в виде коротких тупых рогов, которые у самцов были развиты сильнее, чем у самок. Первая пара росла на носовых костях, вторая — на надчелюстных костях и третья — на теменных костях. Они не были покрыты роговым веществом, а были обтянуты только кожей, как у современных жирафов. Череп плоский с блюдцевидным углублением. Такая его форма не встречается ни у какого другого животного. Мозговая полость была необычайно маленькой, что явно указывает на небольшую сообразительность этих животных. Стенки мозговой полости были необычайно толстыми, но большая их часть содержала заполненные воздухом пустотки, которые снижали вес костей.

Необычной была и челюсть. Ввиду того, что челюстные кости были недоразвиты, верхние резцы исчезли совсем. Нижние резцы были маленькими. Такого же размера и формы были и нижние клыки. Зато верхние клыки были большими, длинными, саблевидной формы, и на всю их длину передняя часть нижней челюсти расширялась как двойной подбородок.

Эти удлиненные саблевидные клыки уинтатерии использовали не как оружие нападения, а для срезывания и разрывания мягких сочных растений, болотных или водных. Перед тем как проглотить, они не измельчали их, а только раздавливали бугристыми коренными зубами.

В остальном уинтатерии по общему облику напоминали современных слонов. Правда, их передние конечности были крупнее и сильнее задних.

Уинтатерии важно и спокойно шагали по поляне. Впереди шел самец, сбоку от него — самка, а за ними мелкими шажками семенил неповоротливый детеныш. Он родился совсем недавно в зарослях низких пальм, и его мамаша с большой любовью заботилась и ухаживала за ним, не спуская ни на мгновение с него глаз. Сегодня, как обычно, этот детеныш после кормежки и купания направлялся со своими родителями в тихие заросли на ночной отдых.

Уинтатерии прошли по светлой поляне и снова вошли в лес. По узкой тропинке шагали один за другим и не спеша приближались к водоему, около которого в трещиноватом утесе находилось логовище синоплотерия. Он успел уже залезть в свою берлогу, свернулся на ложе из сухих трав и листьев, закрыл глаза и старался уснуть.

Но сон не приходил. Хищник ворочался с боку на бок. Виноват был голод, который не давал ему уснуть.

В то время, как хищник в беспокойной дремоте лежал в берлоге, уинтатерии подошли к водоему.

Однако теперь усталый детеныш семенил в нескольких шагах от матери и сонно покачивал головой из стороны в сторону. Мать, обычно такая заботливая, сегодня этого даже не заметила.

Когда детеныш проходил мимо водоема, его внимание привлекли отчетливые звуки льющейся воды в маленьком водопаде. Он остановился и с удивлением смотрел на серебряную нитку, падающую в лунном свете с темного утеса на блестящую поверхность.

С любопытством подошел ближе и неожиданно увидел, что один из берегов водоема скрыт под большими изумрудно-зелеными листьями, которые как большие облитые лунным светом веера отражались в кристальной воде.

Хотя он еще питался молоком, но уже знал, что на свете есть еще много вкусных вещей. Среди лакомств, которые детеныш уже научился отличать, были и большие сочные листья, которые он как раз нашел около водоема. Поэтому он с аппетитом сорвал маленькой пастью большой лист и спокойно стал его жевать.

Лист был мягкий, сочный и сладковатый. Детеныш сорвал другой, затем третий и при этом забыл обо всем на свете, даже о доброй заботливой маме.

Легкий шум, который детеныш поднял, срывая листья, долетел и до слуха хищника. Он быстро вскочил на ноги и крадущимися шагами вышел из логовища. Потом остановился и внимательно принюхался.

При этом его взгляд обратился к водоему. Он мгновенно прижался к земле и, будто внезапно окаменев, горящими глазами уставился на детеныша. Лишь слабое хлопанье длинного полосатого хвоста и кровожадный блеск глаз выдавал его.

Хищник тихо наблюдал за детенышем, и, казалось, он раздумывает, должен ли он действительно напасть.

Взрослых уинтатериев он всегда избегал, так как убить такую огромную добычу было свыше его сил. Никогда не охотился и на их детенышей, потому что они всегда находились около своих матерей, а с ними не следовало вступать в бой, потому что, защищая свое потомство, они сражались со страстной яростью. Как могла окончиться такая схватка, хищник хорошо понимал. Но теперь было иначе: перед ним был маленький детеныш один, без охраны.

Тем не менее синоплотерий не решался на него напасть.

Осторожно оглядывался он по сторонам, ожидая, не появится ли из темных уголков леса мать детеныша. Но нигде ничего подозрительного не заметил.

Это вновь пробудило у него желание к нападению. Однако инстинктивное чувство удерживало его, заставляло оставить безрассудный замысел, который бы мог иметь для него очень плохие последствия.

Не было сомнения, что детеныша он одолеет, но было также ясно, что безусловно потерпит поражение в схватке с его защитниками. Хотя то, что детеныш был один, и соблазняло напасть на него, но одновременно это было и в высшей степени подозрительным. А все подозрительное может оказаться опасным.

Борьбу между опытом и жадностью хищника решил голод, который снова напомнил о себе жгучим болезненным чувством, охватившим все его тело. Хищник стал готовиться к нападению.

Медленно подкрадывался он поближе к водоему, так тихонько и осторожно, что не было слышно даже шелеста стеблей травы. Но место, куда подполз хищник, не было удобным для смертоносного прыжка. Поэтому он решил подняться на плоский выступ скалы, который был достаточной величины, чтобы от него можно было оттолкнуться и одним мощным прыжком упасть на шею беспомощного детеныша.

Но как только он оперся о выступ скалы, на который хотел осторожно взобраться, от него отделился огромный камень и с грохотом упал в омут.

Падение камня испугало детеныша. Со страхом он посмотрел на водоем, на поверхности которого появились серебристые круги, разбегающиеся от места падения камня; круги сначала были маленькими, затем становились более крупными, пока, наконец, самые большие не терялись у зеленых берегов омута. Он с удивлением смотрел на игру маленьких волн, но ужас появился в его глазах, когда детеныш увидел хищника. За свою короткую жизнь он еще никогда не видел синоплотерия. Однако это не помешало ему уже с первого взгляда понять, что этот зверь для него очень опасен, и что угрожает его жизни.

В тот момент, когда упавший валун преждевременно выдал его присутствие, хищник вскочил на плоский скальный выступ и с зеленоватым светом в глазах и со злобным ворчанием стал готовиться к прыжку.

В это же самое время беспомощный детеныш издал испуганный рев и обратился в паническое бегство.

Едва его рев прорезал тишину, оба уинтатерия, до сих пор неторопливыми шагами двигавшиеся к облюбованной заросли, мгновенно остановились.

Мать давно уже не чувствовала, чтобы детеныш с шаловливым озорством бодал ее головой в бока или ноги, но не обращала на это внимания, так как он мог уже немного устать после долгого перехода и идти в нескольких шагах от нее, как это часто случалось.

Но сейчас, услышав испуганный рев, она оглянулась и увидела, что детеныш в ужасе мчится к ней, а за ним по пятам гонится дикий взбешенный хищник. Повинуясь инстинкту, самка бросилась навстречу детенышу. За ней спешил и встревоженный самец, издавая глубокие хриплые звуки, не предвещавшие ничего хорошего.

Хищник уже почти догонял детеныша, когда заметил невдалеке двух огромных уинтатеривв. В первый момент он остановился и хотел обратиться в бегство. Но неистовая ярость и бешенство от того, что добыча, которой он уже почти завладел, тем не менее от него уйдет, заглушили в нем чувство самосохранения и всякую осторожность. Так случилось, что вместо отступления он вступил в бой, который никогда не смог бы выиграть.

С безумной яростью синоплотерий прыгнул на самку, которая как раз в это время подбежала к детенышу. Но достаточно ей было лишь раз тряхнуть могучим телом, чтобы хищник очутился на земле. Мгновенно он снова был на ногах и в новом прыжке бросился ей на шею.

Хотя он и оскалил свои зубы, как два ряда острых ножей, они были все же слабы, чтобы прокусить толстую кожу. Он хотел вонзить в нее когти, но они также были слишком тупыми для того, чтобы разорвать ее. Поэтому достаточно было самке снова встряхнуть телом и резко взмахнуть головой, чтобы избавиться от хищника.

На этот раз хищник тяжело упал на землю и раньше чем вновь смог вскочить, самец, который в этот момент подбежал, наступил на него и могучими передними ногами начал ему дробить кости.

Бешеный рев хищника вскоре перешел в мучительный вой, который быстро затих. И раньше чем самка подошла к детенышу, который стоял невдалеке и дрожал от страха, от синоплотерия под ногами разъяренного самца осталась лишь куча мяса и переломанных костей.

Самец издал победный резкий крик и важным шагом снова двинулся по дороге к заросли, в которой вся семья хотела отдохнуть до следующего утра.

За ним таким же важным шагом шла самка. Своей большой рогатой головой нанесла она детенышу несколько ударов. Хотя они были скорее нежными и щекотливыми, чем сильными и болезненными, все же детеныш жалобно застонал. Потом послушно пошел рядом с матерью и, как всегда, толкал ее маленькой неповоротливой головой в бока.

Раньше чем они дошли до заросли, детеныш уже забыл о своем страхе и наказании, которые, впрочем, наверняка не были последними.

Внезапно перед уинтатериями появилась зеленая стена растений, по краям которой разливался белый лунный свет. Без размышлений они вошли в нее. Упругие ветви кустарников согнулись, скользнули по их мощным телам и затем с резким свистом снова соединились в зеленый массив.

Еще некоторое время были слышны треск веток и шелест листьев, но постепенно все затихло вокруг, и таинственные сумерки наступающей ночи воцарились во всем крае. Лишь лес

продолжал тихонько шуметь, напевая свою задумчивую песню.

Недалеко от водоема лежало растоптанное тело синоплотерия, как предупреждение всем животным,которые поддаются безрассудству и переоценивают собственные силы.

ОЗЕРО УЖАСОВ

Глубокая тьма и тишина царили в обширном первобытном лесу раннего миоцена третичного периода. В кронах могучих деревьев не шевелился ни один листочек, так как слабый ветерок, который вечером прошумел по всему лесу, уже давно затих. Лишь тысячи ярких звезд мерцали на темном небосводе, который сливался с темнотой поверхности земли…

Внезапно где-то далеко на восточной стороне стало светлеть. Узкая полоска неба начала окрашиваться в золотой цвет. Прошло немного времени — и весь восток уже горел золотым и красным светом.

Первые лучи восходящего солнца разбудили какую-то птицу, отдыхавшую в кроне могучего орехового дерева. Вот зазвучала ее ликующая трель, потом короткие веселые напевки, и все это вместе слилось в радостную песню. Так птица приветствовала наступающий день. Простая птичья песня пробудила жизнь во всем лесу.

Этот огромный лес, казалось, не имел ни конца ни края. Местами он был лиственным — из разных видов дубов, буков, кленов, ореховых деревьев, ив, платанов, каштанов, а местами хвойным — из различных видов сосен, пихт, елей и тисов.

Многочисленные полянки с высокой травой и красивыми цветами, с порослью низких и высоких кустарников сменялись большими болотами и озерами, по берегам заросшим буйной растительностью.

Водную гладь мелких озер украшали великолепные брасении, среди круглых листьев которых располагались красивые цветы кувшинок, испускающие одурманивающий запах; на листьях этих кувшинок по вечерам устраивали свои концерты древние лягушки палеобатрахусы, которых было множество в этих болотистых местах.

Лишь в редких случаях в лесах росли и некоторые виды пальм; это были последние остатки растений, некогда широко распространенных в наших краях, которые дольше других смогли сопротивляться не столько небольшому похолоданию, сколько континентальному климату, в конце олигоцена и начале миоцена наступившему во всей Центральной Европе.

С далеких гор в лес стекало несколько потоков, которые впадали в большое озеро, окруженное обширными, поросшими травой и кустарниками, лугами.

Большие и красиво окрашенные бабочки перелетали с цветка на цветок, а различные насекомые ползали в траве и кустарниках.

Это были, в первую очередь, жуки-долгоносики, — камышевые жуки, жуки-дровосеки, разные муравьи, которые в низинах устраивали свои жилища под развесистыми кустами магнолий, под молодыми коричными деревьями или олеандрами, а выше на склонах гор — среди азалий, рододендронов и брусники.

Жужжащие шмели часто сгоняли с цветов разных лесных клопов, чтобы самим попить сладкого нектара. С места на место летали вездесущие мухи, которые нигде долго не задерживались, постоянно пролетали туда и сюда, так как не могли преодолеть соблазна стольких заманчивых запахов. Когда же, наконец, устав, они садились, чтобы немного отдохнуть, то всегда выбирали такое место, где никто им не мешал и где они могли спокойно и без страха греться в потоке солнечных лучей. Здесь и там опускались на кустарники и длинноногие комары; но если вблизи звучала скрипучая серенада саранчи, которой всюду было много, комары вскоре снова улетали. Берега озера были местом охоты быстрых стрекоз, которые как стрелы носились за высмотренной добычей; когда они ее настигали, то садились с ней на листья или стебли высокого камыша и спокойно ее пожирали.

На песчаных наносах в устье одного из потоков грелось несколько безобразных диплоцинодонтов. Сплющенная голова этих хищных крокодилов оканчивалась узкой и короткой пастью, вооруженной многочисленными острыми зубами, которые никогда не выпускали то, во что вцеплялись. Их тело было защищено очень толстой окостеневшей кожей, на спине и брюхе прикрытой костяными пластинами четырехгранной формы с низкой вершиной и глубокими ямками. Эти пластины составляли четыре продольных ряда, которые как панцирь защищали их тело.

Диплоцинодонты лениво отдыхали после утренней охоты. Лишь несколько из них еще боролись в озере из-за большой дохлой саламандры, тело которой принесло потоком с далеких гор. Они возились около нее и рвали на куски, ударяя при этом хвостами так, что вода пенилась и высоко разлеталась во все стороны.

Но вот тело мертвой саламандры было разорвано в клочья и последним куском овладел один из диплоцинодонтов, который быстро исчез с ним в глубине. Когда поверхность воды успокоилась, оставшиеся диплоцинодонты стали осторожно вылезать на песчаную отмель, внимательно осматриваясь вокруг.

Когда они убедились, что им ничто не грозит, то медленно вышли из воды и спокойно легли на нагретый песок, повернув голову к зеленому берегу озера, а концы своих длинных хвостов держали еще в воде. Удобно улегшись друг около друга, а иногда и навалившись один на другого, несколько раз открыли свои

грозные безобразные зубастые пасти. Вскоре все уже лежали без движения, похожие на зеленоватые стволы деревьев, которые вода вынесла на берег и беспорядочно разбросала по песку.

Солнце припекало им бока и спины и заливало их горячими потоками тепла. Удобно положив свои морды на спины друг другу диплоцинодонты спокойно дремали, давая возможность как можно сильнее разогреться своей холодной крови. От приятного чувства сытости они прикрывали свои зеленые глаза. Диплоцинодонты на суше были боязливыми, но в воде — отважными, свирепыми и бесконечно коварными, сущими водяными демонами, они нападали на свои жертвы, одолевали их и исчезали с ними в черной глубине озерных вод как темные призраки.

Где-то далеко в лесу бродило маленькое стадо первобытных оленей — палеомериксов. Это были маленькие, размером примерно с современных ланей, олени с хрупким туловищем на тонких ногах. Их нежные головы не украшали еще рога. Тело их было покрыто короткой, гладкой и густой шерстью желтовато-коричневого цвета, который на спине переходил в каштановый, на шее — почти в коричневый, тогда как брюхо и нижняя сторона шеи были белыми. Короткие хвосты обросли пучками тонких темно-коричневых волос.

Обычно они бродили по холмам и долинам у подножия высоких гор, могучая цепь вершин и пиков которых тянулась в необозримую даль. Эти горы, как гигантская стена, защищали область от бурь и смерчей.

В стаде весело резвились два маленьких детеныша, которые родились всего несколько недель назад в чаще низких орешников. Их светло-коричневая шерсть была покрыта белыми пятнами, беспорядочно разбросанными по всему телу.

Это были прелестные детеныши, еще такие неопытные и глупые, что боялись даже веселого журчания ручейка или жужжания больших мух. Они ходили с матерями, которые учили их многим полезным вещам. Но это было не столько ученье, сколько пробуждение инстинктов, унаследованных от бесчисленных живших до них генераций.

Маленькое стадо палеомериксов медленно направлялось к лугу около озера. Они спокойно шли через светлые леса, иногда отдыхая в тени развесистых крон старых деревьев; ловко пробирались через густые чащи и промежутки между стволами поваленных деревьев. Вожак-самец временами издавал резкие и отрывистые звуки, напоминающие переливчатый лай, которые помогали стаду держаться вместе в густом лесу. Два маленьких детеныша не спускали глаз со своих матерей, жались к их бокам или шли за ними по пятам, чтобы не потерять их в хаосе зеленых джунглей.

Но раньше чем стадо дошло до луга около озера, одного из детенышей страшно напугала большая сухопутная черепаха, которая вышла на кормежку. Но и черепаха испугалась боязливого рева детеныша и быстро скрылась в крепком панцире. Когда, однако, поняла, что это лишь маленький безобидный детеныш, то высунула голову из панциря и медленно продолжила свой путь к тому месту, где ей вчера удалось хорошо пообедать.

Когда стадо пришло на опушку леса, вожак остановился и стал принюхиваться. Он стоял не двигаясь, спокойно, так как ничего подозрительного не видел и не чувствовал. Затем вдруг резко махнул головой, чтобы отогнать назойливую муху, которая больно укусила его.

Хотя поблизости не было никакой опасности, тем не менее стадо стояло на опушке леса и ждало. Вожак-самец наблюдал за берегом озера, а остальные олени легли в тени развесистого орешника и стали отдыхать.

Однако раньше, чем они смогли двинуться в путь к озеру, недалеко от них из леса вышли несколько огромных мастодонтов. Это были похожие на слонов животные, но с более вытянутым черепом, более коротким хоботом и четырьмя короткими бивнями. Они медленно и важно шагали к озеру, чтоб напиться и выкупаться.

Мастодонты направлялись к месту, где грелись крокодилоподобные диплоцинодонты. Те, как только увидели, что к ним приближаются мастодонты, быстро очнулись от дремоты и не мешкая соскользнули в воду, исчезнув в глубине или в сплетении водных растений и своим неожиданным появлением перепугав множество самых разнообразных рыб.

Когда мастодонты подошли к берегу озера, двинулось в путь и стадо палеомериксов. Однако они не могли идти на водопой к знакомому месту, так как там уже были мастодонты. Поэтому вожак стал искать другое место, где все могли бы спокойно утолить жажду. Он продвигался вперед осторожно, потому что берег здесь был крутой. Когда они прошли через чащу низких верб, то вышли к удобному месту водопоя.

Все бросились к воде и стали жадно пить. Оба детеныша с любопытством опустили носики в воду, которая им попала в ноздри; они замотали головами и так испуганно зафыркали, что их матери обеспокоенно поглядели на них. Но, увидев, что случилось, спокойно продолжали путь, оставив детенышей учиться все делать самим.

Неподалеку от палеомериксов за небольшой чащей расположился старый и злой безрогий носорог ацератерий. Он стоял в воде и медленно пил мутную воду. Уже долго блуждал он в одиночестве и далеко обходил даже своих сородичей. Чем дальше, тем он становился все более раздражительным, и каждая мелочь могла привести его в безумную ярость.

Когда палеомериксы утолили жажду, некоторые из них стали бродить вдоль берега, ища чего-нибудь съестного, а другие легли в траву отдыхать. Только два детеныша весело проказничали у воды. Глаза у них светились от радости, когда они забегали поглубже, и вода, разлетающаяся от их легких скачков, брызгала на разгоряченные тельца и приятно освежала. Но радость их была короткой.

Когда один из резвившихся детенышей подбежал к месту, где из воды росло несколько больших пучков камышей, он вдруг дико заревел и мгновенно был втащен в воду.

Второй детеныш, увидев что страшная крокодилья пасть утащила в мутную воду его сородича, начал испуганно блеять. Прежде чем сюда прибежала его мать, а за ней и остальные палеомериксы, водная гладь почти успокоилась. Лишь несколько больших пузырей поднялось из глубины, где диплоцинодонт начал свое пиршество.

Рев детеныша вывел из состояния покоя и носорога ацератерия. Злобно заморгал он маленькими глазами и как молния выскочил из воды. В несколько шагов он пересек чащу и с бешенством бросился на стадо. Вожак палеомериксов издал резкий предостерегающий рев и быстро побежал к лесу. За ним бежали остальные. Носорог мчался за ними по пятам со зловещим сопением, но, когда палеомериксы исчезли в чаще леса, внезапно повернулся и медленно побрел обратно к озеру.

Несколько уток быстро исчезли в камышах, а за ними проплыла и пара красивых лебедей. Ничто уже не напоминало о недавней трагедии.

Где-то далеко отсюда в лесу легло на отдых стадо напуганных палеомериксов. К одной оленихе жался ее детеныш, дрожащий от усталости и страха после пережитого ужаса. Олениха легонько лизала головку своего детеныша розовым языком, успокаивая его. Зато олениха, детеныша которой утащил крокодил, все время блуждала вокруг стада, как будто кого-то искала или ожидала…

ПРОИГРАННАЯ ЖИЗНЬ

Слабо всхолмленная равнина, уходящая далеко во все стороны, была покрыта еловыми и пихтовыми лесами. Между ними лежали большие заросшие травой пространства с живописными участками низких кустарников. Тут и там светлели также рощи белых берез и лесочки высоких тополей, пирамидальные кроны которых своими вершинами почти касались низко висящих туч.

Весенний ветерок уже давно пытался разогнать серые тучи, распростертые, как черное крыло громадной птицы, по всему небосводу. Наконец ему удалось разорвать их на тысячи клочков, которые он стремительно уносил далеко на север. Все больше и больше прояснялось небо, и синева его проглядывала между разорванных туч.

Когда весенние ветры очистили небосвод, солнечные лучи стали изгонять последние следы долгой и суровой зимы холодной плейстоценовой эпохи третичного периода.

Далеко на севере был виден горный хребет. Вершины его гор покрывали мощные ледники, которые искрились на весеннем солнце. Ледники образовывали на небосводе четкую белую границу, севернее которой уже не было жизни. Там были только обширные ледяные равнины, разрезанные бесчисленными трещинами, занесенными снегом.

Другая картина была к югу от этой ледовой стены. По краям ледников из тающих ледяных масс во все стороны вытекали ручейки кристально чистой воды, соединявшиеся в потоки и реки, которые текли на юг. Но и в таких неблагоприятных условиях даже у самой кромки ледника очень прочно закрепились растения, которые сейчас можно встретить в самых северных районах Европы и Азии, занятых тундрой, или на высоких горах вблизи линии снегов.

Среди этих растений, которые уже тогда пережили долгие зимы и сильные морозы, были большие и плоские подушки горной дриады. Из этих подушек с удлиненными зазубренными как пила листьями, всегда с обратной стороны покрытыми белесой плесенью, выглядывали прямые стебельки с красивыми белыми цветами. Иногда их было столько, что казалось, будто зеленые подушки дриад густо посыпаны снежинками или на них отдыхают тысячи белых мотыльков.

Некоторые типы низких ив со стелющимися ветвями образовывали густые заросли, которые встречаются и сейчас. Ива сетчатая образовывала большие заросли, но не превышала в

высоту длины ладони.

Ветви,располагающиеся около земли, были усыпаны необычными широкоовальными листочками с красными черенками, а поверхность листочков с выступающей сетью жилок была кожистой и не боялась морозов.

Еще более низкие заросли, часто толщиной всего лишь в палец, создавала ива карликовая, которая и сейчас является самым низким кустарниковым растением. На стелющихся ветвях зеленело всего два-четыре округлых зазубренных листочка. Заросли этой миниатюрной ивы, едва возвышавшиеся над поверхностью мокрой почвы, покрывали берега и снежных озер, и ледниковых потоков, где она росла вместе со мхами и буйными торфяными растениями.

Несколько дальше к югу от этих мест существовала уже более богатая и пестрая тундровая флора; из низкого ковра самых различных трав поднимались небольшие деревца карликовых берез,можжевельника и красиво цветущих кустиков вереска.

Только намного дальше, в области, уже значительно удаленной от ледников, появлялись первые хвойные деревья. Хвойные лесочки, похожие на большие черные пятна, были всюду разбросаны среди поросшей травой и кустарниками степи, на которой проглядывала свежая зелень. Там поблескивали сотни маленьких озер, омутов, болот и бесчисленное множество серебряных ниток ручьев и рек.

В одном месте этого северного края располагалась большая сырая котловина. Прошло очень много времени с тех пор, как зеленые мхи и торфяные растения заполнили этот мелкий водоем, и поэтому вся поверхность котловины была ими покрыта и украшена различными осоками, росянками и им подобными. Верхние части пучков торфяного мха постоянно росли, тогда как нижние части, находившиеся под водой, отмирали и вместе с другими отмершими торфяными растениями образовывали коричнево-красную липкую бездонную массу.

Все животные избегали этого коварного места, потому что если кто-нибудь из них попадал в торфяник, то спасения для него уже не было — медленно погружался он в мягкую липкую массу, которая наконец бесследно его поглощала.

Среди зеленых кустов орешника и ив, образовавших островок в широкой степи, в вечернем сумраке неожиданно появился большерогий олень.

Это был исполинский первобытный олень, сильный и тяжелый, но стройный и гибкий, самое красивое и быстрое животное плейстоценовой степи. Его гордо поднятая голова, сидящая на сильной шее с длинной гривой, была украшена

великолепными рогами, кверху расширяющимися в виде лопат. Они венчали его голову как настоящая королевская корона неповторимой красоты.

Рога, имевшие в размахе три метра, были не только прекрасным украшением, но и грозным оружием, когда олень вступал в схватку со своим соперником за благосклонность оленихи. Но они приносили ему и немалые неудобства: он не мог бегать по густым лесам, они не давали ему возможности проникнуть в глухие уголки таинственных дремучих лесов, никогда он не видел отражения своей красивой головы в зеркале лесных родников. Он был вынужден жить только в вольной степи, на зеленых равнинах с высокой травой, с пестрыми коврами цветов и с густыми зарослями низких кустарников, там, где ничто не мешало его широким рогам, когда он как ветер мчался куда-то в мглистую даль.

Сейчас он тихо стоял и принюхивался. Убедившись, что ниоткуда не грозит ему никакая опасность, несколькими быстрыми прыжками выскочил он из редкого кустарника и начал пастись. Вначале он срывал все, что попадалось на пути, но как только утолил первый голод — начал выбирать.

Луна медленно поднялась над далекими лесами и ее серебряный свет залил весь край. Олень перестал кормиться, стоя неподвижно с высоко поднятой головой, смотрел на серебряный диск луны. Его стройное гибкое тело с прекрасными рогами в этот момент было похоже на скульптуру, вытесанную из самого красивого и благородного камня. Всюду было тихо, внизу на траве серебряный свет луны создавал неповторимо красивую мозаику серебристого света и черных теней.

Вскоре олень снова наклонил голову и стал пастись.На всю округу опустилась тишина, лишь где-то вдали временами печально кричала снежная сова…

С наступлением темноты все дневные существа забирались спать в темные чащи, норы и пещеры, а ночные хищные звери, наоборот, выходили из своих убежищ. Далеко в лесах собралась на охоту стая волков.

Большой старый волк удерживал еще стаю вместе. Она уже не была так многочисленна, как зимой, потому что некоторые волки с приходом весны стали охотиться самостоятельно.

Под предводительством старого опытного волка стая вышла на охоту.

Волки тихо бежали лесом. На каждом горном гребне они останавливались и внимательно осматривали долины и ложбины, не скрывается ли в них кто-нибудь. Жались к кустарникам или к склонам утесов, чтобы не выделяться на фоне неба и остаться

незамеченными. Они старательно просматривали каждую чащу, каждую ложбинку.

Однако, пока все было безуспешно. Лишь подняли старого зайца-беляка и задушили его. Однако это была жалкая добыча для стольких голодных волков. Поэтому стая бесшумно побежала по лесу дальше. Лишь иногда какой-нибудь волк рычал и скалил зубы, когда при быстром беге на него нечаянно налетал другой.

Неожиданно волки из полутьмы старого леса выбежали на широкую поляну, озаренную ярким лунным светом. В ее центре располагалась большая роща. Она представляла собой хаотическое переплетение ветвей, в которых лунный свет рассеивался, отражался, появлялся снова и опять исчезал во тьме черных теней.

Стая мгновенно рассыпалась веером, чтобы просмотреть чащу. Два старых опытных волка быстро выдвинулись вперед, а остальные последовали за ними в том же порядке, в каком бежали до этого. Таким образом, цепочка превратилась в широкий полукруг, окончания которого были выдвинуты далеко вперед. Волки на флангах полукруга, которые должны были убивать вспугнутую дичь, все время рычали или издавали лающие звуки, постоянно поддерживая этим связь с другими хищниками.

Хотя вся эта «операция» была проведена быстро и осторожно, никого поймать не удалось. Подстегиваемые голодом, волки снова исчезли в полутьме леса и цепочкой побежали следом за старым волком.

Долго они рыскали по лесу, прежде чем попали на его опушку. Здесь старый волк остановился, а за ним остановилась и вся стая. Волки стали осматривать широкую степь, не выходя, однако, из тени могучей ели, длинные нижние ветви которой почти достигали земли. Вскоре старый волк опять побежал против ветра вдоль края леса. За ним снова пустилась и вся стая.

Прошло немного времени и в тусклом сиянии лунного света волки увидели пасущегося оленя. Стая мгновенно остановилась, и жадными глазами волки уставились на заманчивую добычу. Затем осторожно, ползком начали приближаться к оленю.

Как горящие угольки светились глаза волков, и чем ближе они подкрадывались к пасущемуся оленю, тем больше усиливалось их возбуждение. И тут один из волков, чью осторожность пересилило неудержимое желание броситься первым и как можно скорее вонзить зубы в горло добыче, наступил на сухую веточку, которая с треском сломалась.

Этого слабого звука, однако, было достаточно, чтобы олень насторожился.

Подняв голову, он стал внимательно слушать и напряженно

принюхиваться.

Но слабый ветерок не приносил с собой никаких подозрительных запахов, лишь аромат трав и цветов. Олень уже снова хотел опустить голову и продолжить трапезу, когда ему внезапно показалось, что будто бы около леса двинулась какая-то тень, за ней другая, третья…

Тут уж олень не стал ждать и обратился в бегство. Большими прыжками мчался он по травянистой равнине, перескакивая через низкие кустарники, которые ему попадались на пути.

Это был не бег, а полет!

Он все быстрее мчался вперед, а за ним гналась стая воющих волков, рассвирепевших и взбешенных тем, что им не удалось коварное нападение.

Старый волк, который вел стаю, был опытным хищником и хорошо знал местность, в которой издавна охотился. Он знал, что лес в этих местах вдается в степь как большой клин. Он также хорошо знал, что преследуемая добыча как только добежит до конца клина, побежит опять вверх и что там, где клин кончается, начинается предательская область торфяника.

Старый волк тихо взвыл и вбежал в лес. Несколько волков

бесшумно последовали за ним, тогда как остальные гнались дальше за убегающим оленем. Старый волк с несколькими своими сородичами быстрой рысью пересек узкий кончик леса, и вскоре они уже бежали по другому его краю навстречу преследуемой добыче.

Только теперь поняли волки охотничью уловку старого опытного волка: забежать вперед оленя, задержать его и напасть спереди, чтоб остальная стая могла догнать его и напасть сзади. Поэтому они мчались вперед с яростным нетерпением, страстно желая настигнуть добычу и будучи уверенными, что она от них уже не может ускользнуть.

Топот убегающего оленя, мчавшегося навстречу старому волку и его сородичам, внезапно затих, когда в ночном сиянии луны олень увидел перед собой их раскрытые пасти. Он донял, что окружен.

Впереди и сзади дорога была преграждена голодными волками, лишь дорога к торфянику была свободна. Поэтому он направился к торфяному болоту. Олень хорошо знал его коварство и избегал болота, хотя и знал об узеньких тропках, по которым иногда можно было осторожно перебежать, хотя бы по его краю. Сегодняшней ночью торфяник был для него единственно возможным спасением. Либо ему удастся пересечь его, либо он в нем погибнет.

Поэтому мощными прыжками направился он к болоту, заросшему торфяными растениями, где еще оставалась маленькая искорка надежды на спасение, тогда как сзади его ждала лишь верная смерть.

С двух сторон гнались теперь волки за убегающим оленем. Расстояние между ним и преследователями все время уменьшалось. Прежде чем олень достиг края торфяника, старый волк с несколькими другими уже бежал у него по пятам.

Олень бросился в торфяник, ища тропинку, по которой мог бы перебежать. Хотя под ногами у него была еще твердая почва, но он понял, что бежит не по тропке, которую искал, что, видимо, он проскочил ее. И это действительно было так.

Неожиданно олень почувствовал, что начинает вязнуть. Он быстро попятился, но приближающаяся волчья стая помешала ему отступить. Поэтому он побежал вдоль края болота по небольшому холмику. Но и холмик вскоре исчез в торфянике, который здесь образовывал раздвоенный залив.

Олень был в затруднительном положении. Перед ним лежала бездонная впадина с черным торфяным илом,сзади к нему приближалась стая голодных воющих волков.

Была лишь одна возможность спастись, и ее загнанный олень решил испробовать. Напрягши последние силы, он оттолкнулся от последнего выступа твердой почвы, собираясь мощным прыжком перенестись через опасный узкий край коварного торфяника. Это, однако, было выше его сил.

В красивом прыжке он упал на его середину. От мощного падения тяжелого тела олень глубоко увяз в мягкой липкой массе и его медленно засасывало все глубже и глубже.

Его глаза испуганно смотрели на мчащуюся стаю голодных волков.Он ускользнул от них, но все-таки это был его конец. А пока он медленно погружался в бездонное болото, к его сырой, еще открытой могиле подбежали голодные волки.

Два из них, влекомые неистовой жаждой добычи, без размышления бросились к нему. Но после нескольких прыжков также завязли.

Олень тихо, почти не двигаясь, ожидал свою смерть, тогда как волки дико барахтались, и их жалобное завывание раздавалось в тишине ночи.

На краю торфяника в беспокойстве сидели остальные волки и жадными глазами пристально смотрели на оленя и своих беспомощных сородичей. Они не могли им помочь, и добыча от них ускользнула.

Только когда пленники болота совершенно исчезли в торфяной массе, волки, голодные и усталые, ушли оттуда прочь…

ТАИНСТВЕННЫЙ ИДОЛ

По глубокой долине, стиснутой с обеих сторон крутыми известняковыми скалами, по узкой тропинке, вьющейся вдоль ручья в тени старых деревьев, шел крепкого сложения мужчина, одетый в волчью шкуру.

В правой руке он сжимал тяжелое копье, в левой — лук со стрелами. На шее у него висело ожерелье из волчьих и медвежьих зубов; своей белизной оно резко выделялось на загорелой груди охотника.

Он осторожно продвигался вперед, внимательно осматривая скалы и густые заросли. В его глазах не было и следа страха или боязни, они горели и светились отвагой и сознанием своей силы.

Невдалеке за мужчиной шла молодая женщина.

И ее загорелое бронзовое тело было прикрыто мягкими шкурами, на которые ниспадали длинные черные волосы. На спине она несла маленького ребенка, он улыбался двум мальчикам, резвившимся около женщины.

Мужчина был Агли- первобытный охотник раннего каменного века, с Гиной и ее детьми.

Они несколько дней уже находились в пути.

Агли был молодым и самолюбивым охотником, который не терпел, когда над ним смеялись. Всего несколько дней назад он вернулся со своим другом Рилом в лагерь с охоты с пустыми руками, остальные охотники вечером у костра начали донимать его. Чем сильнее он мрачнел, тем больше со всех сторон сыпались задиристые шутки. Говорили, что он, видимо, не умеет ползти за зверем или что он не знает, как нужно перехватить зверя и напасть из засады.

Когда же среди насмешек охотников прозвучали и язвительные слова о том, что его копье и стрелы часто летят мимо зверей, он рассерженный вскочил и, тяжело оскорбленный, самолюбиво крикнул, что умеет делать все то же, что и остальные и не нуждается ни в чьей помощи. Озлобившись, он не понимал, что охотники просто шутят, что они вовсе не хотят умалить его охотничьи способности и ловкость. Ведь и с ними часто случалось, что после долгой охоты они возвращались к костру без добычи.

Агли твердо решил покинуть общину, чтобы всем доказать, что достаточно силен, отважен и способен сам обо всем позаботиться. К нему присоединился и Рил, его верный друг. Они не обратили внимания на предостерегающие слова старых опытных охотников, которые их предупреждали о тяготах и бедах

одиночества, не обратили внимания и на уговоры женщин.

В один из солнечных дней друзья покинули пещеру, чтобы никогда в нее не возвращаться. Отойдя на небольшое расстояние, они услышали, что их кто-то зовет. Когда обернулись, увидели, что за ними спешит Гина, одна из женщин общины, а с нею и ее дети. Она также хотела навсегда оставить пещеру, потому что ей казалось, что там больше ссор и детского крика, чем свободного места и удобства. Когда их догнала Гина с детьми, все вместе продолжали путь.

Но уже после первой ночи, проведенной вне пещеры, Рил вернулся обратно в лагерь. Агли лишь насмешливо улыбнулся вслед уходящему Рилу и продолжил путь один. За ним двинулась и Гина со своими детьми.

Агли уже обнаружил несколько пещер, но ни одна ему не понравилась. Одна находилась слишком высоко на склоне крутой скалы, другая, расположенная низко в долине, была легко доступна для каждого хищника, а третья — мала и тесна. Поэтому Агли продолжал путь в поисках подходящей пещеры.

Долина, по которой шел Агли, неожиданно расширилась. Тропинка вышла из тени могучих елей, приблизилась к ручью и тянулась дальше, озаренная солнцем, вдоль ручья.

Прежде чем Агли вышел из тени на тропинку, освещенную солнцем, он на некоторое время остановился и окинул взглядом расстилающуюся перед ним долину. Когда он убедился, что все тихо и спокойно, зашагал дальше. Он направился к большой излучине ручья, где высоко к небу поднималась большая скала. Ее склоны светились белизной и круто воздымались вверх.

Когда Агли достиг скалы, то остановился и начал ее разглядывать. Кругом шумели старые ели, раздавались звуки плещущейся воды в ручье, гомон птичьих голосов и непрекращающиеся жужжание и стрекот насекомых, но Агли ничего не слышал и ни на что не обращал внимания. Все его существе было поглощено одним желанием найти то, что он так старательно искал.

Вид скалы возбудил в нем вдруг неотступное любопытство Ведь скала, перед которой он стоял, была очень похожа на ту скалу, в подземной полости которой он до сих пор жил

Агли все еще рассматривал скалу, когда к нему подошла Гина с детьми и остановилась. Посмотрев на него, она села в густую траву, сняла со спины младенца и стала его ласкать. Мальчики тоже устало легли в траву. Но так отдыха ли они недолго. Один из них увидел невдалеке между камнями греющуюся пеструю ящерицу, вскрикнул и бросился к ней; следом за ним побежал второй.

Крик мальчика вывел Агли из задумчивости. Он оглянулся и увидев, что молодая женщина сидит в траве, сказал: «Ты уже устала, Гина? Отдохни здесь с детьми. Я осмотрю скалу со всех сторон, а затем вернусь к вам!»

Агли положил лук и стрелы и, оставив при себе только копье, направился к скале.

Сделав несколько шагов, он очутился на берегу ручья В глубине под размытым берегом он увидел стаю проворных рыб, коричневатые тела которых были покрыты красноватыми пятнами, а между корнями и валунами заметил больших раков, сидящих в засаде.

Несколькими большими прыжками с валуна на валун Агли перескочил через ручей. Пробежал по высокой траве, низкому кустарнику и приблизился к скале. Перед ним возвышалась крутая и гладкая стена. Нигде на ней не было видно выступов или карнизов, по которым можно было взобраться на вершину скалы. Поэтому Агли пошел вдоль ее подножия.

Осторожно продвигался он между многочисленными валунами, которые время оторвало от скальных склонов. Множество больших зеленых ящериц разбегались перед ним и скрывались под камнями или исчезали в зеленом кустарнике.

Вскоре он вспугнул и зайца-беляка, который при неожиданном появлении человека молниеносно исчез в ближайшей чаще.

У Агли засветились глаза, когда он увидел убегающего зайца.Но преследовать его не стал, подавив в себе охотничий азарт. У него была более важная цель: найти теплую и сухую пещеру для себя, Гины и детей, которая бы всех защитила от плохой погоды, от мрака и ужасов ночи, от хищных зверей, найти новое жилище, где бы можно было разжечь огонь.

Крутая стена неожиданно кончилась и перед Агли открылась боковая долинка, полого поднимавшаяся вверх и терявшаяся где-то вдали в широкой покрытой травой степи.

Удивленный Агли остановился и стал внимательно осматривать склоны новой долины. Скалы здесь не были столь крутыми как в долине, по которой он шел. Но они не были и голыми, так как во многих местах, где со временем образовались покрытые глиной площадки, выросли густые кусты или деревья, глубоко пустившие корни в многочисленные трещины и щели, которые пересекали скалы во всех направлениях.

Агли, старательно рассматривавший скальные обрывы, вдруг как завороженный остановил свой взгляд на одном месте, где виднелось какое-то темное пятно, окаймленное снизу небольшими кустами; наверху оно терялось в тени ветвей старой

исхлестанной ветром ели.

Агли сразу же понял, что это был вход в пещеру. И ему показалось, что это была хорошая пещера. Располагалась она невысоко от дна долины, была перед ней удобная площадка, недалеко была и вода. Теперь все зависело от того, будет ли она достаточно просторной и сухой.

Это нужно было установить. Агли не стал мешкать и сразу же двинулся к пещере. Сначала он лишь быстро шагал, а затем побежал прямо к желанной цели, перескакивая через камни и стволы вывороченных деревьев, которые ему попадались по пути. Задыхаясь, он наконец достиг пещеры.

Едва отдышавшись, он начал подниматься по скалистому склону. Цеплялся за все выступы, быстро подтягивался вверх и не раз вынужден был крепко схватиться за ветви ближайшего куста, когда скользил по гладкому камню или съезжал по осыпи, которую не мог обойти. Тем не менее он без остановки поднимался наверх, все ближе к темному отверстию пещеры.

Наконец он перескочил через край площадки и остановился перед гротом. Прямо перед собой он увидел большую нишу, которая резко сужалась и у земли заканчивалась низким отверстием.

Агли осторожно подошел к темному отверстию, встал на колени и заглянул в темноту. Дневной свет, проникавший через отверстие под землю, превращал темноту в полумрак, в котором Агли увидел начало просторной и широкой пещеры, о которой он мечтал и какую искал.

Агли хорошо знал,что прежде чем в ней поселиться, необходимо ее осмотреть, выяснить, сухая ли она, нет ли сквозняка и не служит ли она берлогой пещерному медведю или еще более страшному пещерному льву. Все это нужно было безотлагательно проверить.

Поэтому он очень тщательно осмотрел дно пещеры на видимом расстоянии. Искал, не обнаружатся ли где-нибудь на мягкой почве отпечатки медвежьих или львиных лап. Он оглядел и всю площадку перед пещерой, но нигде ничего не нашел.

Этого, однако, для Агли было недостаточно. Подобрав на земле несколько камней, он присел перед отверстием пещеры и сильно бросил их в темноту. Потом приложил ладони ко рту и издал несколько пронзительных криков. Крики и грохот камней исчезли в темноте пещеры, были подхвачены эхом и разнесены по всем уголкам подземелья.

Агли, прижавшись к стене отверстия, глядел внутрь пещеры напряженно и смело. Напрягал слух, чтобы уловить какой-нибудь подозрительный шум или звук. Он ждал, держа в правой руке

готовое для броска копье.

Но никаких звуков не услышал. Он еще несколько раз бросал камни и кричал в подземелье, но каждый раз ответом ему была лишь тишина.

Только тогда Агли решил детально исследовать пещеру. Свой поход он хорошо продумал и подготовил.

Он прислонил копье к стене ниши и отвязал кожаный мешочек, укрепленный на боку. Потом встал на колени и высыпал его содержимое на землю. Это были несколько кремневых ножей, скребков, сверл и резцов, куски дерева и трут.

Потом он подгреб руками немного сухого мха, травы и несколько сухих веточек и сделал из них небольшую кучку. Когда все это подготовил, из принесенных с собой кусочков дерева он выбрал два. Один был черным и обуглившимся с поверхности. Его он крепко держал между ног, а другой, гладкий, быстро катал между ладонями, вкручивая в первый все быстрее и быстрее до тех пор, пока ему не удалось разжечь в дереве горящее пятнышко, от которого начал тлеть трут. Его он быстро сунул в приготовленную кучку сухого мха, травы и тоненьких веточек, а затем стал на них дуть, пока во все стороны не полетели искры и не превратились в маленькие язычки пламени, хорошо заметные среди клубов дыма.

Потом Агли вскочил, перебежал площадку и быстро поднялся по скале к старой ели, которая, как неутомимый страж, стояла над входом в пещеру.

С усилием он отломил несколько самых нижних сухих ветвей и, скинув их вниз на площадку, соскочил на нее пружинистым прыжком. Затем быстро обломал кончики ветвей и бросил их в костер. Когда их охватил огонь, он стал кидать в пламя веточки, пока у него не осталось лишь несколько толстых палок, пахнущих смолой.

Одну из этих палок Агли бросил в огонь. Как только она загорелась, он схватил ее в левую руку и несколько раз взмахнул ею в воздухе. Появилось длинное дымящее пламя, Агли взял в правую руку копье, пригнулся и пролез в пещеру.

Свет горящего факела осветил часть пещеры.

Агли остановился и внимательно огляделся вокруг. Он увидел широкую пещеру, дно которой с одной стороны было засыпано большими камнями, которые когда-то давно упали с ее свода. Пещера была не очень высокой, но и не настолько низкой, чтобы в ней нельзя было ходить выпрямившись. Она была сухой, и сквозняк в ней не чувствовался.

Осторожно пробирался Агли вперед. Двигался вдоль завала из упавших камней, все время готовый отскочить за них, если

потребуется. Над его головой, хлопая крыльями, пролетело несколько летучих мышей, сон которых нарушил свет факела.

Около большого камня Агли остановился и посмотрел на противоположную сторону пещеры. Стена образовывала там крутой изгиб, перед которым находилась широкая площадка, покрытая сухой желтоватой глиной и редкими камнями.

Взглянув на этот уголок пещеры, Агли живо вообразил себе новое жилище, он увидел там пылающий огонь, работающую Гину и резвящихся детей, свою добычу, оружие и инструменты, а также кучу сухого моха и травы, множество мягко выделанных кож, на которых можно будет отдыхать после работы, забот и развлечений. И от этой картины представившегося счастья, уже становившейся явью, его сердце сжималось от радости.

Треск горящей ветки вывел Агли из задумчивости. Однако, прежде чем двинуться дальше, он несколько раз сильно повертел факелом. Когда он снова загорелся длинным пламенем, Агли зашагал дальше в темноту пещеры.

За ним двигалась его тень. Она пробегала по неровным стенам, укорачивалась, снова удлинялась, скрывалась за камнями и под выступами скал, терялась в углублениях, снова появлялась оттуда и летела вперед, как будто боялась темноты, которая ее бесследно поглощала.

Агли уже шел по узкому проходу между множеством камней, но через несколько шагов в завале исчез и этот узкий проход. Однако Агли не остановило это препятствие. Он ловко вскочил на каменную стену и стал проворно перепрыгивать с камня на камень.

Вскоре он остановился на последнем валуне каменной преграды. И здесь он увидел, что пещера снова немного расширяется, а потом резко сворачивает направо. Конца он не увидел, так как свет его примитивного факела был слишком слабым, чтобы проникнуть так далеко во тьму подземелья. Но Агли решил дойти до самого конца. Однако, подойдя к повороту пещеры, он остановился и напряженно прислушался. Ему показалось, что его уши уловили слабое завывание.

Некоторое время стояла тишина, тяжелая и гнетущая, какая может быть только в подземелье.

Но потом снова он услышал этот тихий жалобный звук, выходящий из темноты узкого бокового отверстия пещеры.

Агли повернул голову и старался разглядеть что- нибудь в темноте. В правой руке он крепко сжимал копье, а левую с горящим факелом высоко поднял над головой и в таком положении ожидал, что будет дальше. Сердце у него сильно билось, но не от страха, а от волнения.

Внезапно Агли показалось, что в боковом ответвлении напротив него светятся две горящие точки. И чем пристальнее он смотрел, тем сильнее они светились.

Агли понял, что стоит перед каким-то хищником, у которого здесь логовище или который забрел сюда случайно.

Он старался понять, был ли это пещерный медведь или пещерный лев. Лишь они были такими сильными и могучими хищниками, схватка с которыми всегда была рискованной. Агли был рад, что для защиты от их нападения у него есть и горящий факел. В этот момент факел был более мощным оружием, чем тяжелое копье, так как звери боятся огня и убегают от него.

Агли с напряжением ждал, что принесут следующие мгновения. Он был удивлен, когда получил возможность вместо обороны нападать первым.

Напряженное ожидание было прервано неожиданной и яркой вспышкой факела. Пламя поднялось высоко, его длинные красные языки, питаемые смолой, окрашивали в красный цвет и густой дым, клубами поднимавшийся к кровле пещеры.

И тогда Агли увидел нечеткие очертания пещерной гиены, жавшейся в стенке бокового ответвления пещеры.

Как молния подскочил Агли к гиене и изо всей силы всадил ей в бок копье. Затем сразу же вытащил из раны и проворно отскочил. Струя крови хлынула из бока гиены, а ее глаза засверкали. С безрассудной яростью, свирепо воя, она бросилась на Агли. Но наскочила на подставленное копье, причем так сильно, что охотник отлетел назад и свалился на землю. С удивительным проворством Агли моментально вскочил на ноги, горящим факелом ударил гиену по голове, а затем сразу же проткнул копьем ей сердце.

Гиена зашаталась и тяжело упала. Судорожные вздрагивания тела стали затихать и, наконец, прекратились совсем. Она была мертва.

Агли отбросил ее тело в темноту бокового ответвления и хотел продолжать осмотр пещеры. Но внезапно ему пришла мысль, что он должен сначала тщательно исследовать именно это небольшое ответвление. Ведь там могла быть еще одна гиена. Поэтому он направился к ответвлению, осветил его факелом и вошел в него.

У же после нескольких шагов он должен был нагнуться, так как кровля бокового хода становилась все ниже. Высота уменьшалась так быстро, что вскоре проход превратился в низкую узкую дыру. Агли стал на колени, наклонился и просунул горящий факел как можно дальше. И в этот момент в тишине и во тьме раздался его облегченный смех. В конце бокового ответвления прижимались друг к другу три маленькие гиены, дрожащие от страха и ужаса при виде огня и человека — двух врагов, от которых они не могли ожидать пощады.

Агли воткнул горящую ветку в трещину в скале и пополз к маленьким хищникам. Раздался короткий вопль, и все было кончено. В то время, когда охотник возвращался в главную пещеру, в темном уголке уже остывали тела маленьких гиен; тех самых, которые слабым завыванием призывали свою мать, когда она выбежала из логовища посмотреть на того, кто нарушил покой пещеры. Это их завывание, этот тоскливый призыв к матери привлек внимание человека и принес им гибель.

Но Агли об этом не думал. Он радовался и был спокоен, так как теперь уже знал, что в пещере не ожидает его никакая опасность. Осторожная гиена никогда бы не устроила логовище и не оставила детенышей там, где бы не чувствовала себя в безопасности.

И Агли не ошибся.

Через несколько шагов пещера расширилась и превратилась в полукруглый зал с высокими, почти отвесными стенами. Кровля образовывала большой свод,, от света факела покрывшийся

мозаикой постоянно меняющихся светлых и темных пятен.

Эта обширная подземная пустота произвела на Агли большое впечатление. Он осматривал ее со всех сторон, поднимал взгляд к ее кровле, пока внезапно не почувствовал какую-то подавленность. У него было чувство своей незначительности, неясное предчувствие бед, которые его еще ожидают. Он стоял растерянный и удрученный всем тем, что неожиданно поднялось в глубине его существа и чего он еще не понимал, но хорошо чувствовал.

Догорающий факел вынудил его поспешить к выходу. Он быстро пробежал по пещере и когда опять вышел на дневной свет, раскинул руки и закричал на всю окрестность:

— Эта пещера принадлежит Агли! Агли ее нашел! Никто не смеет в нее вступать, кому Агли не позволит! Должны ее обходить медведь и лев и трусливая гиена! Агли — сильный мужчина, могучий и храбрый боец!

Так окончились его поиски нового жилища.

Глаза Агли горели радостью, воодушевлением и решимостью, и он с напряженным вниманием смотрел по сторонам, как будто хотел убедиться, все ли враги слышали его угрозы и предупреждения.

Затем он бросил горящую ветку в угасающий огонь, положил сверху оставшиеся ветки и, сложив в кожаный мешочек кремневые ножи, инструменты, деревянные палки и трут, стал подниматься вверх по скалам. Он хотел с самого высокого места оглядеть всю округу, чтобы лучше узнать места, где будет жить и охотиться.

Взобравшись на самую вершину скалы, он начал внимательно осматриваться вокруг.

Перед ним в бесконечную даль уходила широкая степь, кое-где поросшая кустарником. По ней вдалеке двигалось несколько гигантских мохнатых мамонтов, мимо быстро пробежало стадо диких лошадей, среди которых были маленькие молодые, а также большие стройные коренастые лошади с большими головами.

Немного поодаль паслось несколько семей первобытных туров, а около них стоял большой и сильный олень с громадными рогами,расширявшимися как лопаты.

Где-то между кустарниками увидел Агли и тучного первобытного носорога, покрытого длинной шерстью, с самкой и детенышем.

Там, где степь переходила в лес, можно было видеть несколько бизонов с могучими гривастыми шеями и рогатыми головами.

Время шло, а Агли все еще не мог оторвать взгляд от

благодатного края, где собирался поселиться.

Неожиданно он бешено завертелся волчком. Его длинные волосы разлетелись, а его красивое мускулистое тело с широкими плечами засветилось на солнце бронзовым цветом. Он весело рассмеялся, так как весь был переполнен радостью, которая неудержимо изливалась наружу звонким смехом.

Когда же радость улеглась и улыбка исчезла, он зашептал:

— Весь край вокруг Агли — охотничьи угодья! Все принадлежит Агли — рыбы в ручье, звери в степи и в лесу! Большие и богатые места охоты нашел Агли!

К его шепоту примешивались шум леса, шелест травы, плеск воды в ручье, голоса зверей и пение птиц…

Внезапно Агли вспомнил о Гине. Ему необходимо было скорее похвастаться перед ней и привести в красивую сухую пещеру, которая должна была стать их новым домом.

Агли быстро слез со скалы, поспешно спустился по скалистому склону и побежал к тому месту, где его ждали Гина с детьми.

Уже издали он весело ей махал, а когда, наконец, приблизился, начал хвастаться:

— Наш путь окончен, Гина! Я нашел сухую и хорошую пещеру. Как только в ней вспыхнет огонь, она защитит нас от холода, непогоды и хищных зверей. В степи и в лесу буду охотиться. Будет много мяса и шкур.

Гина глазами полными радости глядела на Агли. Она была довольна, что окончились скитания. Радовалась, что снова будет сидеть у костра в теплой пещере, что сможет больше времени уделять обычным женским занятиям.

Несмотря на это, в глубине ее существа начало тихонько и несмело возникать чувство страха перед будущим одиночеством. Она останется здесь с Агли одна, и все тяготы жизни лягут только на ее плечи.

В этот момент, однако, ее радость была сильнее, чем страх перед будущим. Поэтому она живо вскочила с земли, завернула младенца в шкуры и укрепила его за спиной. Схватила кучу связанных шкур, позвала обоих мальчиков и медленно пошла вслед за Агли, который вел ее к их новому дому.

Солнце уже близилось к закату, когда они подошли ко входу в пещеру.

Агли отбросил оружие, подскочил к угасающему костру, разгреб его и, собрав на плоском камне несколько горящих угольков, протиснулся с ними через узкий вход в пещеру. Найдя там подходящее место, он вырыл маленькую ямку и высыпал в нее угольки. На них бросил горсть сухой травы и тонких веточек

и начал дуть так сильно и непрерывно, что появились язычки пламени, которые быстро охватили приготовленное топливо.

Когда огонь разгорелся, Агли выбежал из пещеры и стал отламывать от старой ели толстые сухие ветки, которые бросал на площадку. Мальчики их собирали и тащили ко входу в пещеру.

Между тем Гина пролезла в пещеру.Она была радостно удивлена,когда увидела, что сразу же за входом может встать во весь рост. Пещера ей понравилась также размерами и сухим дном.

Она направилась к огню, бросила в сторону связку шкур и сняла со спины маленького ребенка. Затем сразу же взялась за работу. С площадки около костра она собрала камни покрупнее и отнесла их к противоположной стене пещеры, где вдоль нее тянулся целый вал из камней.

Прежде чем она с этим управилась, Агли уже снова был в пещере. Стоя у костра, он кидал в него ветви, которые с треском ломал своими мускулистыми руками.

Оба мальчика старательно тащили толстые ветки внутрь пещеры и складывали их недалеко от костра в большую кучу.

Огонь запылал сильнее, распространяя вокруг приятное тепло и свет.

В то время как Гина раскладывала около костра шкуры и готовила постели для ночлега, Агли выбирал среди камней плоские плитки, которыми огородил огонь. Потом он подтащил к костру большой камень и, прочно установив его в желтой глине, сел на него и гордо огляделся вокруг. Он чувствовал себя сильным, умным и мудрым, успокоенным и счастливым. Исполнилось его желание, он достиг своей цели.

Но раньше, чем у него появилось время полностью отдаться этим чувствам, к нему приблизилась Гина и подала кусок ноги серны. Это был остаток мяса, который Гина принесла в связке шкур.

Агли вынул из кожаного мешочка острый кремневый нож, начал отрезать тонкие куски мяса и раскладывать их на раскаленных камнях. Мясо шипело и наполняло воздух ароматом, дразнящим обоняние проголодавшихся людей.

Оба мальчика в предвкушении лакомства ходили вокруг костра и нетерпеливо ждали, когда Агли даст им по куску полупропеченного мяса, а когда, наконец, дождались, то с аппетитом впились в него зубами.

Первый кусок они проглотили не разжевывая. Когда получили по второму, стали есть помедленнее, смакуя его, чтобы полностью насладиться вкусом пищи. Агли и Гина с неменьшим аппетитом стали есть печеное мясо. И чем дольше ели, тем

удовлетвореннее становились их лица.

Тишину вечернего пиршества вдруг нарушил жалобный плач маленького ребенка, лежащего на груде шкур.

Гина быстро подошла к ребенку, взяла его на руки и, сев с ним к костру, стала его кормить. Она зашептала: «И твой животик подает голос, маленький Ван?» Но тот уже удовлетворенно сосал грудь.

Агли пристально смотрел на Гину и маленького Вана. Потом посмотрел и на двоих старших мальчиков, Дина и Рема, которые так сильно устали после долгого пути, что крепко заснули на волчьих шкурах.

Через некоторое время Агли отошел от костра и, протиснувшись через проход, встал на площадке перед пещерой.

Солнце давно уже зашло, и вечерний сумрак опустился на весь край. Высоко над головой горели тысячи звезд, а где-то далеко над потемневшими лесами из глубоких просторов вселенной поднимался серебряный диск луны.

Тишина, которая постепенно наполнила все вокруг, нарушалась лишь однообразным стрекотанием сверчков.

Агли задумчиво глядел в сумрак лунного летнего вечера. Все его существо было наполнено событиями сегодняшнего дня. В сердце были радость и счастье, и будущие дни своей жизни он представлял прекрасными и солнечными. Однако он забыл, что в жизни могут быть также плохие, хмурые дни.

В близлежащей долине раздался пронзительный хохот пещерной гиены, которая покинула свое логовище в скалах и вышла побродить в ночной темноте в поисках пищи.

Этот жуткий звук прервал мысли Агли и сразу же вернул его в мир действительности. Из собственного опыта и по рассказам других он знал, что ночь всегда опасна и полна всевозможных тайн, что ночью охотится множество хищных зверей. Поэтому, не мешкая, он скрылся в пещере.

Прежде чем лечь спать, он завалил вход в пещеру большим камнем, который полностью загораживал вход в пещеру и защищал спящих от любого пришельца извне. Тем не менее Агли долго не мог заснуть.

Он ворочался с боку на бок, ложился то на спину, то на живот, то свертывался клубком, то снова вытягивался словно тетива лука. И, наконец, заснул, беспокойно вздрагивая во сне, а временами сдавленно вскрикивая…

Ночь медленно уходила в глубины вечности.

На востоке вдруг появилось слабое сияние, которое становилось все яснее и отчетливее, пока, наконец, не брызнули первые солнечные лучи. Как золотые стрелы разлетелись они по

всему краю, пронизали кроны старых деревьев, перескочили вниз на кусты, а оттуда ринулись на покрытую травой равнину и водную гладь ручья.

В кронах деревьев распевали птицы, своими песнями приветствуя появление света и тепла нового дня. Известняковые скалы засветились белизной, в лесах посветлело, а в каплях росы, висящих как большие слезинки на длинных листочках трав, волшебными отблесками отражалась вся красота раннего утра.

Все живое пробуждалось от ночного сна.

Агли тоже проснулся. Быстро вскочил и разгреб пепел в очаге. Потом собрал несколько горящих угольков в кучу и бросил на нее горсть сухих веточек, которые быстро вспыхнули.

Огонек весело затрещал, и свет его попал на сомкнутые веки спящей Гины. Она широко открыла глаза и сначала взглянула на детей. Они еще крепко спали, дышали спокойно, и от здорового сна их лица порозовели.

Потом ее взгляд остановился на Агли, который в этот момент отваливал камень от входа в пещеру и открывал путь из сумерков подземелья в ясное солнечное утро.

Пока Гина подбрасывала смолистые ветки в огонь, Агли вышел на площадку перед пещерой. Он радостно разглядывал все вокруг и с удовольствием вдыхал свежий утренний воздух. Его взгляд блуждал по белым скалам, по зеленым лесам, опускался в заросшую кустами долину, на серебристую гладь ручья. Сердце его сжалось от радости, когда у него мелькнула мысль, что этот благодатный край — его охотничьи угодья.

В этот момент за его спиной раздался веселый крик. Он обернулся и увидел, что к нему бегут оба мальчика. Глаза у них светились шалостью, и каждое движение их здоровых тел выдавало безотчетную радость жизни.

Когда они подбежали к нему, то остановились и начали с любопытством осматриваться. Ничего особенного и необычного они не заметили и поэтому сели к ногам Агли и, дружно беседуя, стали греться на солнце.

Неожиданно Дин схватил Рема за плечи и вытянутой рукой стал показывать на большого жука-дровосека, который медленно лез по сухой ветке куста, росшего неподалеку.

Рем вскочил и погнался за жуком. Однако едва он сжал жука в руке, как Дин уже был рядом и также захотел схватить жука.

— Он мой, я его увидел!

— Но я его поймал!

— Отдай его мне!

— Не отдам!

— Тогда я его у тебя заберу!

И, не дожидаясь ответа, Дин бросился на Рема, вцепился ему в растрепанные волосы, обхватил вокруг пояса и старался повалить на землю.

Это ему удалось, но лишь потому, что Рем все еще держал большого жука в руке и не собирался его выпускать.

Как только Рем очутился на земле, он вынужден был отпустить жука и всерьез схватиться с братом.

Боролись они храбро, но ни один не мог победить. Временами преимущество было на стороне Дина, временами — на стороне Рена.

Около них стоял Агли и смотрел с азартом на борющихся. Он смеялся и криками подбадривал того, кто в этот момент проигрывал схватку.

А тем временем жук-дровосек, из-за которого разгорелась такая борьба, убегал изо всех сил. Как только он добежал до куста, он спасся — потерялся где-то в густом переплетении ветвей и уже больше не появлялся.

Борьба закончилась, как только из пещеры донесся голос Гины, зовущий всех к костру на завтрак.

Мальчики вскочили, жадно хватая ртами воздух, с них лил пот, а лица светились диковатой радостью и удовлетворением.

— Где у тебя жук? — спросил Дин.

— Выпустил его из руки, когда боролись.

— Я его найду!

— И я буду искать!

Но искали напрасно. Жук-дровосек был далеко, и у обоих мальчиков в памяти всплыло наставление, что когда двое дерутся, третьему это будет только выгодно.

— Дин, Рем! — раздался снова голос матери. Мальчики встрепенулись, оставили поиски жука и быстро побежали к пещере, проскользнули через узкий вход и в несколько прыжков достигли костра.

Они жадно протянули руки за кусками мяса, вцепились в него зубами и с аппетитом стали его поедать.

Внезапно они увидели, как из темной глубины пещеры на тусклый свет быстро вышел Агли. Он волочил за собой какого-то крупного зверя, которого правой рукой держал за короткий хвост.

Мальчики побежали ему навстречу и с любопытством стали рассматривать зверя. Они узнали пещерную гиену. Ее преследовали и убивали всюду и всегда. Все ее ненавидели из-за ее коварства. Знали, что этот зверь крадет все, что плохо спрятано.

Гина с любопытством тоже смотрела на Агли и на его удивительную добычу. Но прежде, чем она спросила, где он ее

взял, Агли сам стал хвастливо описывать, как вчера при осмотре пещеры убил гиену с ее детенышами.

Дин и Рем напряженно слушали. Гина тоже прислушивалась с интересом. Ведь Агли благодаря своей осторожности, отваге и силе убил отвратительного хищника, который облюбовал эту пещеру раньше, чем они там обосновались. Спокойствие и удовлетворенность овладели Гиной, когда рассказ Агли убедил ее, что он осмотрел всю пещеру и что им не грозит теперь здесь никакая опасность.

Во время своего рассказа Агли старательно трудился. Острым кремневым ножом он снимал с гиены шкуру и внимательно следил, чтобы на ней не осталось мяса.

Когда, наконец, он снял шкуру, то бросил ее к стене пещеры. Дальнейшая обработка шкуры и превращение ее в мягкий мех было делом женщин и девушек. Поэтому Агли знал, что Гина ею займется. Потом он схватил ободранное тело гиены и вытащил его из пещеры. Подошел к самому краю площадки, сильно размахнулся и далеко забросил тело хищника, так как оно показалось ему слишком исхудалым.

Агли даже не посмотрел, куда оно упало. Если бы он захотел позднее его найти, то все равно бы не нашел, так как возможно уже этой ночью его обнаружат и сожрут сородичи, которые с удовольствием будут есть все, лишь бы это было мясо.

Солнце уже высоко стояло над горизонтом. Воздух, неустанно нагреваемый солнечными лучами, начинал уже дрожать. Кругом слышались стрекотание и жужжание насекомых.

Агли понял, что ему пора отправляться на охоту. Остался, правда, еще небольшой кусок мяса, но, кто знает, как повезет ему. Ведь сегодня впервые он пойдет по новым местам охоты, будет искать зверя, преследовать его с одним желанием — окропить его

кровью свое оружие. Сегодня впервые на новом месте раздастся победный крик охотника, если он будет действовать осторожно и если ему повезет.

Не мешкая, он через узкий вход пролез в пещеру.

Подошел к огню и при его свете оглядел мощное копье и большой лук. Убедившись, что они в порядке, он прикрепил сухожилием к поясу кожаный мешочек с кремневыми ножами и другими вещами.

— Ухожу на охоту, — сказал он Гине. — Поддерживай огонь и следи, чтобы не погас. Возвращусь раньше, чем солнце спрячется за лесом!

Когда Агли покинул пещеру и отправился на охоту, Гина позвала обоих мальчиков, взяла младенца на руки и также ушла из пещеры. Она осторожно спустилась с детьми в долину, где велела мальчикам собирать сухую траву и листья и складывать все в кучу. Сама она тоже старательно трудилась. Она хотела, чтобы им в пещере было удобно и мягко спать. Шкур было еще мало, и поэтому нужно было заменить их большим количеством сухих листьев и трав.

Они долго собирали листья и траву и сносили их в пещеру. Толстым слоем насыпали они их на то место в углу пещеры, которое выбрали для ночлега. И когда Гина покрыла листья и траву шкурами, она удовлетворенно улыбнулась — эту ночь им будет спать удобнее.

Дин и Рем не удержались, чтобы не попробовать, насколько мягче стало их ложе. Они с радостными криками прыгнули на него и стали кататься с одного конца на другой; проказничали так, что мать вынуждена была прикрикнуть на них.

Впереди было много других дел и не было еще времени на игры и забавы.

— Дин и Рем, — приказала Гина мальчикам, — насобирайте сухих ветвей, чтобы для костра было достаточно дров!

Мальчики послушались, хотя без особого желания прекратили веселые проказы. Пока они поблизости собирали топливо и таскали тяжелые охапки хвороста в пещеру, Гина сидела на площадке перед ней и выделывала шкуру гиены, которую утром содрал Агли. Поблизости на мягкой рысьей шкуре развалился маленький Ван и довольно посапывал…

День медленно шел на убыль.

Солнечный шар уже давно миновал зенит и медленно катился по небосводу к закату. Он был еще над лесом, когда с вершины скалы над пещерой раздался веселый крик Агли.

Гина радостно ему замахала, а Дин и Рем ответили ликующими криками. Агли, отягощенный добычей, проворно

спускался по скалам вниз к пещере.

Не успели они оглянуться, как Агли был уже около них. Он сбросил на землю убитую серну и положил оружие. Затем вынул из мешочка несколько острых каменных ножей и стал сдирать шкуру. При этом он рассказывал, что с ним случилось на охоте, каких он видел зверей и каких выслеживал, какой зверь убежал и как он перехитрил серну. Рассказывал о том, как бесконечна здесь степь и как густы леса с тенистыми ложбинами и коварными болотами, а также с солнечными полянами.

Содрав кожу, Агли разрезал тушу серны на несколько кусков и отнес их в пещеру. Там сложил их в темный угол на несколько плоских камней. С одним куском он вернулся к высоко полыхавшему костру, пламя его накаляло камни, на которых должно было поджариваться мясо.

Гина и мальчики уже сидели у костра и ждали, когда мясо будет готово. Когда каждый получил свою долю, все стали есть. Маленькому Вану тоже дали кусочек мяса. Он крепко держал его маленькой ручкой, как будто боялся, что кто-нибудь отнимет. Он так долго жевал его своими беззубыми деснами, что от усталости уснул. Но и во сне сжимал в ладошке изжеванный кусочек, и наверняка он ему снился, так как временами Ван удовлетворенно причмокивал.

Внезапно взгляд Агли остановился на большом ворохе хвороста.

— Кто насобирал столько пищи для огня? — спросил он.

— Дин и Рем, — ответила Гина.

— Они хорошо сделали, — сказал Агли, — огонь наш друг и не должен терпеть нужду.

Агли замолчал и задумался. Потом долгим взглядом посмотрел на обоих мальчиков, слушающих его внимательно, и продолжал:

— Послушай, Дин, и ты, Рем, что рассказывали старики! Прошло много времени, прежде чем охотники хорошо узнали огонь, прежде чем поняли, что ему нравится больше, так как ему не все нравится одинаково. Лучше всего для него все то, что сухое и смолистое, например ветки старых елей и сосен. Влажное и сырое огонь не принимает, а если он недостаточно силен, чтобы высушить самому, то умирает. Огонь не поедает камни и глину, но зато наполняет их теплом. Охотники должны были научиться и другим вещам. Когда, например, огонь был слишком большим и охотники хотели его усмирить, они должны были знать, что нужно разгрести горячие угли и бросить ему сырую пищу. Когда хотели, чтобы огонь спал и пробудился только тогда, когда они возвратятся с добычей, должны были научиться сгребать угольки

в кучу и прикрывать их пеплом.

Агли снова замолчал, под наморщенным лбом у него роились печальные мысли. Он думал, по-видимому, о тех далеких временах, когда люди еще не овладели огнем и не умели при необходимости его зажечь. Тогда огонь добывали случайно или крали его из чужого костра и с большим трудом переносили с места на место. Поэтому погасший костер для неудачливого стража огня означал изгнание или смерть, а для остальных членов общины — жалкую, полную страха жизнь.

Однако вскоре морщинки на лбу Агли разгладились и он продолжал:

— Огонь- это верный друг. Когда он коснется мяса, мясо становится вкуснее. Когда сделается большим, исходит от него сильное тепло и свет, он прогоняет тьму, холод, зло и хищных зверей. Огонь никого не боится, каждого он может укусить. Лишь вода сильнее огня. Она его всегда уничтожает, от нее нужно огонь охранять.

А через некоторое время еще добавил:

— Когда упадут листья с деревьев, будет падать долго много воды. Все станет мокрым, и пища для огня — тоже. Поэтому до того времени, ты, Дин, и ты, Рем, должны будете натаскать в пещеру много сухих и смолистых ветвей, чтобы потом огню было хорошо!

Дин и Рем с радостью согласились.

Когда они засыпали на мягком ложе из сухих трав, листьев и шкур, долго еще у них в ушах звучали слова Агли об огне-друге.

Так проходил день за днем, месяц за месяцем…

Агли каждый день ходил на охоту, а дома изготовлял или чинил оружие и инструменты.

Гина сушила на солнце и над огнем полоски тонко нарезанного мяса, собирала разные плоды, семена и коренья, обрабатывала шкуры, шила из них одежду и, наконец, заботилась об огне и о детях.

Дин и Рем старательно помогали матери.

Только маленький Ван беззаботно резвился на мягких шкурах и довольно агукал, когда животик у него был полный и голод его не беспокоил.

Прошло солнечное и теплое лето, и уже давно у ручья не раздавался веселый смех мальчиков, которые каждый день купались в его прохладной воде. Томительная жара прекратилась, ночи становились длиннее, а дни короче.

В птичьих песнях исчезли все ликующие и радостные мелодии весны и солнечного лета, даже скрипучее стрекотание насекомых звучало реже и боязливей.

Вечерами и поутру становилось холоднее. Хлопья холодного белого тумана появлялись в это время над водной гладью ручья, они росли и разлетались во все стороны пока, наконец, не наполняли всю долину.

Листья деревьев и кустов стали желтыми и красными, и когда ветер начинал дуть сильнее, он срывал их с ветвей и уносил с собой.

Все говорило о том, что лето прошло и наступила осень…

Агли опять собирался на охоту.

Теперь он должен был ходить чаще,так как звери стали пугливее и осторожнее, когда узнали, что на их пастбищах и в густых лесах появился ловкий и хитрый охотник, который неустанно за ними следил и готовил им всевозможные западни.

Агли вынужден был охотиться далеко, так как звери покинули близкие окрестности пещеры и уходили дальше в степь или в глубь лесов.

Но хуже было то, что он мог добывать лишь небольших зверей. В одиночестве он не отваживался охотиться на больших и сильных животных, мясом которых он был бы обеспечен на долгое время, что избавило бы его от забот о пропитании Гины и ее детей. Его сил не хватало, чтобы сразиться с крупными животными и победить их в схватке. Один он не мог также отбить от стада кого-нибудь из молодняка, загнать его и убить.

С помощью хитрости ему также до сих пор не удалось добыть большое животное. Хотя он выкопал в разных местах несколько глубоких ям, которые хорошо замаскировал ветвями, травой и глиной, до сих пор он не нашел ни в одной из них добычи, которой так жаждал.

В эти дни, когда Агли бродил от одной пустой ямы к другой, впервые он воочию убедился, насколько невелики возможности одинокого охотника, даже если у него есть сила, отвага и храброе сердце.

Тогда ему впервые пришло в голову, что один охотник никогда не сможет сделать столько, сколько сделают много охотников. Он уже понял, что совместная работа, при которой каждый делает свое дело, приносит значительно больше пользы для всех. И мысль об этом глубоко засела у него в голове и не переставала его преследовать.

И сегодня эти же мысли не выходили у него из головы.

Он сознавал, что лето, самое благоприятное для охоты время, уже прошло, а они еще не имеют достаточного количества шкур. Знал, что и запасы высушенного и полукопченого мяса невелики. Гине тоже не удалось насобирать достаточное количество плодов, семян и кореньев; у нее было слишком много других дел: она все

должна была делать сама.

Кроме того, она не знала еще здесь таких мест, где можно было бы найти много сладких кореньев или вкусных клубней и плодов. Помощь мальчиков также не была существенной; они были слишком молоды и не умели еще как следует ни работать, ни охотиться.

Лицо Агли было печальным, когда он вышел из пещеры.

Но не только охотничьи заботы тяготили Агли.

Странным было и поведение Гины. Уже давно ему казалось, что работящая и старательная Гина стала грустной. Он не знал почему, а Гина молчала. Спрашивать он не хотел, но не думать об этом он тоже не мог.

Агли не догадывался, что Гина скучает по обществу женщин. Ведь раньше, до того как они покинули общину, каждый вечер после напряженной работы женщины усаживались в отдаленных уголках пещеры, и отовсюду доносился веселый говор, радостный смех и лукавый шепот.

А ведь Агли мог бы понять Гину, ведь и он сам много раз скучал о разговорах с охотниками и о рассказах стариков около пылающего костра.

С наступлением осени Агли стал сильнее ощущать тяготы жизни и чувство одиночества.

Агли проворно вылез на скалу над пещерой и по тропке, которую сам протоптал, быстро зашагал вверх.

Вскоре он достиг края степи.

Приложив ладонь ко лбу, долгим внимательным взглядом осмотрел широкую равнину, лежащую перед ним. Медленно и тщательно изучил каждый уголок степи, но нигде не обнаружил следа зверей. Лишь где-то далеко увидел небольшое облачко, которое вскоре исчезло вдали. Оно не пробудило в нем какой-либо надежды на охотничий успех, так как он понял, что это пыль, поднятая убегающим стадом диких лошадей, догнать которых мог бы только быстрый ветер.

Агли решил, что пойдет охотиться в лес.

Осторожно двигался он по краям скал огромного каменного обрамления долины, над которым чернел обширный лес. Прошло немного времени, и Агли очутился под зеленым сводом крон старых деревьев.

В этот момент Агли забыл обо всем, что его тяготило, и стал только охотником.

Осторожно крался он от дерева к дереву. Следил, чтобы все время он был скрыт за могучими стволами и чтобы под его ногами вдруг не захрустели сухие веточки. Долго и безуспешно искал он в лесу добычу.

Огорченный неудачей, Агли уже хотел вернуться, Но в этот момент он увидел, что невдалеке лес кончается и переходит в луг, покрытый травой и кустарником.

— Посмотрю еще там,- решил он,- может быть выслежу и добуду хоть кролика, зайца или охотящуюся лису.

Он подошел к лугу и осторожно стал пробираться вдоль него по краю леса, скрываясь за стволами деревьев и старательно наблюдая вокруг.

Вскоре он внезапно остановился, глаза его засветились.

Совсем близко от себя Агли увидел росомаху, пирующую около остатков молодой серны, на которую вчера напала и разорвала рысь. Когтистой лапой она придерживала лопатку серны, а крепкими зубами отрывала остатки мяса. Агли проверил лук и положил на тетиву стрелу. Но прежде чем ее спустить, он решил, что будет лучше, если он ближе подкрадется к этому, похожему на куницу, хищнику, на темно-коричневой густой шкуре которого вокруг головы было светлое кольцо.

Росомаха была так поглощена едой, что забыла об осторожности. Поэтому уже было поздно спасаться, когда глубоко в бок ей вонзилась стрела, и жгучая боль пронзила ее тело.

Но не только от боли дрожало ее тело.Росомаха была взбешена. С оскаленными зубами она оглядывалась вокруг, ища врага, который нарушил ее пир и тяжело ранил.

Агли был скрыт за стволом могучего дерева и стоял не двигаясь, лишь осторожно наблюдал за раненой росомахой, так как по опыту знал, что это смелый и отважный хищник, который не избегает схватки. При неосторожности охотника она может нанести серьезные раны.

Росомахе не удалось обнаружить спрятавшегося врага и она попыталась вытащить из тела торчащую стрелу. Попробовала это сделать пастью, но когда ничего не вышло, то легла на бок и постаралась выбить ее лапой.

Прежде чем ей это удалось, в воздухе раздался слабый свист,

и новая стрела проникла ей глубоко в грудь.

Росомаха быстро вскочила на ноги и сразу же бросилась в атаку, — она заметила Агли по его незначительному движению.

У Агли уже не было времени послать в хищника следующую стрелу. Он едва успел отскочить в сторону от разъяренного зверя и правой рукой крепко схватить мощное копье.

Но раньше, чем он замахнулся, чтобы всадить копье в бок росомахи, зверь снова бросился на него и, хотя Агли отскочил в сторону, росомаха задела его когтистой лапой и оставила на бедре несколько глубоких борозд, из которых брызнула кровь.

Однако в этот же момент Агли вогнал копье в тело росомахи, резко его повернул в ране и быстро выдернул. Затем проворно отскочил в сторону и снова пронзил хищника, когда он опять бешено помчался на него.

Всего лишь несколько мгновений продолжалась эта схватка. Затем росомаха внезапно упала на землю, несколько раз судорожно дернулась и затихла.

Агли вытер пот со лба и сел на землю, чтобы немного передохнуть. Осмотрел раненую ногу, но она его не беспокоила. Он знал, что лишь разорвана кожа и все быстро заживет. Агли привык к более серьезным ранениям, чем эти царапины.

Долго, однако, он не отдыхал и вскоре уже быстро уходил из леса. В одной руке нес оружие, в другой сжимал мохнатый хвост росомахи, которую перебросил через плечо. Он быстро шагал между деревьями, пренебрегая осторожностью и не обходя сухие ветки, которые под его твердыми шагами с треском ломались.

Спешил, чтобы как можно быстрее добраться до пещеры.

Он уже прошел большую часть леса и был почти на его краю, когда неожиданно до его слуха донеслось сильное и свирепое мычание.

Агли остановился и внимательно прислушался. Когда мычание раздалось снова, он осторожно двинулся в том направлении, откуда оно доносилось.

Пройдя совсем немного,он увидел захватывающую картину: бой могучих бизонов. Два огромных полных сил животных со злобой кидались один на другого, стукаясь большими и широкими лбами. Ни один из быков не собирался отступать под напором и ударами другого.

Они стояли упершись головами, как будто вытесанные из камня, но тем не менее можно было заметить, как напряжены их мышцы. Неожиданно они отскочили в разные стороны, неистово забили копытами и снова их широкие лбы столкнулись в страшном ударе.

С большим изумлением смотрел Агли на сражающихся быков.

Рассматривал их мощные тела, полные грозной силы и свирепости, наклоненные головы с красными глазами и короткими рогами и сильные ноги, которыми они вытаптывали почву, следил за их смелыми, часто безрассудными бросками.

От всего этого у Агли засверкали глаза и заиграла кровь. В его сознание врезался незабываемый образ всемогущей силы и смелости бизонов.

Даже когда быки прекратили схватку и стали спокойно пастись, Агли все еще не мог оторвать глаз от их могучих тел. Только когда они со всем стадом исчезли в глубине леса, Агли двинулся дальше.

Он шел задумавшись, полный впечатлений от увиденной им величественной картины сражения…

Осень начала напоминать о себе все настойчивее. Солнце часто и надолго пряталось за серые тучи. Холодная мгла покрывала землю, и по нескольку дней подряд шли сильные дожди. На короткое время становилось ясно, а затем опять наступали пасмурные мглистые дни с дождем и ветром.

Заметно похолодало. Солнце уже меньше грело, а сильные ветры, которые летом в душную жару приносили живительную прохладу, теперь несли холод, так что Агли, когда выходил на охоту, должен был основательно укутываться в теплые шкуры.

В такие дни охота у него шла плохо. Он возвращался поздно, усталый и весь вымокший. В некоторые дни приходил и без добычи. Тогда он с хмурым лицом садился к пылающему костру, не разговаривал с Гиной, не шутил с мальчиками, лишь молча глядел на огонь; немного согревшись, ложился на ложе из шкур и быстро засыпал крепким сном.

В пещеру понемногу начала прокрадываться нужда…

Снова шел дождь.

Серые тучи тянулись по всему небосклону, и вода, которая с однообразным шумом лилась из них, заболачивала степь и лес.

Все вокруг помрачнело.

Серьезным и мрачным был и Агли.

Вчера целый день блуждал по степи и лесу и не добыл ничего, кроме дикого кролика. Вернулся усталый и вымокший, голодный и замерзший.

Хуже, всего было то, что ни он, ни Гина, ни ее дети не могли наесться досыта. Часть добычи они должны были оставить на завтра, на послезавтра и может быть и еще на один день, так как погода была плохой и могла стать еще хуже.

И эта предусмотрительность была неизлишней.

Едва проснувшись, Агли вышел из пещеры посмотреть, какой будет день.

Он сразу понял, что не сможет пойти на охоту.

Все еще шел дождь, более сильный, чем вчера. Ветер тоже усилился и высвистывал между утесов свою назойливую осеннюю песню.

Агли вернулся в пещеру и сел к костру.

Какое-то время он сидел тихо и задумчиво глядел на пламя. Потом встал, нашел осколок кремня и стал его обрабатывать.

Перед ним лежал плоский камень, на котором Агли удерживал кремень как на наковальне. Он осторожно обрабатывал его более твердым камнем — кварцем, который принес из находящегося поблизости ручья. Внимательно стучал по осколку кремня, причем вначале слабыми ударами, как будто примериваясь, прежде чем нанести более сильный удар.

Работал долго. Удары кварца падали на осколок кремня с нужной точностью и через равномерные интервалы. Когда он закончил работу, угловатый кусок кремня превратился в тонко обработанный наконечник копья.

Агли крутил и переворачивал в руке только что сделанное оружие и с радостью в глазах пробовал пальцами остроту его граней. С удивлением глядели на наконечник и оба мальчика, которые все время внимательно следили за работой Агли над камнем. Они были горды, что Агли мог изготовить такое хорошее оружие, и мечтали, что и у них когда-нибудь будут такие же умелые руки.

Агли спрятал изготовленное оружие в кожаный мешочек и из кучки кремневых осколков выбрал другой подходящий кусок, который начал обрабатывать. Работал до тех пор, пока неожиданно одним неточным ударом не отколол от кремня большой осколок.

Агли недовольно посмотрел на оставшийся кусок и, поняв, что ошибку нельзя исправить, выбросил его.

Раздосадованный неудачей, Агли прекратил работу. В другое время он бы так не поступил, так как относился к людям, которые, никогда не желая признать свое поражение, упорством и настойчивостью всегда добиваются победы.

Недовольный поднялся Агли от костра.Он стал смотреть на Гину, в этот момент как раз положившую длинную костяную иглу с тонкой сухой жилой, которой она чинила его одежду из шкур, и склонившуюся над маленьким Ваном, который с плачем проснулся.

Гина хорошо знала, почему плачет ребенок. Было его время, и голод давал о себе знать. Она взяла его нежно на руки, приложила к груди, и крик маленького Вана сразу же прекратился.

Глядя на них, Агли вспомнил, что здесь есть еще Дин и Рем, которые уже несколько дней не наедались досыта. Сегодня еще они не получили никакой еды и были, наверняка, голодны, хотя сами не просили еду, а терпеливо ждали, когда что-нибудь им дадут.

— Это было ужасно, но что делать,- думал Агли,- если мяса мало, а надежда на успешную охоту в такую неблагоприятную погоду очень плоха! Дин и Рем должны подождать до вечера! Должны! Иначе нельзя! Ведь им, наконец, не повредит, если уже с детства они научатся выносить временные невзгоды и нужду, научатся терпению и самоотречению, которое должно быть непременным качеством каждого настоящего мужчины.

Тяжелая печаль охватывала Агли. И не только печаль, а снова появилась и тяжесть одиночества.

— Как бы хорошо было ему, Гине и детям, если бы остались они в своей общине. Там было много охотников, а это означало, что всегда будет достаточно пищи и не будет нужды, все будут веселы и спокойны.

— Здесь же он теперь одинок. Заботы о безопасности и пропитании лежат только на нем. Ни на кого он не может надеяться, всего должен добиться сам.

— И хотя он отважный и храбрый охотник, тем не менее его сил недостаточно, чтобы преодолеть все трудности, которые приносит одинокая жизнь. Хотя он ходит по степи и лесам, не обращает внимания на усталость и плохую погоду, а все же его добычей становятся лишь маленькие животные, которых они быстро съедают.

— Насколько иначе все было бы, если бы он жил совместно со своими сородичами! Какая это была охота и каких больших и

сильных животных они добывали! Как долго они могли беззаботно жить и могли досыта наесться мяса и вкусного костного мозга!

И снова его мысли возвращались к тому, что совместно при одинаковом усилии можно сделать намного больше для всех и для каждого отдельного члена общины, чем в одиночестве только для себя.

Агли захотел остаться со своими мыслями наедине. Поэтому он бросил в огонь несколько смолистых ветвей, и, когда они вспыхнули, медленно пошел в темную глубину пещеры.

В последнее время он часто ходил туда. Шел всегда в самый конец пещеры до высокого- полукруглого зала, который с первого момента произвел на него неизгладимое впечатление и потом всегда притягивал его какой-то таинственной силой. Агли провел уже в нем много часов и всегда находился здесь в каком-то необъяснимом расположении духа. И сегодня направился он в этот зал.

Войдя в него, он вставил горящие лучины в трещины в скале, сел на угловатый камень и снова погрузился в размышления.

В голове его родилась мысль, которая его пугала. «Действительно ли он такой сильный и храбрый для того, чтобы преодолеть все препятствия и тяготы жизни?»

Он раздумывал об этом в такой степени, на которую было способно его примитивное сознание.

Агли вспоминал, что в общине все, в том числе и старики, считали его одним из самых отважных и способных охотников. Стало быть не его слабость и неспособность являются причиной того, что они здесь все терпят нужду. Не его вина, что своими силами он не может одолеть крупного и сильного зверя. Никто из его сородичей также не осмелился бы на это, никто бы такого зверя не победил. Лишь такой охотник мог бы его осилить, который сам был бы сильный, как бизон.

— Охотник сильный,как бизон! Он бы мог многое. Для него бы не было никаких преград. Он бы осилил любого зверя! Он бы не испытывал нужду и голод!

И в голове Агли постепенно возникал образ сражающихся бизонов, который недавно неизгладимо врезался в его память.

Он так пристально глядел на стену пещеры, что внезапно ему показалось, будто на ее неровной поверхности появляется образ бизона. Опасаясь, чтобы этот образ силы, отваги и упорства не исчез, он быстро вынул из кожаного мешочка резец, подскочил к стене и несколькими быстрыми движениями нанес его очертания.

Когда он штрихами наметил контур бизона, то схватил другой, более острый резец и твердой рукой начал старательно

вырезать свой набросок. Здесь что-то дополнял, там часть штриха соскабливал, внезапно радостно вскрикивал, или сердито ворчал, если рука соскальзывала и кремень чертил там, где не нужно.

Наконец рисунок был готов.

Он отскочил от стены и издали стал смотреть на него. И когда увидел, насколько хорошо ему удалось запечатлеть образ бизона, от радости он затанцевал, бурно ликуя и испытывая счастье от успеха.

Когда, наконец, усталый и потный он остановился, то почувствовал, что у него исчезла подавленность, которая еще недавно его так угнетала. И чем дольше глядел он на картину, тем сильнее чувствовал, как существо его наполняется утешительным спокойствием.

Это было потому, что он был уже не один, а с ним был зверь, который в его мыслях являлся символом силы, отваги и благополучия…

Прошло еще несколько печальных дней.

Невзирая на погоду, бродил Агли по степи, по лесу, спускался в долину, но всех его усилий хватало лишь на то, чтобы всем хоть немного насытиться.

Гина была сильно измучена, и мальчики уже давно перестали весело проказничать. Не только голод, но и сильная усталость мешали им играть и резвиться. Сбор топлива в это неприветливое осеннее время не был приятным занятием. Всюду была грязь, мокрые ветви и палки были пропитаны водой и неприятно холодили руки. Проглотив выделенный им кусок мяса, в большинстве случаев полуголодные, они валились на кучу сухой травы и шкур и быстро засыпали.

Однажды тучи разошлись и в образовавшийся просвет вновь засветило солнце.

Край как бы снова ожил.

Агли старательно охотился, и счастье улыбнулось ему. Он приносил теперь столько, что все могли досыта наесться и даже еще немного оставалось про запас.

В один из дней ему особенно повезло. Удалось выследить оленя, которого он незаметно преследовал и, наконец, удачно пронзил копьем. Эта добыча была самой крупной из тех, которой здесь ему удалось овладеть.

Когда, однако, Агли осматривал убитое животное, то его радость несколько омрачилась. Он установил, что олень имел в груди воспаленную рану. Агли понял, что это память о каком-то диком бое с соперником. Понял также, что именно поэтому он и победил ослабленное животное.

Но несмотря на это, радость все же заглушала в нем

появившееся было разочарование от легкой победы. Как бы то ни было он стал обладателем большого количества мяса, которое на долгое время избавит его семью от голода.

После того как Агли кремневым ножом обрезал и выбросил негодные части с края раны, он с трудом перебросил тяжелую тушу оленя через плечо и весело двинулся в обратный путь.

Он шел долго: тяжелая ноша затрудняла ходьбу. Много раз он должен был отдыхать, прежде чем пришел на вершину скалы к своей пещере. Там он радостно закричал, и когда Гина с мальчиками выбежала на площадку перед пещерой, показал им на убитого оленя и снова со всеми вместе весело вскрикнул.

После этого долгое время в пещере снова было весело.

Ярче горел костер, Агли с Гиной и детьми сидели вокруг него. Агли рассказывал о своей сегодняшней успешной охоте, и глаза у него светились радостью. Гина удовлетворенно улыбалась, а мальчики со вниманием слушали.

А когда Агли наделил каждого большим куском полуобжаренного мяса, на всех лицах появилось выражение благополучия и довольствия. Они были счастливы, что впереди их ожидает ряд хороших дней, когда они не будут чувствовать лишений и голода.

В эту ночь все спокойно и крепко спали.

Когда утром Агли проснулся, то привел в порядок костер, чтобы он не погас, отвалил камень от входа в пещеру и вышел наружу.

Его приветствовал легкий морозец, который пронизывал все тело и неприятно щипал и жег кожу. Пропитанная водой земля затвердела как мозолистая ладонь, а ветки деревьев были покрыты искрящимся инеем. Большие стально-серые тучи неслись по небу. Вскоре они слились в одну мрачную тучу, которая полностью закрыла солнце.

Агли быстро вернулся в пещеру.

Немного посидел без дела у костра, затем встал и направился к кучке камней и кварца. Выбрал несколько подходящих камней и начал мастерить новое оружие и инструменты.

Некоторое время Агли старательно трудился.

Внезапно, как будто какая-то мысль мелькнула у него в голове, он отбросил наполовину обработанные камни в общую кучку, надел теплые куртку и штаны из шкур, обул тапки из оленьей кожи и собрался идти в степь. Он хотел осмотреть ямы-ловушки, не попал ли где в них какой-нибудь зверь.

Схватив копье, лук и стрелы, он быстро вышел из пещеры.

Проворно вылез по скалам наверх и быстрым взглядом окинул равнину. Когда убедился, что поблизости охотиться не за

кем, пустился в путь, чтобы проверить ловушки. Ходил от одной ямы к другой, гду было нужно что-нибудь поправить — поправлял или лучше маскировал, но ни в одной из них не нашел добычи.

Агли был расстроен, недоволен собой и чувствовал себя несчастным.

Сколько труда и усилий должен был он затратить, чтобы выкопать и замаскировать столько ям! Столько надежд он на них возлагал, но оказалось все напрасно.

Ведь он столько раз выслеживал различных зверей, чтобы узнать их тропы. Когда это выяснил, то долго думал и прикидывал, прежде чем начать рыть ямы. Он сделал все возможное, чтобы его работа не пропала даром. Агли использовал весь свой охотничий опыт, но успеха не добился. И это его мучило и огорчало.

Агли должен был осмотреть еще одну яму.

Он надеялся, что может быть именно в ней увидит провалившегося мамонта или хотя бы древнего тура. И это его страстное желание создало в его воображении картину пойманного им животного, над которым стоит он, Агли, ловкий охотник и храбрый боец.

Агли настолько углубился в свои мысли, что забыл об осторожности. Только этим можно объяснить, что неожиданно на него бросился большой носорог, покрытый красновато-коричневой шерстью.

Злобное фырканье вернуло Агли к действительности. Но было уже поздно, чтобы успеть отскочить в сторону и избежать нападения носорога, который мчался прямо на него. Он успел лишь немного выгнуть тело, когда рассвирепевший носорог подбросил наклоненной головой Агли и тот взлетел высоко в воздух. Затем он тяжело упал в центр находящегося поблизости густого кустарника.

Бег носорога был таким быстрым, что после нападения на Агли его могучее тело пронеслось по инерции еще несколько шагов вперед. Когда наконец он остановился и быстро повернулся, то маленькими злыми глазами стал искать Агли.

Между тем тот беспомощно лежал в кустарнике, который его скрывал от разъяренного носорога.

Когда же носорог нигде не увидел существа, которое

отважилось нарушить его одиночество и покой, он несколько раз зло хлестнул лохматым хвостом и медленно побрел по степи.

Носорог уже давно исчез, а Агли все еще беспомощно лежал в кустарнике. Он чувствовал острую боль в боку, которая при каждом движении становилась сильнее. Но даже слабого стона не сорвалось с его уст.

Агли понимал, что это не легкое ранение, на которое можно не обращать внимания и которое скоро пройдет. Он также понял, что сегодня мог легко расстаться с жизнью.

К счастью носорог, отбросил его в кусты, которые его скрыли. Иначе бы рассвирепевший зверь наверняка растоптал бы его и он бы уже никогда не вернулся к костру в пещере, уже никогда не увидел бы Гину и ее детей. Его тело лежало бы в степи и стало бы желанной добычей безобразных пещерных гиен.

Тяжелым и мучительным был обратный путь Агли в пещеру.

Двигался он медленно и неуверенно. Опирался на копье, которое из безжалостного оружия превратилось в спасительный костыль. Много раз он останавливался для отдыха, много раз падал на землю, когда тело его сотрясалось от внезапных приступов острой боли. После короткого отдыха он снова двигался дальше, превозмогая боль и сильную усталость, и все время смотрел на вершину скалы, под которой была его пещера.

Чем дальше он шел, тем сильнее усталость охватывала тело и тем настойчивее была боль, которая притупляла его чувства. Но все это не могло победить в нем стремление дойти до пещеры к благотворному огню своего очага, так как лишь Это могло теперь спасти ему жизнь. Агли уже мог лишь ползти, когда наконец достиг скалы над пещерой.

Он тяжело упал на холодные камни. Голова его склонилась на грудь, блеск в глазах погас, и все его существо охватило непреодолимое желание спать.

Всей силой своей воли он воспротивился этому опасному желанию, которое могло бы стать роковым в самом конце его пути к спасению. Поэтому он снова поднялся и, напрягая последние силы, начал слезать по скалистому склону.

Это был мучительный путь.

С трудом он полз от одной скалы к другой. Когда у него на сырых камнях скользила нога, он беспомощно падал вниз до тех пор, пока не зацеплялся за какой-нибудь скальный выступ или за куст.

Смертельно усталый и совершенно беспомощный упал он наконец перед пещерой. Довольно долго лежал неподвижно; но жажда жизни преодолела слабость его тела, и он начал бесконечно медленно ползти ко входу в пещеру. Вот уже он

прополз через него и очутился в пещере.

С большим усилием преодолевая боль, осторожно поднимался Агли с земли. Когда ему наконец удалось встать на ноги, он оперся о стену пещеры и остановил свой безучастный взгляд на полыхающем костре, у которого сидела Гина и кормила маленького Вана.

Испуганно посмотрела Гина на Агли. Оба старших мальчика перестали дразнить друг друга и в оцепенении смотрели на жалко выглядевшего Агли, который шатаясь медленно двигался к ложу и тяжело и беспомощно упал на него.

В этот момент раздался душераздирающий крик Гины. Она быстро положила маленького Вана на рысью шкуру около себя и подскочила к Агли. Он неподвижно лежал на мягких шкурах. Глаза у него были закрыты, он тяжело дышал. Руки и ноги во многих местах были ободраны и кровоточили, а на боку под курткой темнел большой кровоподтек.

Испуганная Гина в отчаянии стояла над Агли и пристально глядела на него.

Внезапно она увидела, что его рука что-то ищет. Но прежде чем она смогла угадать, что он хочет найти, Агли поднялся на ложе, огляделся кругом и со страхом в глазах выдавил из себя: «Копье… лук!»

Поняв, что Гине не совсем ясны его слова, показал рукой на вход в пещеру и взволнованно проговорил: «Там… там… снаружи!»

Гина быстро выскользнула из пещеры и тотчас вернулась назад с копьем и луком. Она нашла их недалеко от входа, там, где они выпали из рук Агли, когда смертельно усталый и измученный болью упал он на площадку перед пещерой.

Как только Агли увидел Гину с оружием, глаза у него посветлели.

Когда она положила оружие около него, он крепко схватил копье правой рукой, снова упал на мягкие шкуры и сразу же погрузился в крепкий и целительный сон.

И в то время как над спящим Агли звучали причитания Гины и плач детей, на его израненном лице появилась слабая улыбка, настолько слабая, что ее едва можно было заметить. Она означала, что Агли, прежде чем заснул, ясно понял: несмотря ни на что, он достиг своей цели, преодолел смертельную усталость и жестокую боль и не потерял своего оружия…

Затем наступила холодная, черная ночь без звезд и луны. К утру пошел снег. Вначале в воздухе пролетело лишь несколько снежинок, которые застряли в кронах деревьев, на ветвях кустарников или на камнях скал, где висели как белые мотыльки.

Всюду стояла тягостная тишина, как будто предвещала что-то страшное.

Среди этой тишины внезапно со свинцово-серого неба одна за другой начали падать снежинки — все гуще и гуще, пока, наконец, как за белым занавесом, скрылись ближайшие деревья и скалы.

Неожиданно поднялся ветер и неистово закрутил снежинки, которые беспомощно метались в его широких объятиях. Ненадолго они зацеплялись то здесь, то там, но ветер подхватывал их снова и крутил в новом хороводе.

Ветер усиливался. Он быстрее мчался по степи, проникал в лес и бешено бился об известняковые скалы. Отовсюду слышались свист и гул, вой и плач, сливавшиеся в одну ужасную симфонию, которую может создать лишь снежная буря…

Буря не переставая продолжалась уже два дня и две ночи и все еще свирепствовала в полную силу. Ветер пронзительно свистел в степи, гудел в лесу, бушевал в скалах, как будто бы своим смертоносным натиском должен был истребить и уничтожить все живое. Всюду буря безжалостно неистовствовала и каждый, даже самый удаленный уголок в скалах наполняла трескучим морозом.

Лишь в пещеру буря не могла проникнуть.

На ее пути стоял большой камень, которым Гина с большими усилиями закрыла вход в пещеру. Внутри горел костер, он распространял вокруг себя свет и тепло.

Совсем хорошо было бы в пещере, если бы Агли был здоров.

Но он все еще беспомощно весь в жару лежал на ложе из сухой травы и шкур.

Около него сидела Гина, печальная и полная забот о будущем.

— Хорошо еще, что на первое время у них достаточно дров и что Агли за день перед своим ранением принес целого оленя. Если она будет мясо расходовать бережливо, то в ближайшие дни дети не будут голодать.

— Но что будет, когда мясо кончится, а Агли все еще будет не способен охотиться?

Когда она думала об этом, ее охватывал страх.

Но были у Гины еще более тяжелые минуты. Это было тогда, когда она рыдала от ужаса при мысли о судьбе ее детей в случае, если бы сердце Агли остановилось навсегда, если бы Агли уже никогда не открыл глаза.

В такие моменты все существо ее содрогалось от страшного представления об ужасной голодной смерти. В сознании ее росло понимание того, что все это вызвано их гордостью, приведшей к

одиночеству, которое лишило их не только всех преимуществ совместной жизни в общине, но и могло бы привести их к гибели. А снаружи снежная буря не прекращалась и не ослабевала.

Морозный вихрь все еще неистово носился над краем. Под его бешеным натиском качались даже столетние великаны. К шуму ветра примешивался треск ломающихся сухих ветвей, а иногда раздавался и оглушительный треск падающих стволов деревьев, не выдержавших напора бури.

Снег все еще летал и кружился в воздухе, а в местах, защищенных от ветра, он накапливался в большие сугробы. В мглистых сумерках снег создавал какую-то белесую пелену, в которой терялась граница между небом и землей, между светом и тьмой. Плохо было снаружи, очень плохо, снежная буря как будто бы старалась засыпать все на земле.

Только на пятый день снежный буран утих.

Прекратился сильный ветер, а с ним и шум деревьев. Перестал падать снег, тучи исчезли и небосвод засветился ярким холодным светом.

Звери постепенно вылезали из укрытий озябшие и голодные. Но прежде чем отправиться в трудную дорогу за пищей, они старательно принюхивались и тщательно осматривали округу, которая под мощным снежным покровом выглядела иначе, чем прежде.

Гина тоже отвалила камень от входа и вышла из пещеры. Долго смотрела вниз в долину, дно которой целиком было занесено снегом. Исчезли все неровности, исчезло и русло ручья. Вид долины изменился. Скалистые склоны долины также имели иной облик; все овраги и крутые склоны исчезли под снежными сугробами, в некоторых местах из снега торчали лишь пики скал.

Жгучий холод вскоре загнал Гину в пещеру. Оба старших мальчика, выбежавшие за матерью и с любопытством смотревшие на заснеженную округу, быстро вернулись и сели очень близко к костру, чтобы согреться.

В пещере уже не было так печально, как во время снежной бури. Не только потому, что разбушевавшаяся стихия утихла, но главное от того, что состояние Агли улучшилось.

Он уже не лежал так беспомощно и равнодушно на ложе из шкур, и его уже не мучила лихорадка. Рана в боку его все еще беспокоила, резкое движение всегда вызывало острую боль, но физическое истощение уже прошло. Было ясно, что сильный организм Агли превозмог последствия тяжелого ранения и что дело идет к полному выздоровлению.

У Гины это вызывало радость и освобождало ее от самых ужасных опасений за будущее. Она знала, конечно, что и вместе с

выздоровевшим Агли зима будет для нее тяжелой — и очень тяжелой, но все-таки у нее была надежда на то, что они счастливо переживут зиму, сохранят свои жизни…

День уходил за днем, ночь за ночью,

Снежные метели сменялись солнечным светом и сиянием звезд. В пещере жили то в страхе, то в надежде. Там снова неотступно поселился незванный гость — голод!

Уже несколько дней все тяжело страдали. От оленя у них осталось лишь несколько больших костей, с которых они кремневыми ножами тщательно соскребали куски мяса и жадно их поедали. Все длинные кости разбили и до последней капли выскребли жирный мозг. Разбили и череп, мозг из которого также старательно выбрали.

Хорошо еще, что Агли быстро выздоравливал. Он уже сидел у костра, хотя и выглядел осунувшимся. Но снова как и раньше он был полон упорства, и глаза его ярко блестели. Заботливо осматривал он копье и лук, чтобы оружие было в порядке, когда придет время идти на охоту. Внимательно осмотрел он и стрелы и, где было нужно, заострил каменные наконечники.

После того как Агли заканчивал какую-нибудь работу, он вставал, чтобы выпрямить долго сгорбленную спину. Слабое покалывание в боку напоминало ему, что рана еще не совсем зажила и что он должен двигаться медленно и осторожно.

— Должно пройти не менее двух дней, прежде чем смогу пойти на охоту,- подумал Агли, когда почувствовал слабую боль.

Но он и не подозревал, что вскоре примет иное решение.

Это произошло потому, что на глаза ему попались два старших мальчика: он пристально посмотрел на них. Они были бледными и исхудалыми. Длинной палочкой они вытаскивали из позвонков оленя кусочки спинного мозга, а когда уже ничего не смогли выскоблить, начали высасывать кости.

Сердце Агли сжалось от боли. Хотя он и привык к голоду, но это уже был не просто голод, а долгая голодовка, которая ослабляет тело.

— Нельзя больше откладывать охоту, я должен идти наружу, должен что-нибудь принести, чтобы у всех было мясо, много мяса, достаточно жира и немного вкусного костного мозга. Я должен прогнать от костра голод, чтобы он не уничтожал тела детей и Гины!

Поэтому Агли решил сразу же отправиться на охоту. Он забыл про незажившую рану, не стал обращать внимания на зимние трудности.

Быстро одел одежду из шкур.Куртку застегнул большими костяными застежками, концы длинных штанов засунул в носки

из заячьей шкуры, которые обмотал оленьей шкурой и перевязал сухожилиями. На голову одел широкий капюшон, задний конец которого засунул в куртку и потом затянул сухожилием.

Гина напряженно смотрела на Агли.

Когда Агли схватил в руки копье и лук и собирался покинуть пещеру, Гина подошла к нему и заботливо сказала: «Не ходи далеко на охоту! Если начнется метель, можешь заблудиться и погибнуть! И мы потом погибнем». Он ей ничего не ответил и потихоньку вылез из пещеры.

После долгого перерыва он опять был на морозном воздухе. С севера дул холодный ветер и нес ему в лицо снежную пыль. Небо было ясным, лишь где-то на горизонте вырастала пелена серых туч.

Тропа, которую Агли протоптал по скалистому склону к степи и лесу, теперь была засыпана снегом. Шел ли он по ней или нет, он и сам не знал. Но подъем по склону был для него очень трудным.

Когда он наконец одолел склон, то с удивлением посмотрел в степь. Ему казалось, что вся она изменилась. Все неровности исчезли, лишь одна большая ровная поверхность тянулась в бесконечную даль, белая и однообразная, печальная и немая. Сильно дул студеный ветер, ничем не задерживаемый на своем пути.

Нигде Агли не увидел даже следа зверей. Степь была пустой, безжизненной.

Поэтому он направился к лесу.

Он шел вдоль скал крутого склона долины. Идти было легко, так как ветер сдувал со скал снег в долину, покрывая им ее дно. Хуже стало, когда он вошел в лес.

Здесь он часто проваливался в заносы и, едва из них выбравшись, должен был пробираться по глубокому снегу, доходившему ему до пояса. Ветер гнал в лицо Агли снежную пыль, которая проникала через шкуры и неприятно охлаждала тело.

Но Агли мужественно пробирался вперед, не обращая внимания на препятствия.

Хотя Агли долго блуждал по лесу, но зверей и след простыл. Он часто останавливался и внимательно прислушивался, не раздастся ли какой-нибудь звук, который хотя бы выдал их присутствие. Но лес оставался немым.

А дорога становилась все труднее.

Путь преграждали не только заносы, в которые он проваливался и из которых часто лишь с трудом вылезал. Попадались еще и громадные деревья, недавно вывороченные

бурей и вместе с переломанными и переплетенными кронами покрытые глубоким снегом. Здесь часто случалось, что Агли, неосторожно ступив на мягкий предательский сугроб, проваливался между стволами упавших деревьев. Еще хуже было, когда, попадая на переломанные кроны деревьев, он летел между ветвями вниз как в пропасть и, наконец, задержавшись, вынужден был с трудом выбираться снова наверх из-под глубокого снега.

Пока Агли с таким трудом пробирался по лесу, небо неожиданно затянулось, а ветер резко усилился. Агли озабоченно посмотрел на серый небосвод.

Он был достаточно опытным, чтобы понять, что это первые предвестники начинающейся метели. И необычный сумрак, охвативший лес, также подтверждал это.

Он знал, что должен быстро возвращаться, чтобы метель, когда она разыграется, не застала его в пути. Но он также понимал, что его приход с пустыми руками не принесет в пещеру радости, что он снова должен будет глядеть на измученное и напуганное лицо Гины и в голодные глаза ослабевших мальчиков, Дина и Рема.

И это заставляло Агли забыть о собственной безопасности и гнало его все время вперед за добычей.

Но в конце концов он вынужден был повернуть назад, так как сумерки быстро сгущались и понемногу стал падать снег. Он утешался только надеждой, что счастье, возможно, ему улыбнется на обратном пути и какой-нибудь зверь наскочит на него.

И случай ему действительно в этот раз помог.

Когда он был уже недалеко от опушки леса, неожиданно увидел перед собой лису. К счастью, она его не учуяла. Ветер дул с ее стороны, и поэтому Агли не боялся, что она его обнаружит. Быстро спрятался он за густую ель и стал следить за лисой. Копье воткнул в снег, на тетиву положил стрелу и стал не двигаясь ждать.

Лиса медленно пробиралась по снегу. Хвост, отягощенный намерзшим снегом, она волочила за собой как ненужную тяжесть, мешавшую ходьбе. Временами останавливалась, как будто принюхивалась, нет ли где чего-нибудь съестного. Но всюду был снег и снег, и ветер гнал лишь чистый морозный воздух, который не приносил запаха желанной добычи.

Лиса тоже возвращалась с неудачной охоты. Долго она блуждала по лесу, но нигде ничего не могла найти. Всюду было так мертво и пусто, что она поняла безнадежность своей сегодняшней вылазки. Она была не только голодной, но и усталой. Поэтому лиса искала лишь какое-нибудь безветренное место, где могла бы спрятаться от снега и мороза раньше, чем

начнется метель, которая наверняка не заставит себя долго ждать.

Агли напряженно наблюдал за лисой.

Он видел, что она медленно приближается к нему, пролезает через низкий кустарник, под ветвями низенькой ели и шаг за шагом подходит к месту, где осторожно подстерегал ее Агли. Лиса двигалась тихо, как тень. Внезапно она увидела, как прямо перед ней из-за ели вышло существо, от которого нужно было немедленно бежать, если нельзя было заранее его обойти.

Она резко повернулась, прыгнула в сторону и хотела исчезнуть в поросли молодняка. Но быстро бежать она не смогла. Снег, который облепил хвост и шкуру, усталость и слабость лишили ее обычной проворности. Она сделала прыжок, потом другой и в этот момент почувствовала в боку острую боль, которая быстро разлилась по всему телу и затемнила сознание. Лиса упала в снег, который вокруг нее покраснел от крови.

Агли подбежал к убитой лисе, выдернул из раны стрелу и жадно стал пить вытекавшую кровь.

Сильный порыв ветра, который бросил в лицо Агли горсть крупных снежинок, напомнил ему о возвращении. Он взял лису, вернулся за копьем, которое было воткнуто за елью, и торопливо двинулся в путь.

Пошел очень густой снег, ветер задул сильнее и угрожающе зашумел в кронах деревьев.

Агли медленно пробирался по глубокому снегу. Временами останавливался за стволами больших деревьев немного передохнуть, так как чувствовал страшную усталость.

Но в лесу еще было не так плохо, как стало, когда он вышел из него. Только теперь он должен был напрячь все силы в борьбе с неистовой снежной метелью.

Едва Агли вышел из лесу на открытую равнину, ветер набросился на него со всей силой, он затруднял дыхание, хлестал по лицу и глазам, из которых текли слезы. Ветер толкал его назад, тряс так, что каждый шаг вперед давался с неимоверным трудом. Нужно было собрать все силы, чтобы удержаться на ногах.

Снег также очень мешал ему двигаться, ослеплял его и толстым слоем налипал на одежду, проникал под шкуры, неприятно охлаждая вспотевшее тело.

Быстро наступавшая темнота уменьшала и без того уже плохую видимость. А этого Агли боялся больше всего: он хорошо знал, как будет трудно идти, когда все вокруг погрузится в темноту, исчезнут все приметы. В темноте человеку не помогут ни сила, ни упорство.

Агли героически сражался в неравной схватке с бушевавшей

метелью и неустанно пробивался вперед.

Внезапно он поскользнулся и упал. Копье зазвенело о мерзлую землю, с которой ветер сдул снег, а в боку он почувствовал боль. Агли осторожно поднялся и превозмогая боль, вызванную не зажившим еще ранением, снова пошел навстречу снежной буре.

Теперь он шел прямо против ветра.

Его неистовые порывы останавливали дыхание и вызывали кашель. Ветер со снегом немилосердно хлестал его и распахивал одежду из шкур, которую Агли не успевал поправлять и перевязывать сухожилиями. Снег проникал под шкуры на голое тело и таял, превращая их в неподатливый ледяной панцирь.

Почти совсем стемнело, когда Агли совершенно обессиленный дотащился до вершины скалы над пещерой.

Он быстро спустился по скалистому склону и, когда наконец достиг площадки перед входом, вздохнул с облегчением. Он благополучно возвратился, и принес с охоты хоть какую-то добычу. Он убил только лису, но и она на некоторое время утолит их голод и они смогут хоть один раз уснуть сытыми.

Едва Агли вошел в пещеру, раздался радостный крик. Это Гина приветствовала Агли. Как только она увидела его, сразу же исчезли все ее опасения за его судьбу. А когда она увидела, что он принес и лису, глаза ее загорелись; она была счастлива, что сегодня вечером в пещере снова появится аромат печеного мяса и что дети, она и Агли лягут спать хотя бы немного насытившись.

Пока Агли снимал с себя покрытые снегом обледенелые шкуры и развешивал их на выступах стены вблизи костра, Гина положила в огонь несколько смолистых ветвей и поправила камни, на которых Агли должен был печь мясо. Дин и Рем с любопытством осматривали лису и с нетерпением ждали мяса.

Лишь маленький Ван еще не участвовал в этой общей радости; он беспокойно спал на рысьей шкуре, утолив голод молоком матери.

Агли набросил на себя сухую шкуру и сразу же схватил лису и начал ее обдирать. Он был не очень доволен. На лисе было мало мяса — видно, и она в последнее время немало голодала.

Согнувшись над лисой, Агли проворно каменным ножом снимал шкуру.

Внезапно он резко выпрямился. Неожиданная боль, словно тысячи острых игл, кольнула его в бок и напомнила ему о старой незалеченной ране.

Агли стиснул зубы и ни единым стоном не выдал, что рана его еще очень чувствительна.

Когда приступ боли прошел, он снова наклонился над лисой и быстро закончил работу. Снятую шкуру отбросил к стене. Потом позвал Дина и велел ему поднять и повесить ее на какой-нибудь скальный выступ, потому что снег и лед на ней должны были растаять и шкура должна была хорошо просохнуть, прежде чем Гине можно будет ее обработать.

Потом Агли долго смотрел на ободранную лису. Размышлял, как лучше сделать, чтобы все досыта наелись и еще чтобы что-то осталось на ближайшие дни. Он понимал, что добыча невелика, что он разбередил свою рану и неистовая вьюга может продлиться несколько дней. Все это заставляло его беречь пищу. Но против голоса разума восставало чувство жалости к голодным детям.

Из задумчивости его вывел голос Гины, которая предлагала ему начать наконец печь мясо и не мучить ее голодом.

Тогда Агли схватил кремневый нож и без раздумий отделил от тушки два окорочка. Бросив их на раскаленные камни, он, разорвав лисе пасть, вырезал оттуда язык. Его он тоже положил на один из раскаленных камней и начал все осторожно печь. Приятный аромат печеного мяса распространялся вокруг костра.

Прошло немного времени, и все с аппетитом принялись за полупропеченное мясо. Лисий язык Агли оставил себе. Лишь кусочек этого лакомства дал Гине, но та его незаметно подсунула Дину и Рему — в этом матери одинаковы уже с первобытных времен.

Удовлетворенные, хотя и полусытые, все легли спать.

Снаружи между тем свирепствовала снежная буря.

Она продолжалась уже несколько дней и была более грозной, чем первая. Буря уже несколько раз ненадолго затихала, но вскоре начиналась с новой силой.

Голод, который на время отступил от обитателей пещеры, снова в нее вернулся. Это произошло после того, как Агли

разделил последний кусок мяса и последние мозговые кости убитой лисы. Ужасный голод стал властелином пещеры.

Мальчики плакали от голода, они были совсем истощены. Как тени, вяло бродили они по пещере в поисках какой-нибудь брошенной в период благополучия кости, на которой могли сохраниться куски засохшего мяса. Маленький Ван тоже стал беспокойным и часто плакал, так как молока матери ему едва хватало.

Гина сильно страдала и не только потому, что сама испытывала голод; сердце у нее сжималось от боли при виде голодающих детей — и это было для нее хуже всего. Но ни один стон не вырвался из ее уст, ни один упрек. Героически переносила она горькую нужду, хотя и была в полном отчаянии. Агли также не находил себе места. Он хорошо знал, что их ждет, если вскоре он не добудет мяса.

Чтобы сохранить жизнь, нужно иметь мясо! Чем больше, тем лучше!

Но добыть его нужно как можно быстрее, иначе они все настолько ослабеют, что превратятся в тени без воли и без жажды к жизни. Поэтому он решил, что пойдет на охоту.

Он хорошо завернулся в шкуры и, как только буря немного утихла, вышел. Не обращая внимания на вихрящийся вокруг мелкий снег, который колол и жег лицо, он шел против сильного ветра, который давил на него с такой силой, что он шатался. Медленно, с трудом он пробивался вперед, но тем не менее был полон твердой решимости вернуться с добычей или погибнуть. Но ни то, ни другое не произошло.

Несказанно усталый и обессиленный возвратился он вечером в пещеру.Покрытые снегом и льдом шкуры с досадой бросил к костру, в отчаянии лег на ложе и сразу же погрузился в тяжелый крепкий сон.

Его возвращение было для Гины и мальчиков большим разочарованием.

Пока он отсутствовал, они надеялись, что снова на какое-то время у них будет еда, что они насытятся и окрепнут. Они и не предполагали, что он может вернуться с пустыми руками. Поэтому их огорчение было особенно болезненным.

В пещере стояла могильная тишина. Лишь костер временами тихонько потрескивал.

На его пламя задумчиво глядела Гина. Тяжелые мысли бродили в ее голове.

Жалобное всхлипывание одного из мальчиков вывело ее из задумчивости.

Она быстро встала и подошла к мальчикам. Но те, однако,

спали, прижавшись друг к другу. Гина поняла, что это всхлипывание, видимо, вырвалось у одного из них невольно во время сна.

А между тем снежная буря свирепствовала с неослабевающей силой. С неистовым воем бушевала она около пещеры и по всей округе…

Прошла ночь и наступил день.

Агли, не обращая внимания на метель, снова пошел на охоту. Но опять безуспешно.

И так он еще дважды понапрасну бродил по степи и лесу, причем метель уже затихла. Однако нигде ничего он не мог найти. Звери либо куда-то ушли, либо попрятались в берлогах. Вокруг него были лишь снег и деревья. Но главным образом снег, искрящийся снег, который пугал его своей слепящей белизной, так как в его сознании он все определеннее превращался в белый призрак гибели.

Когда печальный и промерзший возвращался он с последней безуспешной охоты в пещеру, в его голове роились тяжелые мысли. Ради чего были все мучения и смертельная усталость, для чего был нужен охотничий опыт и большая отвага, если все время он возвращался без добычи и не мог отогнать от своего костра голод, который уносил их силы? Для чего была нужна его героическая борьба с трудностями, если глаза Гины и ее мальчиков после каждого его возвращения становились все печальнее, а их лица бледнее и истощеннее?

Но он знал, что большего он сделать не может, он честно исполнял свой долг и заботился о Гине и детях.

Он сделал все, что было в его силах. И если он по-прежнему не добыл ничего,то в этом, конечно, виноват был не он, а невидимые злые духи, которые будто бы есть всюду, от которых человек не может нигде скрыться и поэтому обречен быть в их власти. Они наверняка прогоняют зверей с его дороги, стирают их следы. Сам же он не знает волшебных обрядов, которые исполнял колдун их общины. Все верили, что он умеет своими чарами разрушать дурные вмешательства злых духов.

Эта мысль о мести каких-то злых духов глубоко проникла в сознание Агли, и он много об этом размышлял. Думал о том, как он должен их задобрить, чтобы они ему не мстили и помогали на охоте. Обещал им самую лучшую и самую сочную часть своей добычи, если не будут ему мешать охотиться и позволят убить хоть малую добычу.

Думал он об этом и всю обратную дорогу. В его безутешной печали и страхе перед будущим как спасительная звезда засветилась надежда, что теперь, когда он знает причину своих

неудач, то сможет найти способ, как умиротворить злых духов, которые ему вредят и домогаются жизней его, Гины и детей.

Он прибавил шагу, так как хотел быть скорее в пещере, где бы мог у костра спокойно продолжить свои размышления.

Он спешил, но еще не знал, что каждый шаг его безжалостно приближает к мгновению, когда его спасительная надежда быстро погаснет.

Так и случилось, едва он вошел в пещеру.

Испуганно посмотрел он на кучу шкур за костром. На ней от боли катались Дин и Рем. Руками сжимали животы и жалобно плакали. Среди их плача зазвучал голос Гины:

— Дин и Рем проглотили разжеванные сухожилия и куски кожи. Теперь они причиняют им боль.

Потом быстро подошла к Агли, с упреком посмотрела ему в лицо и сказала:

— Они страшно голодали, перебрали все кости, но ни на одной не было ни куска мяса, ни кусочка мозга. Маленький Ван также плачет от голода около пустой груди. Агли, мы все погибнем!

— Злые духи мне портят охоту,- ответил Агли глухим голосом.- Гонят от меня зверей и…

— Не злые духи, а наше одиночество ведет нас к гибели, — резко и огорченно выкрикнула Гина.

— Зачем мы только ушли из общины, где было много охотников и не было голода? Почему мы оставили совместную жизнь в общине и выбрали нужду одиночества? Почему?

И наверняка бы она продолжала плакать и жаловаться, если бы Дин жалобно не вскрикнул.

Гина быстро отвернулась от Агли и подскочила к мальчику. Она встала около него на колени и стала рукой тереть ему раздутый живот. При этом тихим голосом утешала и уговаривала его, чтобы он был терпеливым, что боль скоро пройдет и снова все будет хорошо.

Агли стоял словно окаменевший и в ушах у него все еще звучали резкие слова Гины.

Хуже всего было то, что он чувствовал всю их правдивость. Он вспомнил, что и сам обо всем этом думал и тоже пришел к выводу, что жизнь в общине не только дружнее и радостнее, но легче и безопаснее. Хотя и туда иногда забредает голод, но множество охотников его прогонят легче, чем один. И никогда в большой общине не бывает такого голода, который бы мог привести к ужасному концу.

Это не злые духи виноваты в их теперешних страданиях, а он сам, только он сам, который слишком полагался на свои силы и

отвагу и не обращал внимания на предостережения старых и опытных охотников перед уходом из общины. А если уж ушел сам, то не должен был разрешать Гине с детьми идти за ним.

Лишь он сам будет виноват в голодной смерти их всех.

Но как избежать страшного голода?

Этот вопрос глубоко засел в мозгу Агли. Он не мог от него избавиться, но не был в состоянии и на него ответить. Ведь он сделал все, что мог и что было в его силах! Большего уже он сделать не может! Но голод продолжал всех жестоко мучить.

С кучи шкур снова раздался плач Дина. Сразу же за ним жалобно заплакал маленький Ван.

От плача детей лицо Агли еще более помрачнело и на нем появились глубокие складки.

Неожиданно, как будто не в силах выдержать дольше детский плач, Агли подскочил к костру, взял из него большую горящую ветку и пошел в темную часть пещеры.

Он не остановился, пока не очутился в высоком зале, на стенах которого он кремневым резцом нанес изображение бизона.

Горящую ветвь он вставил в трещину в скале и сел на угловатый камень. Копье и лук со стрелами положил рядом на землю, охватил разгоряченную голову руками и снова погрузился в свои тяжелые мысли.

Так он сидел печальный, ослабленный голодом и усталостью и сокрушенный выпавшей на его долю тяжелой участью, бороться против которой он больше не мог. Тускло горящая ветвь освещала желтоватым светом его истощенное с глубокими морщинами лицо и под запавшими глазами вырисовывала широкие полукруги черных теней.

Внезапно он поднял голову и долгим взглядом посмотрел на изображение бизона.Чем больше он смотрел на него, тем сильнее разгорались его глаза каким-то удивительным блеском.

Неожиданно у него стало появляться чувство, что это не мертвое изображение, а существующий в действительности предмет его страстных желаний, огромное живое животное с вкусным мясом и теплой сладкой кровью. Под влиянием этого обманчивого представления он схватил в руки лук, приложил к нему стрелу, направил его на бизона и пустил стрелу.

Стрела засвистела в воздухе и ее каменный наконечник ударился о скалу.

Четкий и звонкий звук вывел Агли из одурманенного состояния. Раздосадованный, бросил он лук, а из его уст вырвались горькие слова разочарования. Потом, как будто желая, чтобы стрелы остались в теле животного, он быстро вынул из кожаного мешочка рычагообразный резец и вырезал на изображении бизона две стрелы.

Он поднял уже руку, чтобы вырезать и третью, но в этот момент ему стало ясно, какое это бесполезное занятие. Рука его опустилась и из раскрытой ладони выпал кремневый резец.

Злое выражение на лице исчезло, оно стало лишь озабоченным. Но он не мог оторвать своего вагляда от изображения бизона. Пристально смотрел на него и снова поддавался обманчивому впечатлению. Сердце Агли, полное горечи и страданий, начал переполнять радостный восторг при виде животного, которое в его мыслях становилось символом могучей силы, изобилия и благополучия, хорошей солнечной погоды и радости.

И вот в безмерном отчаянии Агли бросился на землю, подполз к изображению и жалобным голосом стал просить это большое и сильное животное о помощи и защите.

— Выйди из скалы, всемогущий бизон, оставь свою каменную

тюрьму и звуком своих крепких копыт разбуди тишину подземелья! Оставь пещеру, выбеги в широкую степь и в глубину леса и приведи исчезнувших зверей! Избавь нас от ужасного голода и отгони от нас смерть, которая уже крадется к нашему костру! Помоги и защити нас, сильный и всемогущий!

Так Агли — мужественный и храбрый охотник, подавленный трудностями жизни и страданиями одиночества в состоянии, близком к бреду, преклонил колени перед изображением бизона, которое в этот момент стало его идолом…

В то время, когда Агли в отдаленном зале пещеры взывал о помощи перед изображением бизона, снаружи была звездная ночь.

Где-то далеко в лесу пробегала стая голодных волков.

Они долго блуждали по холмам и долинам, прежде чем нашли следы небольшого стада бизонов. Со вздыбленной шерстью и оскаленными зубами помчались они по этому следу. Хотя стадо было далеко от них, они быстро его догоняли, так как быстрее пробирались по глубокому снегу и заносам, чем тяжелые бизоны.

Волки приблизились к бизонам на опушке леса. Стая сразу же разделилась на две части. Одна, под водительством старого опытного вожака стаи, выбежала из леса и помчалась по степи, чтобы напасть на стадо бизонов сбоку, а другая часть стаи продолжала его преследовать, по-прежнему придерживаясь следов.

Короткий и резкий лай предупредил бизонов об опасности. Они сбились в кучу и побежали по краю степи вдоль скал в долину, где была пещера Агли.

Но внезапно свирепый лай послышался и перед ними, и, прежде чем они успели опомниться, волки проникли между ними сзади и сбоку и старались разделить их ряды.

Несколько нападавших волков были подброшены вверх рогами быков. С разорванными животами они упали на землю и раньше, чем они смогли подняться, бизоны растоптали их тощие тела.

Но уловка волков все же удалась.

Несколько молодых бычков они все же отделили и отгоняли все дальше от движущегося стада бизонов. Бычки безрассудно метались в разные стороны и искали путь к спасению. Но со всех сторон на них смотрели оскаленные волчьи пасти. Один из молодых бычков попытался прорвать сужающийся круг волков и резко бросился на ближайшего волка, поддел его на рога и отбросил далеко в сторону. Затем обратился в бегство. За ним по пятам со свирепым лаем помчалось несколько волков.

Они его уже догоняли, уже хотели вцепиться ему в горло, когда бизон неожиданно резко остановился и хотел повернуть назад. Но в этот момент под ним обрушился кусок скалы, и бизон полетел вниз.

Волки моментально остановились и осторожными шагами приблизились к краю скалистого склона. Они увидели, как тело бизона несколько раз сильно ударилось об острые выступы скал и с переломанными конечностями осталось лежать далеко внизу.

Волки некоторое время пристально смотрели на красновато-коричневое пятно тела бизона. Казалось, они колебались, спускаться ли им по отвесным скалам. Но неистовый лай и ворчание остальных волков, раздававшиеся за их спинами, вернули их назад, так как там их уже ждал богатый пир…

Остатки ночной темноты исчезли и дневной свет разлился В пещере у пылающего костра сидел Агли. Лицо его выглядело утомленным, а глаза были печальны. Его тоже ужасно мучил голод и отнимал у него последние остатки сил.

Невдалеке на куче сухой травы лежала Гина с детьми. Они еще спали.

Агли тихо встал и начал одеваться в теплые шкуры. Он хотел снова пойти на охоту, хотел снова испытать счастье.

Случайно его взгляд остановился на спящих, и сердце его затрепетало.

Он увидел истощенных мальчиков, Дина и Рема, исхудавшее лицо Гины с растрепанными волосами и с грудью без молока, к которой она прижимала худое тельце маленького Вана. Уже давно у них исчез с лиц румянец, а с ним и блеск их свежей кожи. Это уже не была прежняя Гина, это уже не были сильные и здоровые дети!

Агли бросил несколько сухих ветвей в костер, чтобы он не погас, отвалил от входа камень и вышел наружу на морозный воздух.

Он уже собрался вскочить на утес над входом в пещеру и двинуться по каменистой тропе к лесу, когда увидел тело бизона, который ночью, спасаясь от волков, упал со скалы. Он лежал как большой валун, без всякого движения.

Сначала Агли от удивления остолбенел. Только через некоторое время он громко ликующе засмеялся и побежал к бизону. Часто скользил по обледенелой поверхности скал, проваливался в глубокие ямы между камнями, когда неосторожно наступал на снежные заносы, но не обращал на это никакого внимания. С большой радостью преодолевал он все препятствия.

Наконец он достиг тела мертвого бизона и начал прыгать и кричать, смеяться и танцевать. Уныние и отчаяние исчезли, сердце его наполнилось приятным теплом от мысли, что пришел конец голоду. Вскоре, как только у костра распространится аромат первых кусков пекущегося мяса, голод будет изгнан из пещеры, а с ним и все остальные заботы. Тела детей снова окрепнут, их лица округлятся и опять покроются румянцем.

Счастливый Агли наклонился над бизоном и кремневым ножом вырезал из тела большой кусок мяса. Потом торопливо двинулся к пещере. Он не мог дождаться, когда наконец придет с мясом к костру и расскажет Гине о том, что нашел. Он очень спешил и, не отдохнув с дороги, проворно пролез через вход и направился к костру.

Он шел как победитель, выпрямившись и подняв руки высоко над головой. В одной руке крепко держал копье, в другой сжимал

кусок мяса бизона.

С кучи сухой травы и шкур на него изумленно глядели Гина и дети.

Внезапно Гина с безумной радостью громко закричала: «Мясо… мясо!»

Резко вскочив, она подбежала к Агли, вырвала у него из рук мясо и, схватив у костра кремневый ножик, быстро отрезала от куска две узкие полоски, которыми наделила Дина и Рема. Одну полоску отрезала и себе, и все трое впервые за долгое время с аппетитом стали жевать сырое мясо.

Агли тоже отрезал себе кусок мяса и стал его жадно есть.

Все ели молча. Когда они утолили первый голод, Агли отрезал новые куски и положил их на раскаленные камни. Теперь уже можно было немного подождать, ведь печеное мясо вкуснее.

В этот момент Агли вспомнил, что нужно бы Гине похвалиться своей находкой. Поэтому он сказал ей, чтобы она завернула ноги в шкуры и вышла с ним на площадку перед пещерой. Когда он оттуда показал ей огромную тушу бизона, она вскрикнула от радости и восторга.

Она понимала, что замерзшего мяса большого животного им хватит надолго. Призрак ужасной голодной смерти рассеялся как легкое облачко пара. После долгого перерыва глаза ее снова засветились от счастья и радости. «Пока съедим мясо бизона, — думала Гина, — пройдет много времени. Потом Агли убьет новых животных. А затем уж придет конец зиме, конец ужасного жестокого периода с глубоким снегом и морозом. А как только снег исчезнет и солнце прогреет землю, она оттает и деревья пробудятся ото сна».

Снова наступит весна, время прекрасных рассветов и одурманивающих вечеров, солнечных дней и влажных ночей, и это будет время, когда они оставят это ужасное одинокое место и возвратятся назад в общину, оставят пещеру, видимо навсегда, если не найдутся другие охотники и женщины, которые бы захотели открытую ими пещеру сделать своим новым домом. Сами они сюда уж никогда не вернутся; слишком много испытали они тягот жизни в одиночестве, поняли, как слаб одинокий человек в безжалостной борьбе с природой за сохранение только самой жизни.

Все это в одно мгновение пронеслось в голове Гины. Когда она взглянула в глаза Агли, ей показалось, что такие же мысли бродят и у него. Она улыбнулась и мягкой ладонью погладила глубокие складки на его лбу. Потом схватила его за руки и крепко их сжала.

Агли посмотрел на нее долгим взглядом и тихо сказал:

— Теперь уже всем будет хорошо, Гина! Детям, тебе и мне!

И как будто устыдившись, резко отвернулся от Гины и поспешил к пещере. Счастливая Гина поспешила за ним.

В пещере их приветствовал приятный аромат печеного мяса. Когда они уселись у костра, Агли увидел, что одного куска не хватает.

В этот момент Гина легонько схватила его за руку и прошептала:

— Пусть гнев не наполняет твое сердце суровостью! Это голод взял мясо от костра!

А так как лицо Агли оставалось нахмуренным, она добавила:

— Ты уж забыл ужасы голода, которые здесь видел? Будь доволен, что ты его выгнал из пещеры и не зови сюда другое зло!

Едва замолкли эти слова, в голове Агли промелькнуло, что это не он прогнал голод и приближающуюся смерть. Он лишь нашел то, что ему было приготовлено, чтобы не погибнуть…

В этот момент он вспомнил об изображении бизона, перед которым в отчаянии и горячечном бреду искал он последнее утешение и помощь.

— Это был он, — подумал Агли, — который в чудодейственную ночь помог мне в момент самой большой нужды и бедности.

Какое-то время он сидел задумавшись, потом встал и сказал Гине:

— Раздели мясо себе и детям! Мою долю отложи в сторону. Возьму ее, когда возвращусь.

Он взял из костра толстую ветвь, несколько раз ею сильно взмахнул и, когда она ярко запылала, медленным и важным шагом пошел в глубину пещеры.

Гина с удивлением наблюдала за Агли.

Однако затем что-то мелькнуло в ее сознании, она взяла с горячих камней два куска мяса, наделила ими Дина и Рема и быстро двинулась за Агли.

Она шла в темноте, спотыкаясь и не обращая внимания на болезненные удары об острые выступы на стенах пещеры.

Проход неожиданно изогнулся, и когда Гина прошла этот изгиб, то увидела слабый свет. Осторожно она подкралась поближе. Через несколько шагов она остановилась необычайно удивленная.

В тусклом свете горящей ветви, воткнутой в щель в скале, она увидела высокий полукруглый зал с почти отвесными стенами.

В одном месте каменной стены Гина заметила прекрасную гравюру могучего бизона с двумя стрелами в боку. Перед гравюрой на земле стоял на коленях Агли и пристально смотрел на бизона. Неожиданно он развел руки, поднял их над головой и низко поклонился изображению животного. Потом сделал поклон, затем еще один. Гина с удивлением смотрела на Агли…

Весенние ветры промчались над краем, и солнце стало греть все теплее и жарче. Исчез последний снег, а с ним ушла и зима.

Вдоль берега ручья, где расцветали золотые цветы калужницы, спешил одинокий охотник, а за ним женщина с детьми.

Шли они все время вперед, ни разу не обернувшись и не взглянув на вход в пещеру, которую только что покинули. Они не собирались возвращаться в нее никогда. Не отважились жить дольше в пещере, в дальнем зале которой охотник в самый трагический момент жизни выгравировал на стене кремневым резцом изображение бизона. Живой бизон в период голода становился недосягаемым священным идолом для одинокого охотника.

Они шли вперед без остановки, все быстрее, чтобы как можно скорее прийти к тем, кого когда-то так безрассудно покинули…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель, когда ты дочитаешь книгу до этой страницы, я должен буду сказать тебе, что истории, которые я тебе рассказывал, не являются полностью выдуманными. Это результаты научных находок, накопленные в течение долгого времени палеонтологами всех стран, которые я лишь собрал в одно целое и в форме рассказов познакомил тебя с ними.

Поэтому знай, что животные, о жизни которых ты прочитал, действительно жили. Они действительно были такими, какими они изображены, и жили именно в такой среде, которую я описал в рассказах!

Не сравнивай поэтому, дорогой читатель, эту книгу с другими похожими, которые тебе, по-видимому, известны. В них правда и действительность в большинстве случаев, как маленькие песчинки, теряются в обширной пустыне фантазий и ложных сенсаций. По сравнению с событиями в этих книгах мои рассказы, наверное, покажутся очень простыми. Но именно поэтому они очень близки к правде.

Каждый из рассказов отображает событие, происшедшее в какую-то геологическую эпоху на определенной небольшой территории тогдашнего мира. Они описывают жизнь лишь незначительной части живых существ исчезнувших материков и морей в том или ином геологическом периоде. Прочитав их, ты узнаешь, дорогой читатель, что в разных эпохах на нашей Земле жили различные животные и росли разнообразные и удивительные растения, которые сейчас уже нигде не живут и не растут.

Некоторые типы растений, которые в определенную геологическую эпоху были очень распространены и поэтому очень важны для установления возраста отдельных геологических формаций, уже давно вымерли и в современной флоре от них не осталось ни малейшего следа. Это относится, например, к споровым растениям — древовидным хвощам (Calamites) и плаунам (Lepidodendron, Sigillaria).

Точно также исчезли и так называемые кордаиты (Cordaites). Это были голосеменные* деревья, высокие и стройные, с неравномерно разветвленными кронами и длинными кожистыми листьями, которые в виде густых спиралей были собраны на концах ветвей.

[*Голосеменные растения представляют собой переходную ступень между растениями споровыми (например, папоротники) и покрытосеменными (например, яблоня, овес). Они имеют

шестилучевые соцветия и цветы без оболочек. Зародышевая часть цветка голая, не покрытая лепестками, а поэтому и семечко без кожуры. К голосеменным сейчас относятся, главным образом, хвойные деревья.]

Тебе, наверное, будет интересно знать, дорогой читатель, что эти вымершие деревья получили свое название по имени ботаника, и палеонтолога, который был хранителем бывшего Музея королевства чешского (ныне Национальный музей) в Праге. Аугустус Иозеф Корда (1809 — 1849) погиб при кораблекрушении «Виктории», когда возвращался из поездки по Америке.

Мы знаем также такие типы растений, которые в той геологической эпохе, когда они впервые появились, были очень редкими и только позднее необычайно развились или очень широко распространились на Земле, хотя в наше время опять растут только в определенных местах — эндемичные формы. Так, например, первые хвойные деревья семейства Walchia (роды Lebachia и Ernestiodendron), относящиеся к растениям, похожим на араукарии (Araucariaceae), впервые появились в нижних слоях пермской системы палеозойской эры. Хотя они в конце этого геологического периода полностью вымерли, тем не менее в начале мезозойской эры появился родственный тип — араукария (Araucaria). Еще в третичном периоде араукарии росли в Европе, а сегодня они растут только в странах южного полушария. Наверное, тебе не известно, дорогой читатель, что один из видов араукарии (Araucaria excelsa) выращивают в домашних условиях или в декоративных парках.

Кипарисовые растения (Cupressaceae) также в третичный период были распространены в Европе шире, чем теперь. Из этих хвойных растений древовидного или кустарникового облика в Центральной.и Северной Европе растут только можжевельник (Juniperus) и в Средиземноморье — кипарис истинный вечнозеленый (Cupressus sempervirens), который характерен своей пирамидальной кроной. У нас часто сажают и тую (Thuja), главным образом, в парках, хотя раньше в наших местах она росла в изобилии.

Редкое сегодня дерево секвойя (вид Sequoia gigantea является известным североамериканским гигантским деревом) было в меловом периоде мезозойской эры и в третичном периоде так распространено, что его отпечатки и остатки мы находим в меловых слоях даже полярных областей. Это также свидетельство того, что в геологическом прошлом в. полярных областях климат был не таким суровым.

Начиная с карбонового и пермского периодов палеозойской эры в разных слоях встречаются остатки удивительных хвойных

деревьев, наиболее известным представителем которых является гинкго (Cinkgo biloba). Первые представители гинкговых появились уже в переходных пермокарбоновых слоях (Psygmophyllum). Много видов рода Cinkgo было в изобилии распространено в юрском периоде, но уже в меловом и третичном периодах количество гинкговых сократилось. Гинкго является хвойным деревом, которое, однако, вместо игл имеет широкие раздвоенные листья с веерообразной сетью неветвящихся жилок. К зиме листья опадают. В наше время гинкго растет главным образом в Китае и Японии. В Чехословакии и в других местах его разводят в основном в парках как декоративное дерево.

И у цикадовых растений (Cycadaceae) период расцвета и широкого распространения давно прошел. Эти древние голосеменные растения похожи на деревья или кусты с короткими шарообразными или цилиндрическими стволами. Первые их представители росли уже в конце палеозойской эры; например, пермский род Pterophyllum известен в моравских слоях, относящихся к нижней перми. В мезозойскую эру цикадовые растения достигли очень широкого развития и относились к одним из главенствующих растений этого времени. Древовидные типы цикадовых (Cycas и другие роды) по внешнему виду были очень похожи на пальмы, в том числе и своими длинными, разделенными на перистые дольки листьями, состоящими из очень жестких полосок. Сухие и отпрепарированные листья цикада японского (Cycas revoluta) неправильно называют пальмовыми листьями. Цикадовые разводят в Европе в оранжереях. Свободно они растут сейчас лишь в тропиках и субтропиках.

* * *

Действие первого рассказа «Исчезнувший мир» происходило примерно 250 миллионов лет назад где-то в районе города Пльзень. Это время соответствует позднему карбону палеозойской эры, когда образовались самые крупные месторождения каменного угля. В эту эпоху там было бесчисленное множество болот и топей, в которых росли представители удивительной флоры.

В то время там произрастали леса огромных древовидных хвощей (Calamites) и плаунов (Lepidodendron, Sigillaria), которые достигали высоты 10 — 30 м при диаметре стволов 10 — 30 см.

Большие заросли образовывали папоротники (Alloiopteris, Mariopteris, Rhacopteris и др.), которые были похожи часто на лианы или деревья (род Sphenopteris, некоторые виды рода Pecopteris).

Особую и совершенно самостоятельную группу флоры в позднем карбоне представляло вымершее семейство вьющихся растений Sphenophyllaceae (род Sphenophyllum).

Удивительными были представители группы Pteridospermae (также называемые Cycadofilicales), папортникосеменные, которые были важной переходной группой между споровыми и семенными (у них вместо спор были семена). Это были низкие растения, похожие на лианы, и обычные деревья, которые за их папортникообразный вид ранее считали тайнобрачными споровыми. Только выдающийся словацкий геолог и фитопалеонтолог Дионис Штюр (1827 — 1893) первым обратил внимание, что эти растения, дающие настоящие семена, не относятся к папоротникам, которые размножаются спорами, хотя по внешнему виду подобны им. К этим удивительным, очень важным для понимания эволюции растений относятся Alethopteris, Neuropteris, Linopteris, Odontopteris, Pecopteris Pluckenetti, Sphenopteris Hoeninghausi и много других.

Из явнобрачных семенных в болотах верхнего карбона росли прежде всего различные виды рода Cordaites. Это неправильно ветвящиеся деревья с длинными листьями, которые были сосредоточены на концах ветвей в виде густых спиралей; цветы (Cordaianthus) были разнополыми (двух видов — мужские и женские), плоды (Cordaicarpus) имели форму сердца. Изредка на этих болотах встречались представители цикадовых (Whitleseya) и хвойных (Walchia).

Важной особенностью этих растений позднего карбона (а позднее и нижней перми) был их быстрый рост.

Многие фитопалеонтологи считают, что высокие стволы огромных хвощей, плаунов, древовидных и лианообразных папоротников вырастали, видимо, за один год или немного более. Однако древесные породы росли десятилетиями.

Буйный и быстрый рост этой флоры обусловливался кроме иных причин благоприятным климатом.

Ранее считали, что эта флора росла в тропическом климате. Но данные о том, что древовидные и другие папоротники нуждаются для быстрого роста не столько в тропической температуре, сколько в постоянной температуре и высокой влажности, способствовали кроме других причин изменению во взглядах на климат карбонового периода, который сейчас считают субтропическим и влажным. Характер флоры указывает

на сильные дожди, которые, по мнению одних ученых, выпадали всюду на Земле, а по мнению других — были типичны только для областей, покрытых во время позднего карбона лесами.

Благоприятное влияние на буйный рост растительности, по-видимому, имело высокое содержание окиси углерода (CO_2), попавшей в воздух при активной вулканической деятельности. Не удивительно, что богатая растительность способствовала широкому и разнообразному развитию как травоядных животных, так и хищных.

Древние леса в позднем карбоне стали обиталищем удивительного насекомого (Palaeodictyoptera), одного из предков летающих насекомых, любопытных первобытных земноводных покрытоголовых (Stegocephalia), самых древних сухопутных четвероногих и, наконец, разных древних пресмыкающихся, из которых самым чудовищным был Edaphosaurus.

Его остатки были найдены в Пльзенском и Росицко-Ославанском районах; в последнем обнаружено скопление обломков позвонков с шипами, которые, вероятнее всего, были поломаны при наводнениях.

В водах болот и рек жили первобытные хищники (Pleuracanthus) со страшными шипами за головой, много мелких рыбок из рода Acanthodes с мелкими квадратными чешуйками и шипами перед каждым плавничком, а также стеклочешуйчатые рыбы (Amblypterus, Pyritocephalus, Palaeoniscus).

Под камнями и гниющими стволами искали убежище первобытные сороконожки и многоножки (Glomeropsis, Archiscuderia, Acantherpestes, Euphoberia, Pleurojulus, Hemiphoberia и др.), иногда и первобытные скорпионы (Cyclophthalmus) и огромные загадочные сложночленистые членистоногие из рода Arthropleura.

В бесчисленных укрытиях сидели в засаде древние пауки (Hemiphrynus, Promygale, Anthacomartus, Rakovnicia, Antracophrynus и др.), брюшко которых состояло из отчетливых члеников.

В познании животного мира позднего карбона большие заслуги имеет доктор Антонин Фрич (1832-1913), профессор Пражского университета и заведующий зоологического, палеонтологического и геологического отделов Национального музея в Праге. Изучать этих животных он начал совершенно случайно. В 1862 г. он узнал, что на пражском газовом заводе для производства газа используют ниржанские угли, которые будто бы содержат какие-то остатки животных. А. Фрич не мешкая просмотрел угли и, убедившись, что они действительно содержат редкие остатки фауны, без колебаний решил их исследовать. С

течением времени он собрал столько материала из ниржанских верхнекарбоновых отложений (позднее и из-под крконошских пермских отложений), что при его изучении не писал четыре большие книги. Это исследование, известное прежде всего фундаментальным изучением стегоцефалов (Branchiosaurus, Dawsonia, Limepeton, Hyloplesion, Seelea Microbrachis, Cochleosaurus, Gaudria, Nyrania, Keraterpeton, и др.), было оценено и за границей. Лондонское геологическое общество удостоило его премией Лайеля*, а Парижская Академия — премией Кювье**.

[*Чарлз Лайель (1797 — 1875).]

[**Жорж Кювье (1769 — 1832).]

Леса, которые выросли на обширных болотах и топях внутриконтинентальных котловин или около морей вблизи устьев рек во время позднего карбона (также и во время ранней перми), затем дали начало каменному углю, который имеет очень большое народнохозяйственное значение в жизни всего общества.

В периоды частых и сильных дождей во внутриконтинентальных котловинах происходили мощные наводнения, образовывались большие наносы песка и ила, которые сегодня встречаются в угленосных горизонтах в виде перемежающихся с углем слоев глинистых и шиферных сланцев, песчаников и конгломератов.

В периоды редких дождей наступало время, благоприятное для развития растительности. Тогда обширные котловины начинали покрываться зеленью растений.

Согласно Краузу, это были древовидные хвощи из рода Calamites, которые первыми вырастали на покрытых илом и песком котловинах, и только позже, когда они создали гумусовую почву, стали появляться другие споровые и первые семенные растения.

В периоды наибольшего расцвета болотистые котловины покрывались зеленым плащом похожих на плауны, хвощи и папоротники растений, корни которых проникали в илистые и песчаные наносы. И сегодня в основании угольных пластов мы находим породы, которые во всех направлениях пересечены разными корнями — это Stigmaria. Поэтому такие слои под угольными пластами называются корневыми или стигмариевыми почвами; они представлены стигмариевыми сланцами или песчаниками.

Отмершие корни и ветви падали во влажную болотистую почву и там в результате их медленного погружения были законсервированы полностью или хотя бы частично. Слой ложился на слой, в результате чего образовался торфяник, мощность которого постоянно увеличивалась. В периоды, когда в

краю происходили сильные бури, особенно резко увеличивалась мощность торфяного слоя, так как буря выворачивала и ломала множество огромных деревьев. Среди бурелома уничтоженных лесов затем вырастали новые деревья, генерация за генерацией, и все они способствовали увеличению мощности торфяника.

В нагромождениях растительных остатков в этих торфяниках, покрытых чистой водой многих потоков, протекавших по котловинам, начинался процесс углефикации. Мы знаем, что при отсутствии кислорода наступает распад клетчатки или целлюлозы $(C_6H_{10}O_5)_n$ согласно реакции:

$$C_6H_{10}O_6 \rightarrow CO_2 + 3H_2O + CH_4 + 4C$$

Этот процесс можно сравнить с термической перегонкой. Окись углерода CO_2 и углеводород метан CH_4 уходят главным образом в воздух, вода H_2O переходит либо в виде пара в воздух, либо впитывается в землю. Ввиду того, что окиси углерода и воды образуется больше, чем метана, больше всего убывает кислорода O, несколько меньше водорода H и углерода C, и всегда остается вещество, обогащенное углеродом и обедненное кислородом и водородом. Такой процесс в различные геологические эпохи приводил к преобразованию торфа в каменный уголь и антрацит и заканчивался лишь образованием графита, который содержит почти 100% углерода.

Углерод, водород и кислород встречаются в углях, в виде твердых соединений и от соотношения их количеств зависит калорийность углей.

Нагроможденные растительные остатки, которые переходят в угли, все время уменьшаются в объеме не только за счет потери летучих веществ (воды, окиси углерода и углеводородов), но и под давлением вышележащих пород. Это уменьшение объема нельзя выразить точными цифрами. Но тем не менее считается, что слой каменного угля составляет от 1/8 до 1/5, а слой антрацита — примерно 1/12 часть первоначального объема растительной массы.

Можешь ли ты, дорогой читатель, представить, сколько растительной массы потребовалось для образования питтсбургских угольных слоев в США, которые при постоянной толщине 2 м занимают площадь 5450 кмI?

Угольные слои имеют характер типичных пластов. Их толщина (мощность) бывает различной, от нескольких сантиметров до 10 м, редко свыше 10 м. Самым мощным каменноугольным слоем в мире является антрацитовый слой «Мамонт» в Пенсильванском бассейне (Северная Америка); в

южной части бассейна его средняя мощность составляет 15 м.

Площадь угольных бассейнов очень различна. Мирошовский бассейн, например, имеет площадь 5,5 кмI, Верхнесилезский — уже 5757 кмI, а Миссурийский в Америке — даже 202000 кмI.

По внешним свойствам мы выделяем угли матовые и угли блестящие. Последние возникли в результате изменения компактной растительной массы.

Разновидностью матовых углей являются угли «свечные», которые можно обрабатывать на токарном станке и полировать; это прекрасные газовые угли, образовавшиеся из мелких растительных остатков. На ниржанских шахтах, где они также встречаются, их называют углями пластинчатыми. Подобные им богхеды, получившие это название по одной шотландской деревне, отличаются лишь большим содержанием золы.

Угли волокнистые, также называемые фюзеновыми, образовались путем прямой углефикации растительных частей, например при древних лесных пожарах, или из сгнивших растительных остатков.

По содержанию летучих веществ угли делятся на жирные (спекшиеся угли с большим количеством газов) и нежирные, или тощие (песчанистые и шлаковые угли, бедные газами).

Если водные потоки несли в котловины с зелеными лесами только чистую воду, то торфяники содержали лишь остатки растений; сегодня вместо них мы имеем пласты чистого каменного угля.

Если же, однако, временами в котловину после больших дождей воды приносили ил, он оседал между стволами растений, ветвями и листьями, давая начало загрязненному горючему веществу, современному нечистому углю, или «горжлаку». Если наносы ила были более мощными, они покрывали слоем всю котловину или некоторую ее часть; в угольном слое возникали пропластки сланцев или песчаников.

Когда наступало более длительное изменение климата, проявлявшееся на материке, окружавшем котловину, в более продолжительных и сильных дождях, водные потоки приносили в низины и торфяные котловины большое количество ила и более грубого материала. Эти наносы оседали в наиболее глубоких местах котловины, заносили корни древовидных хвощей (Calamites), плаунов (Lepidodendron и Sigillaria) и других растений, мешали их росту и наконец приводили к их отмиранию. Если наводнения часто повторялись, то это впоследствии обусловливало образование мощных пластов сланцев или песчаников.

Повторение этих процессов являлось причиной

возникновения мощных угленосных толщ, в которых угольные слои перемежаются с пластами сланцев, песчаников, аркозов или конгломератов. Такие угленосные толщи отдельных каменноугольных бассейнов часто имеют мощность в несколько тысяч метров, что обусловлено медленным прогибанием дна котловины в процессе осадочного цикла. В свою очередь постоянное опускание почвы было причиной образования торфов, так как поверхность погружающейся котловины всегда была болотистой.

Там, где опускание прекращалось, котловина покрывалась наносами, болота исчезали и вскоре исчезали и условия для дальнейшего образования торфа. Хотя растительность там оставалась,но это были лишь разновидности, произраставшие на сухой почве (не в воде), и когда они отмирали или падали от сильного ветра, то истлевали на воздухе, так как не могли попасть под защитный слой воды.

Из этого следует, что образование угольных слоев, их мощность и количество в угленосной толще не были случайными и зависели от многих факторов.

Торфяники во время позднего карбона возникали как внутри континентов, далеко от моря, так и вблизи морского берега.

Внутриконтинентальные бассейны заполнялись только пресноводными осадками и получили название лимнических угольных бассейнов.

Напротив, торфяники, располагающиеся около берегов моря, при колебаниях уровня моря часто заливались морской водой и покрывались морскими осадками. Такие угольные бассейны называются паралическими и характеризуются тем, что между пластами пресноводного происхождения с пресноводной или сухопутной фауной и флорой располагаются пласты морского происхождения с типичными морскими животными, например трилобитами, лилиями, плеченогими и т. д.

К лимническим бассейнам относятся, например, все каменноугольные бассейны Чехословакии, к паралическим — лишь Остравский район Верхнесилезского бассейна.

Основой каменноугольных слоев были здесь древовидные растения болот и топей, которые росли во время позднего карбона (ранней перми).Что было бы теперь без угля? Без угля, например, в последние 100 лет нельзя было бы широко использовать паровые машины для приведения в движение машин на заводах, электростанциях и на транспорте. Недаром уголь называют «черным золотом»!

Еще одно интересное замечание о значении угля. Верно его выразил инженер Вацлав Шуста (1892 — 1953), когда написал

следующее:

«Так же, как современные деревья в своей древесине накапливают солнечную энергию, которую воспринимают в форме света и тепла, мы можем говорить, что сейчас выкапываем из-под земли солнечную энергию, накопленную растениями миллионы лет назад».

Это определение мы должны, однако, немного дополнить, так как кроме солнечного тепла карбоновая растительность воспринимала также тепло земное. Таким образом, в углях законсервирована энергия солнечная и земная.

Иногда люди называют угли «окаменевшей тьмой». Однако это не совсем так. Насколько это выражение правдиво, ты, дорогой читатель, можешь судить уже сам, прочитав книгу. Ведь современные угли когда-то очень давно были зелеными лесами, полными солнечного света, с грозными бурями, красотой восходов и заходов солнца, с богатой и разнообразной фауной, но в мире, безмерно удаленном от нашего, в мире действительно исчезнувшем…

* * *

Второй рассказ «Последний путь» был написан по находкам вблизи Троссингена и Галберштадта, где найдены остатки огромных ящеров из рода Plateosaurus, относящиеся к триасовому периоду мезозойской эры. В раскопках и изучении их имеет заслуги прежде всего тюбингенский профессор палеонтологии Ф. фон Хюне.

Согласно обстоятельствам, при которых были сделаны находки, профессор Хюне считает, что платеозавры жили на горном плато, которое в период позднего триаса было отделено от побережья внутриконтинентального моря широкой полосой пустыни. Это была пустыня, покрытая песком, с мелкими котловинами, в период больших дождей заполненными водой, которая не могла впитаться в землю из-за непроницаемого илистого основания.

Но, наконец, жгучие солнечные лучи все-таки высушили эти мелкие лужи, а ветер нанес на их вязкое илистое дно тонкий слой пыли и песка. Это произошло как раз в то время, когда платеозавры вынуждены были покинуть горное плато из-за недостатка пищи и переселиться к морскому побережью, где пищи было вдоволь. Когда случайно какое-то из переселяющихся

стад забегало на высохшее дно лужи, ноги платеозавров погружались в мягкий ил, который облеплял их пальцы и затруднял им дальнейшее продвижение.

Поэтому случалось, что молодые или очень старые платеозавры (были найдены лишь их скелеты), утомленные долгим бегом, не могли уже высвободиться из липкой грязи, увязали в ней и погибали.

Профессор Хюне считает, что никогда все платеозавры не достигали морского берега, что всегда некоторые из них погибали. То же самое случалось и при возвращении их с морского побережья на горное плато, так как по этому пути платеозавры, по мнению профессора Хюне, путешествовали регулярно. Как только на горном плато наступал сухой период, платеозавры двигались к морскому побережью, где они находили много пищи как на самом побережье, так и в многочисленных лагунах. Когда же на горном плато снова наступал влажный период, они возвращались домой, так как там у них опять было много пищи.

Ширина пустынной полосы между горным плато и морским берегом, по представлениям профессора Хюне, основанным на характере пород, составляла примерно 100 км. Исходя из длины шага, он высчитал, что платеозаврам нужно было две ночи, чтобы пройти это расстояние, так как во время дневной жары они отдыхали. В основу расчета он положил размеры скелета сравнительно молодого платеозавра, задняя нога которого имела длину 1,3 м. Обычный шаг такого животного при среднем темпе хода составлял примерно 1 м. За 10 секунд он делал примерно 20 шагов, что соответствовало 120 м в 1 минуту, или 7,2 км в час и примерно 100 км за 12 часов. Согласно этому расчету достаточно было одного дня или одной ночи, чтобы платеозавры перебежали пустыню.

Но сам профессор Хюне предполагает, что этот большой переход через пустыню совершался в два приема, причем главным образом вторая часть пути для молодых, больных или старых животных была очень опасной.

Ведь кругом не было воды, растительности — последняя часть этого пути требовала и от здоровых и сильных животных полного напряжения всех сил.

Рассказ в соответствии с исследованиями профессора Хюне, дает представление о последних днях жизни старого и больного платеозавра на горном плато и его смерти в пути к морскому побережью. Очень много времени прошло после этих событий — самое малое 170 миллионов лет!

* * *

Третий рассказ — «Бухта драконов» посвящен жизни в море и на его побережье в самом раннем периоде мезозойской эры — триасовом.

В то время там обитали удивительные пресмыкающиеся, из которых одни были похожи на сказочных драконов (Nothosaurus), другие обладали телом треугольного профиля (Plakodus), а третьи имели длинную, как у жирафа, шею (Tanystrophaeus).

Эти последние показаны согласно находкам швейцарского палеонтолога профессора Пейера, который обнаружил один почти целый скелет на холме Мон Сан Жоржио, поднимающемся на южном берегу озера Лугано.

Танистрофеус, остатки которого были известны более ста лет назад, до находки профессора Пейера считался загадочным животным. Были лишь сведения о его длинных шейных позвонках и они настолько ввели в заблуждение первых исследователей, что те считали их костями конечностей гигантского ящера или позднее — костями крыльев летающих ящеров.

Таким же загадочным долго был и плакодонт. От этого ящера нам долгое время были известны лишь плоские, похожие на пуговицы, зубы, которые исследователи приписывали рыбам. Только когда нашли целый череп, выяснилось, что это пресмыкающееся, но палеонтологи не были едины во взглядах на то, был ли это ящер или черепаха. Только счастливая находка редактора Кёнига, обнаружившего в карьере около Штейнсфурта вблизи Гейдельберга полный скелет, сразу разрешила все споры.

Как жили эти удивительные пресмыкающиеся, в какой среде они обитали и какие существа их окружали, все это ты узнал, дорогой читатель, если внимательно прочитал этот рассказ. Его события происходили примерно 160 миллионов лет назад!

* * *

Действие четвертого рассказа «Переоцененные силы» переносит нас из Европы далеко за море в штат Вайоминг в Северной Америке.

В период палеогена кайнозойской эры на территории современного Вайоминга простиралась покрытая озерами и болотами и поросшая обширными лесами равнина. В лесах жили

многочисленные млекопитающие древних, давно уже вымерших, родов, иногда очень удивительного облика (например Uintatherium). В болотах и озерах обитали различные рыбы, а около них жили крокодилы и черепахи. Вокруг простиралась сухая степная полоса, служившая обиталищем различных степных животных, прежде всего удивительных предков современной лошади (Orohippus). Это была область, в которой жили и развивались самые древние млекопитающие.

А вокруг этой огромной покрытой озерами котловины, окаймленной степью, возвышались могучие вулканы, которые в периоды их пробуждения от состояния покоя несли гибель всему живому вокруг них. В разрезе отложений этой области мы находим мощные пласты вулканического пепла, которые погубили и захоронили много живых существ; целые их скелеты сохранились до сегодняшнего времени. Но в периоды вулканического покоя здесь процветала и разнообразная жизнь, показанная в нашем рассказе.

От трагического конца древнего хищника синоплотерия, погибшего под ногами огромных уинтатериев когда-то в среднем эоцене (палеоген), прошло не менее 50 миллионов лет.

* * *

В рассказе «Озеро ужасов» описана природа и ее обитатели в эпоху неогена на территории Чехии вблизи Рудных гор.

Это происходило в то время, когда там был еще субтропический климат, о чем свидетельствует широкое развитие лиственных лесов. Основные типы деревьев — различные виды дубов, бука, клена, орехового дерева, скумпии, ильма, платана, каштана и др., ныне растущих в южной Европе и на Кавказе. Большие леса образовывали и хвойные деревья, прежде всего сосны, секвойи, тисы, глиптостробы и другие. Тропические представители, например пальмы, отступили на юг или удержались здесь как последние редкие экземпляры. В лесах было много озер, болот и топей, и во многих местах возникали обширные торфяники, которые дали начало современным буроугольным бассейнам. Ведь между бурым и каменным углем существует большое различие.

Бурые угли относятся к третичному периоду кайнозойской эры, тогда как каменные угли образовались в конце палеозойской эры (карбон, пермь). Бурые угли возникли за счет явнобрачных

растений (цветущих и размножающихся семенами), в то время как каменные угли- за счет тайнобрачных растений (нецветущих, размножающихся спорами).

В лесах того периода жили удивительные животные. Это были могучие мастодонты и дейнотерии, первобытные тапиры, рогатые и безрогие носороги, различные первобытные черепахи и крокодилы.

В этих лесах появились и первые олени родов Palaeomeryx и Dicroceros; последние были первыми из оленей, у которых голова самцов была украшена небольшими простой формы рогами.

Конечно, напрасно бы ты, дорогой читатель, искал этот край под Рудными горами, напрасно бы ждал, что где-нибудь в глубине лесов встретишь некоторых из этих удивительных животных. Все это было не менее 10 миллионов лет назад, а за такое время уже конечно что-то должно измениться.

* * *

Действие шестого рассказа «Проигранная жизнь» могло происходить где угодно в Европе во время плейстоцена.

Не обязательно это должны были быть волки, которые загоняли гигантских оленей (Cervus megaceros) в торфяники. Иногда виновниками могут быть и первобытные охотники, а также несчастные случаи приводили к гибели в торфяниках этих прекрасных рогачей. Это случалось в то время, когда первые морозцы еще недостаточно укрепляли поверхность торфяников и тонкий слой льда в некоторых местах не мог удержать тяжелое тело оленя; то же самое случалось и весной, когда лед начинал подтаивать.

Множество костей этих оленей находят в ирландских торфяниках около Беллибетега, недалеко от Дублина. Они встречаются в таких количествах, что из них можно составлять целые скелеты, которые в музеях вызывают большой интерес. Их нахождение в этих местах объясняется, однако, в последнее время несколько иначе.

От момента,когда над оленем, героем нашего рассказа, затянулась поверхность коварного торфяника, прошло не менее 50 тысяч лет!

* * *

Последний рассказ «Таинственный идол» посвящен событиям, которые могли происходить в районе Моравского краса* и в других местах в конце палеолита в четвертичный период.

[*Район карстовых пещер в Южной Моравии (Чехословакия). — *Прим. переводчика*]

Главной идеей этого рассказа является утверждение, что в палеолите, так же как и позднее, жизнь в одиночестве для человека была невозможной. Только жизнь в коллективе могла облегчить тяжелую жизнь каждого отдельного человека и привести его к все более высокому, все более совершенному хозяйственному и общественному расцвету.

Уже с того времени коллектив был необходимым условием для развития людей во всех отношениях. Не в разобщенности и одиночестве, а в коллективе и при совместной работе многих первобытных охотников и женщин можно было обеспечить терпимую жизнь каждому индивидууму, силу и развитие всей общине.

В рассказе подчеркнута еще одна мысль: произведения искусства, будь то гравюры, рисунки или статуэтки, первобытные охотники создавали не для забавы, а из-за более важных причин.

Животные гравировались, рисовались или моделировались человеком прежде всего как предмет охоты, как что-то, чем охотники хотели овладеть. Ведь только от успешной и богатой охоты зависело благосостояние общины, а поэтому охотники старались как-то благоприятно повлиять на течение и результат охоты.

Поэтому эти изображения являются (в большей части, а может быть и все) предметами магического охотничьего культа. Это, таким образом, не обыкновенные изображения, а скорее таинственные идолы. Эти изображения, однако, вовсе не доказывают, что у человека есть врожденное суеверное чувство, как мог бы кое-кто понять. Магические охотничьи и другие культы были лишь вынужденным следствием тяжелых условий жизни и отсталого мышления людей того времени. Сейчас каждому ясно, как мало пользы приносило им это волшебство, и единственным, что им могло помочь, было действительное знание жизни зверей, а также охотничий опыт и искусство. Первобытные охотники, очевидно, верили, что если они изобразят зверя раненым или попавшим в ловушку, то он будет ранен или пойман в ближайшее время в действительности. Поэтому на многих изображениях животных того времени находим выгравированные стрелы. Из многих сохранившихся изображений наскальной живописи достаточно упомянуть гравюры бизона с

врезанными стрелами или копьями, которые были обнаружены в пещере Нийо во Франции.

Схватка бизонов, какую видел Агли, была запечатлена в прекрасном памятнике древнего искусства, представляющем собой гравюру, сделанную кремневым резцом на ребре дикой лошади; оно было найдено в пещере Пекарна в Моравии (Чехословакия).

Изображение бизона, пронзенное стрелами, которое в период тяжелой нужды вырезал охотник на стене отдаленного зала пещеры и которое в моменты самого острого голода стало для него каким-то таинственным идолом, можно до сих пор видеть в пещере Нийо во Франции.

Наконец, следует еще добавить, что Агли, Гина и ее дети не образовывали семью в нашем понимании. Тогда у каждого мужчины не было своей жены. В то время супружество было групповым, и родственные отношения определялись по материнской линии.

Гина со своими детьми пошла вместе с Агли только потому, что и она была недовольна общинной пещерой, так же как и Рил, друг Агли, который однако вскоре и вовремя вернулся назад. После возвращения в общину Агли снова жил один среди охотников, а Гина с детьми- среди женщин. История Агли, о которой мы рассказали, случилась примерно 18-20 тысяч лет назад.

Ты, конечно, дорогой читатель, понял, что каждый из рассказов переносил тебя в другой мир с иной флорой и фауной. Уже только это вызвало у тебя правильное представление, что наш мир от своего начала до сегодняшних, дней не был всегда одинаковым, как не были одинаковыми растительности и животный мир. Ничто не свидетельствует о том, что мир, растительность и животный мир были такими, как это изображают различные религиозные легенды и мифы. Наоборот, были найдены доказательства того, что наша Земля и жизнь на ней с самого начала в действительности менялись, и было установлено, как менялись. Все это привело ученых к пониманию действительных природных причин этих изменений.

Четыре миллиарда лет, а по мнению некоторых ученых и семь миллиардов, прошло с момента возникновения нашей Земли. О возникновении Земли имеется ряд космогонических гипотез, из которых наиболее правдоподобной представляется гипотеза советского академика Отто Юльевича Шмидта (1891 — 1956), который также известен как знаменитый полярный исследователь.

То обстоятельство, что речь идет «только» о гипотезе, не

должно тебя смущать. Научная гипотеза не является произвольной фантазией, это логическое и наиболее вероятное объяснение известных к настоящему времени положений, основывающихся на всесторонне проверенных фактах и расчетах. Научная гипотеза, естественно, стоит намного выше всяких предположений, которые то или иное явление «объясняют» ссылкой на чудо.

О. Ю. Шмидт считает, что Солнце, которое раньше, несколько миллиардов лет назад, было намного больше, чем теперь, и вращалось вокруг центра звездной системы Млечного пути, прошло через облако межзвездной массы и большую часть ее силой притяжения увлекло с собой. Это гигантское облако метеорной массы стало вращаться вокруг Солнца и понемногу, приобретать форму крупной линзы. Разнородное движение частиц со временем выровнялось и установилось таким, в котором преобладало одно направление движения. От взаимных столкновений частицы теряли скорость, многие из них стали падать на Солнце, другие начали скапливаться вокруг более крупных частиц, образуя постоянно увеличивающиеся ядра, из которых со временем возникли планеты Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон. Кометы и метеориты, вероятно, представляют собой остатки этого гигантского облака межзвездной массы, которую Солнце когда-то задержало и под влиянием своего притяжения увлекло на свою орбиту в космическом пространстве.

Согласно О. Ю. Шмидту, весь этот процесс продолжался примерно семь миллиардов лет. Возраст Земли, отсчитываемый от момента, когда на ней возникла твердая кора, О. Ю. Шмидт оценивает в два — три миллиарда лет. Так как согласно гипотезе академика О. Ю. Шмидта Земля возникла не из раскаленной солнечной массы, он объяснял высокую температуру ядра Земли радиоактивностью и радиоактивным выделением тепла из той части метеоритов, которая образовала земную кору*. Это объяснение по своей сути совершенно правильно и согласуется с данными других ученых.

[*Согласно О. Ю. Шмидту метеориты, которые были сложены частично сплавом железа и никеля и частично породой (так же, как и метеориты, находимые сейчас), в земном ядре преобразовались. Тяжелые компоненты (железо, никель, содержащие мало радиоактивных веществ) опустились вглубь, тогда как легкие (образующие горные породы и содержащие больше радиоактивных веществ) образовали земную кору.]

Собственно геологическая история Земли начинается с момента, когда на ее поверхности образовалась твердая земная

кора. Геологическая история началась с архейской эры. В этой геологической эре выделяем две фазы:

1) безводную фазу (ангидрическую), когда вся вода при температуре выше 165°С была превращена в пары, наполнявшие атмосферу;

2) раннеокеаническую фазу, когда в результате понижения температуры впервые водные пары сконденсировались и в углублениях на поверхности твердой земной коры образовали первый океан.

Как выглядела земная поверхность в свою самую старшую геологическую фазу, т. е. в безводную фазу, мы не знаем. Академик Василий Григорьевич Фесенков считает, что она, очевидно, была похожа на поверхность Луны, где из-за отсутствия воды и атмосферы она сохранилась в неизменном виде до нашего времени.

В позднюю, раннеокеаническую, фазу вода еще не была разделена на соленую и пресную. Вулканическая деятельность все еще была интенсивной и мощной. Раскаленные пары, газы, горячая вода и громадные лавовые излияния прорывались на едва затвердевшую земную поверхность. Лава затвердевала как на поверхности, так и в глубине и образовывала вулканические породы (вулканиты). Прежде чем лава застывала, от нее из-за различной плотности отделялись металлы и их руды.

Лавовых излияний было много, и они нагромождались одно на другое. И возникавшие при этом первые неровности земной поверхности были причиной первой размывающей (эрозионной) деятельности древних рек, при которой вымытые массы выносились в древний океан, на дне которого накапливались первые осадочные породы (седименты).

От этих самых древних лавовых излияний сегодня мы находим уже лишь незначительные следы. Реки, ледники, ветер в пустынях, море, новая вулканическая деятельность — все это в течение долгого геологического времени менялось на одном месте, и все это стерло первоначальный вулканический облик поверхности Земли и обусловило ее пестрое геологическое прошлое.

Первичный рельеф земной коры, не сильно отличающийся от современной поверхности Луны, создался таким образом в результате вулканической деятельности. Сейчас от него не осталось ни малейшего следа. Под действием выветривания он разрушился. Распавшиеся обломки были унесены водой и в процессе истирания превращены в песок и ил на дне морей. После долгого, очень долгого времени, когда процессы уплотнения (диагенетические) преобразовали песок и ил в

песчаные, глинистые и мергелистые породы, последние горообразовательными процессами с глубоких и неспокойных морских бассейнов могли быть подняты над уровнем моря. Бывшее морское дно снова становилось гористой сушей. Ветер, вода и другие геологические факторы снова, однако, разрушали обнаженные и нетронутые скалы, разъедали их до тех пор, пока скалы наконец не распадались и не исчезали совсем. И такие перемены повторялись многократно.

Но часто случалось, что земная кора снова раскрывалась и через трещины выливались новые потоки раскаленной лавы, которые расплавляли более старые породы и создавали из них новые породы, иногда и более крепкие, чем были первоначальные (измененные породы — кристаллические сланцы). Так случалось, конечно, многократно, прежде чем образовалась хотя бы часть древнего материка*, на которую сегодня мы должны смотреть с уважением как на один из самых старых памятников геологической истории Земли.

[*Архейские области Земли сложены кристаллическими сланцами, прорванными изверженными породами (гранитами, сиенитами, диоритами и т. п.).

Но было бы ошибкой, если бы все подобным образом сложенные области мы считали архейскими; большая часть их значительно более позднего происхождения. Действительно, архейские области редки; в Чехословакии архейские отложения полностью отсутствуют.]

О самой древней истории нашей Земли, следовательно, мы знаем пока мало.

Зато намного больше мы знаем об истории более позднего времени, причем, чем исторические эры моложе, тем они лучше изучены. Хорошо сейчас известно, где были древние материки, а где- моря, где были обширные пустыни, где буйные леса, где большие вулканические области, где широкие, открытые пространства с озерами и болотами. Установлено также, когда морское дно превратилось в материки, а материки в морское дно. Было также выяснено, в какое время гигантскими горообразовательными процессами были воздвигнуты высокие горы, и подсчитано, как долго все это продолжалось, прежде чем горы снова были разрушены и в результате сноса выровнены. Мы имеем сведения о том, какой климат был в отдельные геологические периоды и где он изменился.

Всего этого уже достаточно, чтобы убедиться, что Земля с самого начала постоянно изменялась и развивалась. И каждое такое изменение имело свою естественную причину. Во многих случаях эта причина была уверенно установлена и

соответствующее явление было научно полностью объяснено.

Живая материя возникла естественным путем и вполне закономерно из неживой материи. История ее возникновения совпадает с частью истории развития всей Земли.

Жизнь является не чем иным, как только более высокой ступенью развития неживой природы.

О возникновении первой живой материи также существует несколько гипотез.

Возможность нескольких объяснений, однако, не свидетельствует о беспомощности науки или о малой надежности научных данных, а указывает лишь на то, что проблема еще не решена полностью. Каждое из этих объяснений, как бы они друг от друга не отличались, в любом случае ближе к правде, чем религиозное учение о сотворении мира, которое ничего не объясняет и ссылается на чудеса сверхъестественных существ.

Наиболее достоверной из всех гипотез является гипотеза советского академика Александра Ивановича Опарина, который при решении проблемы возникновения жизни исходил не только из самых современных данных физической химии и биохимии, но и из положений Фридриха Энгельса, который очень интересовался вопросами возникновения и развития жизни.

Согласно академику А. И. Опарину, большую роль при возникновении жизни играл углерод и не только из-за некоторых своих особых химических свойств (например, из-за своей высокой реакционной способности), но также потому, что этот элемент необычайно широко распространен во всей Вселенной, хотя и в разных формах. На раскаленных небесных телах углерод встречается как в форме атомов и молекул, так и в виде простых соединений, а в остывших телах, например в железных метеоритах, он бывает как в чистом виде в форме графита, так и в виде соединений, чаще всего в виде карбида какого-нибудь металла.

Пока Земля еще была недостаточно остывшей, ее поверхность была окружена атмосферой без кислорода и азота, но зато с большим количеством водяных паров.

Карбиды, которые постоянно извергались из внутренних частей Земли на поверхность, сталкивались с водяными парами, благодаря чему разлагались и образовывали углеводороды. В контакт с водяными парами вступали также и нитриды, т. е. соединения азота с разными металлами*; в результате их разложения возникал аммиак NH3, т. е. соединение, в которое входили один атом азота и три атома водорода.

[*Свободного азота тогда еще не было.]

Углеводороды, состоящие из углерода, водорода и кислорода

(позже присоединявшие и молекулы воды), затем реагировали с аммиаком. Таким путем образовывались органические соединения, все более сложные и высокоорганизованные, которые одновременно представляли и более высокую ступень в развитии материи на нашей Земле**.

[**Из этого вытекает важный вывод о том, что органическое вещество возникло намного раньше, чем возникла сама жизнь.]

Когда же при дальнейшем охлаждении Земли и атмосферы водяные пары конденсировались и в виде мощных ливней выпадали на поверхность Земли, где в углублениях образовывали первый океан, из атмосферы в океан попали и примитивные органические соединения. В первоначально горячем океане при сильном воздействии ультрафиолетовых лучей солнца возникали потом новые и более сложные химические соединения; для их образования не требовалось никаких сверхъестественных вмешательств. Из простых соединений естественным и закономерным путем (который в этом комментарии невозможно рассмотреть детально) образовывались все более сложные, пока, наконец, не возникали и высокомолекулярные органические соединения, подобные тем, которые теперь находим в телах животных и растений. Из всех этих высокомолекулярных органических соединений, согласно Ф. Энгельсу и А. И. Опарину, в первую очередь были необходимы для возникновения жизни простые белковые соединения.

Образование белков явилось важным событием для возникновения жизни. Важной предпосылкой этого было присутствие аминокислот, из которых, в основном, сложены белки. А в водах теплого первичного океана имелись все условия для их появления.

Согласно А. И. Опарину, первичные простые белки имели очень неоднородное хаотическое строение и не были сходны ни с одним из существующих сейчас белков. Это не только правильно, но и с точки зрения развития необходимо, так как в те периоды, когда они образовывались, на Земле были другие условия как в самих морях, так и в атмосфере. И поскольку белки не возникли случайно, то при меняющихся условиях в более позднее время они должны были тоже изменяться и развиваться. А это представляло собой дальнейшую важную и более высокую ступень в развитии материи.

Эта более высокая ступень в развитии материи проявлялась, например, и в том, что белки, растворяясь, образовывали так называемые коллоидные растворы. Коллоиды обладают способностью объединяться в крупные образования, хотя их молекулы сами по себе достаточно большие, иногда и чрезмерно

(так называемые макромолекулы). Если смешать друг с другом два разных белка, то можно будет видеть, что растворы, вначале лишь слабо мутные, после смешения станут намного мутнее. Под микроскопом устанавливается, что помутнение обуславливают мелкие капельки, которые указывают на то, что белковая масса, ранее равномерно рассеянная в воде, начала образовывать сгустки и отделяться от водной среды. Эти капельки хотя и содержат воду, тем не менее они от нее отделяются и становятся какими-то самостоятельными образованиями. Это явление называется коацервацией (группированием).

Коацервированные капельки, которые, по мнению А. И. Опарина, приобрели уже определенную индивидуальность, представляют собой дальнейшую очень важную и восходящую ступень в превращении неживой материи в живую. Это уже концентрация необходимых молекул в одно целое, появление различия между внутренней и внешней частями, между примитивным скоплением и средой, причем между обеими частями происходит уже какой-то начальный обмен веществом, хотя еще совсем не регулярный и далеко не такой, какой мы наблюдаем у живых существ сегодня.

В первичном океане возникло наверняка множество коацервированных капелек, отличающихся друг от друга прежде всего внутренней структурой; некоторые были очень примитивными, другие более сложными и с большей поверхностью, позволяющей полнее развиваться различным химическим процессам. У последних химические реакции стали происходить уже в некоторой определенной последовательности и наконец у них стало наблюдаться такое достопримечательное явление, когда коацервированная капелька росла только до определенной величины, после чего разделялась на две капельки. Число капелек стало самопроизвольно увеличиваться.

В развитии коацервированных капелек, согласно А. И. Опарину, важную роль играл уже какой-то естественный отбор, который совершенствовал и направлял их развитие в определенной среде и также регулировал и стабилизировал скорость протекающих химических процессов, ранее идущих более медленно.

Ускорение химических реакций в коацервированных капельках происходило благодаря совершенствованию так называемой ферментной системы капельки*, причем те ферменты, которые оказались особенно важными в определенных условиях жизни, совершенствовались и стабилизировались, тогда как ферменты, которые в той среде, а возможно и в процессе развития, утрачивали свое значение, ослабевали или совершенно

угасали.

[*Ферменты- биокатализаторы вещества, которые часто, присутствуя даже в незначительных количествах, делают возможными и регулируют разные химические реакции в живой материи и в организмах.]

Возникновение ферментной системы обеспечило коацервированной капельке стабильность и еще большую индивидуальность.

А от этой стадии развития неживой материи был уже лишь совсем маленький шаг к тому, чтобы из коацервированных капелек совершенного и сложного строения произошел тот маленький комочек материи, который уже имел главные признаки жизни, т. е. обмен веществ (метаболизм), рост и размножение, как мы это наблюдаем под микроскопом у протоплазмы растительной клетки.

Если сегодня мы знаем, что жизнь возникла из неживой материи — и не случайно, а совершенно закономерно, то нам также ясно, что по столь же естественным причинам и мотивам жизнь сразу стала развиваться во всех направлениях. Ошибался знаменитый шведский ученый Карл Линней (1707 — 1778), когда провозгласил: «Tot sunt specis, quot ab initio creavit infinitum Ens» («Видов столько, сколько с самого начала их сотворил бог»). Он ошибался и тогда, когда добавил, что виды неизменны.

И хотя сам он перед смертью начал сомневаться в своем заявлении о неизменности видов, тем не менее у него были некоторые последователи, которые защищали его взгляды, верили в них и распространяли их. Одним из них был Жорж Кювье (1769 — 1832), известный французский палеонтолог. Однако при своем изучении вымерших позвоночных он выявил, что пласты разных геологических формаций хранят остатки различных животных. Чтобы как-то объяснить этот бесспорный факт, он стал проповедывать взгляды о том, что все существа время от времени гибли от больших катастроф, после которых сотворялись снова (теория катастроф-катаклизмов).

Но и его авторитет не мог помешать тому, чтобы вскоре против его неверных взглядов не раздались голоса других ученых, которые на основе установленных фактов отвергали его идеи и провозглашали новые, не отягощенные устаревшими взглядами и недоказанными утверждениями. Этот путь к истине, прочно утвердившийся в науке и заключающийся в доскональном изучении действительности и материалистическом мировоззрении, вначале был тернистым и полным преград, но шли этим путем люди отважные и смелые, которых человеческая косность, тщеславие и мелочность могли лишь задержать на

какое-то время, но никогда не могли остановить. Это были люди, стоящие выше насмешек, издевательств и унижений, готовые вынести и немалые материальные лишения. Поэтому они в конце концов одержали полную победу, а вместе с ними победили и их взгляды.

Сейчас уже нет ни одного естествоиспытателя, который бы не придерживался эволюционного учения, впервые высказанного Ж. Б. Ламарком (1744-1829) и блестяще развитым знаменитым Ч. Дарвиным (1809-1882).

И в науке также когда-то царил взгляд, что мир в своем удивительном многообразии должен был быть кем-то сотворен. Но факты, установленные при дальнейших обстоятельных исследованиях, все это безусловно опровергли и, наоборот, подтвердили, что мир возник и развивался согласно совершенно естественным свойствам материи и что в нем нет места для какого-то сверхъестественного созидающего и управляющего существа. Предположение о боге в свете неопровержимо установленных положений теряет какую-либо обоснованность и смысл.

Отдельные рассказы, дорогой читатель, написаны на основании определенных фактов. Это ты, впрочем, уже знаешь. Изображение жизни животных в этих рассказах является результатом остеологических, палеобиологических, геологических и палеоклиматологических исследований. Давать к ним отдельные пояснения не представляется возможным из-за большого объема и чрезмерной специализации. Здесь я должен, дорогой читатель, попросить, чтобы ты не сомневался в их правдивости.

Не сердись, дорогой читатель, что для всех вымерших животных и растений своих рассказов я сохранил их научные латинские названия. Я поступил так по той простой причине, что для них в нашем современном языке нет названий. Перевести смысл этих названий очень трудно и не требуй, чтобы я придумывал названия новые!

Если не сможешь эти названия произнести, я научу тебя их произношению, которое не будет трудным: Acanthodes читай как акантодес, Anthracojulus — антракоюлус, Archaeopteryx — археоптерикс, Archiscuderia — архискудерия, Arthrolycosa — артроликоза, Baiera — байера, Brasenia — брасения, Calamites — каламитес, Capitosaurus — капитозаурус, Coenothyris — ценотирис, Cordaites -кордаитес, Ctenodus- ктенодус, Cyclophthalmus- циклофталмус, Dictyophyllum — диктиофиллум, Dicroceros — дикроцерос, Dyplocynodon — диплоцинодон, Edaphosaurus- эдафозаврус, Equisetites- эквизетитес, Gasocaris —

газокарис, Halticosaurus — халтикозаврус, Neocalamites- неокаламитес, Oeschidia — эсхидия, Palaeanodonta- палеанодонта, Palaeomeryx- палеомерикс, Palaeorchestia — палеорхестия, Palaeosyops — палеосиопс, Pemphix — пемфикс, Placodus- плакодус, Placunopsis- плакунопсис, Pleuracanthus — плевракантус, Procompsognathus — прокомпсогнатус, Seeleya- силея, Sphenophyllum — сфенофиллум, Stenodictya — стенодиктия, Titanotherium — титанотерий, Tanystropheus — танистрофеус, Urocordylus — урокордилус и Voltzia — вольция. Все остальные названия произносятся так, как они написаны по латыни!

Книгу, которая перед тобой, иллюстрировал член Академии художеств Зденек Буриан. Все иллюстрации он сделал под моим руководством и после изучения костного материала и образцов. Таким образом, все рисунки в научном отношении достоверны.

ОБЗОРНАЯ ТАБЛИЦА ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭР И ПЕРИОДОВ

[*В советской геологической литературе четвертичная и третичная эры объединяются в кайнозойскую эру, состоящую из четвертичного и третичного периодов. Последний разделяется на палеоген (ранняя фаза) и неоген (поздняя фаза). Приведенные в этой книге более дробные подразделения четвертичной и третичной эр в нашей литературе соответствуют не периодам, а более мелким подразделениям — эпохам. (*Прим. переводчика*).]

Возраст геологических эр и отдельных периодов был установлен радиоактивным методом.

Наша Земля достигла солидного возраста — около 3 — 4 миллиардов лет. С момента появления жизни на Земле прошло не менее полутора миллиарда лет.

ТАБЛИЦА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ДРЕВНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК

Мадленская культура была названа по пещере Ла Маделен около Турсака в департаменте Дордонь во Франции.

Солютрейская — по месту Солютр около города Макон в департаменте Сона и Луара.

Ориньякская — по пиренейской деревне Ориньяк в департаменте Верхняя Гаронна.

Мустьерская — по Ла Мустье на правом берегу реки Везери недалеко от городка Пейсак, департамент Дордонь.

Ашельская — по Сент Ашель около Амьена в долине реки Сомма.

Аббевилльская — по городу Аббевилль, лежащему у устья реки Сомма в Пикардии, севернее Парижа, департамент Сомма; раннее название шелльская — по городку Шелль восточнее Парижа, департамент Сена и Марна.

После древнего каменного века (палеолита) наступил поздний каменный век или неолит. Он характерен тем, что в нем появились зачатки земледелия, разведения домашних животных и гончарного дела. Каменные орудия в это время человек изготавливал из базальтов, гранита, сланцев, песчаников и других плотных пород. Из кремней и обсидианов делал только маленькие стрелы и ножи. Все эти каменные орудия были обточены и отшлифованы, чем существенно отличались от палеолитовых орудий, которые всегда несут на своей поверхности следы отколов.

Переходную между палеолитом и неолитом эпоху в последнее время называют мезолитом или средним каменным веком. Человек в этот период занимался прежде всего рыболовством и изобрел лодку; он приручил самое первое животное — собаку.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указателе приведены названия только тех растений и живых существ, которые в тексте описаны достаточно подробно.

Акантод (древняя хордовая рыба) 18
Амблиптер (чешуйчатая рыба), 11, 16
Аминодонт (первобытный носорог) 85
Анотоптерис (древовидный папоротник) 28
Араукария (хвойное дерево) 164
Артроплевр (членистоногое) 17
Археоптерикс (первобытная птица) 50
Ацератерий (безрогий носорог) 102
Бизон (туроподобное парнокопытное животное) 120, 133, 134, 156, 157
Бранхиозавр 15, 167
Брасения (водное растение) 98
Верба карликовая (ива) 105
Верба сетчатая (ива) 105
Волк 107, 108, 109
Гелалетес (первобытный тапир) 86, 87
Гиена пещерная 119
Гинкго (хвойное дерево) 165
Гиопсод (первобытный насекомоядный) 75
Гирахиус (первобытный носорог) 73
Диктиофиллум (папоротник) 28, 38
Диплоцинодонт (первобытный крокодил) 98, 99
Долихосома (змеевидный покрытоголовый) 16
Доллоптерус (летающая рыба) 64
Дриада горная (явнобрачное растение) 105
Каламиты (древовидные хвощи) 9, 13, 20, 163, 165, 168
Капитозавр 36, 38
Кератерпетон (покрытоголовый, похожий на ящерицу) 15, 17, 167
Кипарис 164
Кордаит (голосемянное дерево) 9, 164
Ктенод (двоякодышащая рыба) 19
Лепидодендрон (древовидный плаун) 9, 13, 18, 19, 163, 170
Лиса 148
Мариоптерис (семенной папоротник) 166
Мастодонт 102, 175
Меганевра (гигантская стрекоза) 10
Метопиас (покрытоголовый) 37
Микробрахис (покрытоголовый) 167

Мистриозух (крокодилоподобный ящер) 37, 38
Моллюски 57
Морские звезды 57
Невроптерис (семенной папоротник) 14, 166
Негератиопсис (папоротникообразное растение) 15
Неокаламит (хвощ) 28
Нисса (лиственное дерево) 73
Носорог шерстистый 141
Нотозавр (хищный ящер) 49, 59, 173
Олень исполинский 106, 175
Орогиппус (ископаемая лошадь) 78, 79, 80, 174
Палеобатрахус (ископаемая лягушка) 98
Палеомерикс 99, 175
Палеонисцид (чешуйчатая рыба) 10, 167
Палеотапир — цв. вклейка 4
Папоротники
Парамис (ископаемый грызун) 76
Пемфикс (ископаемый рак) 50
Пещерный медведь
Плакодонт 55, 56, 58, 63, 66, 67, 173
Плакунопсис 57
Платеозавр 33, 34, 42, 172
Плевракант (ископаемая акулоподобная рыба) 10, 19, 20, 167
Плезиогиппус (ископаемая лошадь) 79
Плеченогие (водяные черви) 57
Прокомпсогнат (хищный ящер) 29, 30, 31
Птеридоспермы (семенные папоротники) 9, 21, 166
Росомаха 132
Сагеноптерис (водный папоротник) 27
Секвойя (хвойное дерево) 164
Сигиллярия 9, 13, 16, 20, 163, 165, 170
Силея (покрытоголовый небольших размеров) 15, 167
Синоплотерий (ископаемый хищник) 84, 85, 174
Стегоцефал 13, 167
Стенодиктия (летающее насекомое) 11
Стигмария (порода, проросшая корнями) 168
Таксодиум (хвойное дерево) 73
Танистрофеус (хищный ящер) 51, 173
Тетониус (ископаемая обезьяна) 86
Титанотерий (ископаемое непарнокопытное животное) 74
Триасохелис (древняя сухопутная черепаха) 30
Тритемнодон (хищник) 72, 73, 76, 77, 82
Уинтатерий (ископаемое копытное животное) 90, 91, 174
Урокордилус (покрытоголовый) 11, 12

Хагиофитон (древовидный папоротник) — на обложке, 18
Халтикозавр (плотоядный гигантский ящер) 32, 33
Хамаекипарис (хвойное дерево) 73
Хироптерис (папоротник) 34
Цикадовые (голосемянное дерево) 26
Эдафозавр — на обложке, 19, 20, 21, 167
Эквизетитес (древовидный хвощ) 27
Эогиппус (первобытная лошадь) 79

К ЦВЕТНЫМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1 — первобытные стрекозы рода меганевра, размах крыльев которых достигал 75 см (к рассказу «Исчезнувший мир»)

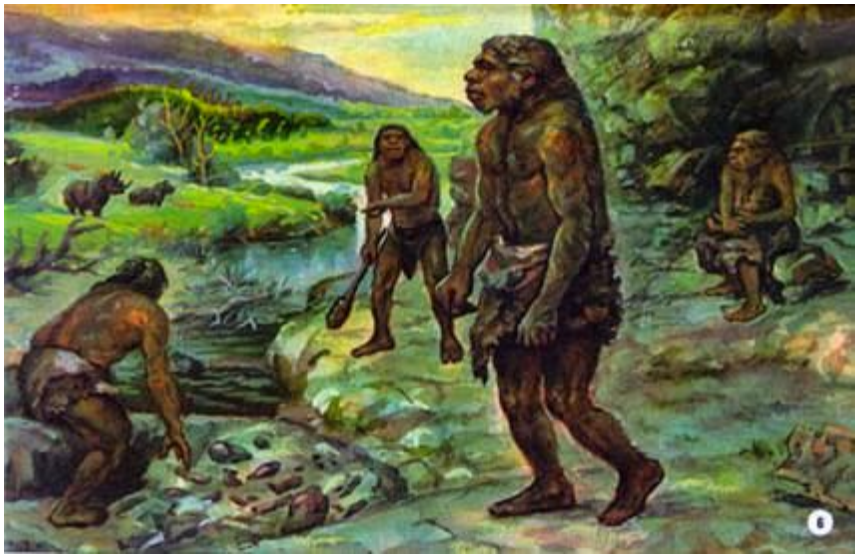
2 — покрытоголовые (стегоцефалы) палеозойской эры — хвостатые первобытные земноводные, похожие на современных саламандр, ящериц, крокодилов, а иногда и змей.

На переднем плане на плоском валуне- Urocordylus sealaris; на валуне справа — Branchiosaurus salamandroides; слева в воде- Dolichosoma longissimum; на берегу слева- Microbrachis pelicani (к рассказу «Исчезнувший мир»).

3 — первобытная акула из рода плевракантус (Pleuracanthus) с хрящевым скелетом, средних размеров, жившая в водах Европы и Северной Америки в позднем палеозое (к рассказу «Исчезнувший мир»).

4 — первобытный тапир (Palaeotapirus) с детенышем (к рассказу «Озеро ужасов»).

5 — шерстистый носорог (Coelodonta antiquitatis) с самкой и детенышем (к рассказу «Таинственный идол»).



6 — община неандертальцев (Homo neanderthalensis), поселившаяся в пещере (к рассказу «Таинственный идол»)

7 — медведица с медвежатами, собирающие желуди и сочные плоды лесных кустарников